

ЛАВА 21

журнал поэзии

50 лет Чичибабинской студии

Харьков
2014
СЛОВО

ISBN 581-764-7875-11-23

Главный редактор:

Андрей Костинский — Герман Титов

Редакция

Богдан Ант
Виталий Ковальчук
Андрей Костинский
Евгений Кривочуприн
Герман Титов
Юрий Шкурко

Издание является неотъемлемой частью
проекта клуба поэзии «АВАЛ»
(руководитель – Андрей Костинский)

Концепция и дизайн номера – Герман Титов

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Новый, 21-й номер журнала поэзии «**ЛАВА**» выходит после большого, и довольно непривычного для наших читателей перерыва. В общем, это, конечно, понятно: тем временем началась и уже разворачивается, как туго уложенная в шкатулке истории пружина, какая-то новая эпоха в жизни, культуре, быте, наконец.

Эти времена предлагают человеку нелёгкий выбор — остаться (хотя бы потенциально) творческой личностью, подобием Божьим, или опуститься, оказавшись бессильной и безнадёжной частью охваченной паникой/ненавистью толпы. Но именно в такие годы исключительно важно вспомнить то лучшее, то (не убоимся этого слова) — заглавное, что сделало Харьковскую Цивилизацию общеевропейским и — скажем ещё шире — общемировым достоянием.

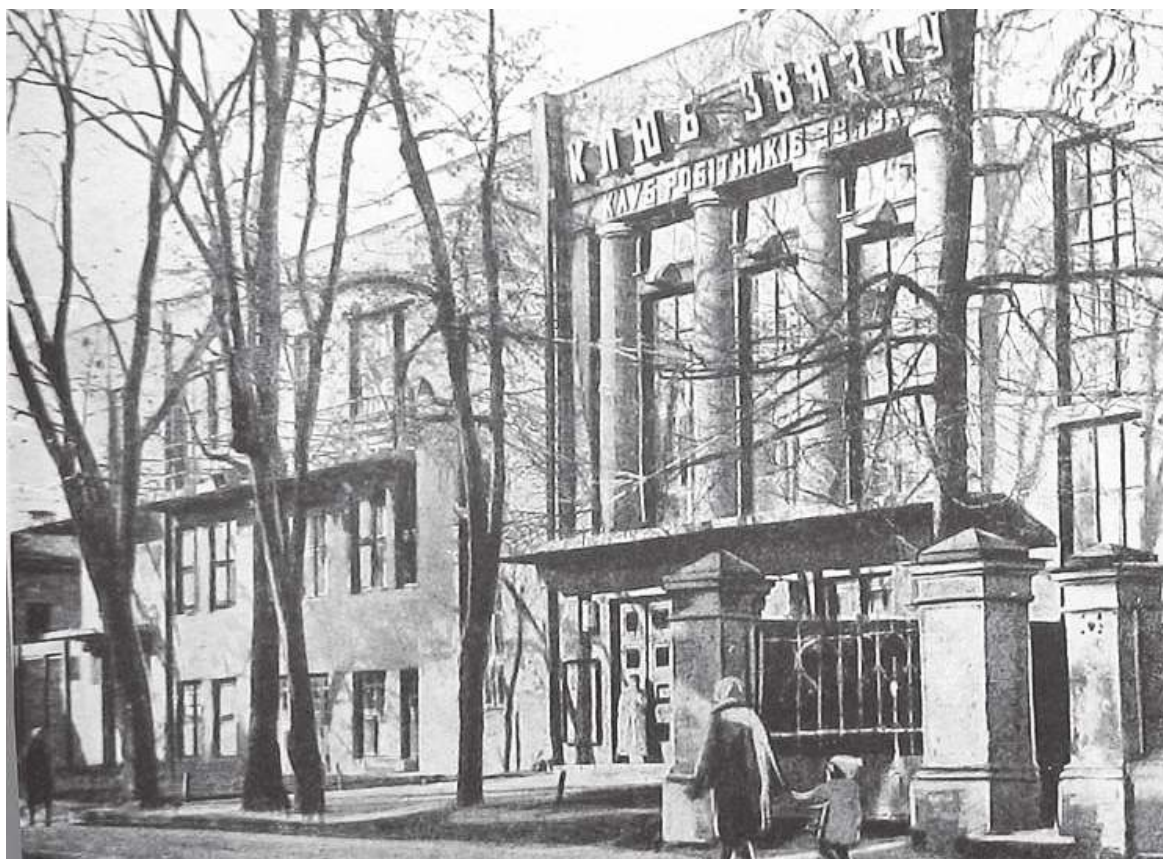
Нынешний номер открывает не слишком большая по объёму, но крайне важная в литературном и культурологическом смысле подборка воспоминаний, размышлений и пр., посвящённых в некотором роде архиважной юбилейной дате — пятидесятилетию легендарной **Чичибабинской студии**. Начинается она вступлением Юрия Георгиевича Милославского, продолжается и удостоверяется подборкой стихов самого Бориса Алексеевича, а затем...

Впрочем, не будем здесь, как говорится, раскрывать все карты — пусть читателю будет интересно открыть следующие страницы журнала. Добавим только, что иллюстрации к этому номеру представляют собой своеобразную виртуальную «прогулку с Чичибабиным» — с ул. Рымарской, где тогда жил поэт, до самой ул. Скрыпника, где располагалась студия.

И, конечно, как всегда, в «ЛАВЕ» широко представлены новые стихи и прозаические творения (в т. ч. — дебюты) авторов Харькова, нашей страны, а также ближнего и дальнего зарубежья.

СТУДИЯ ставшая ЛЕГЕНДОЙ

РУССКИЙ РЕЛИГИОЗНЫЙ «ШЕСТИДЕСЯТНИК»: Б.А. Чичибабин и его студия

Юрий МИЛОСЛАВСКИЙ

I

Выяснилось, что дают и такие срока. Литературную студию при Доме Культуры [работников] связи, — это значимое слово обыкновенно пропускалось в кратком именовании названного учреждения, что чрезмерно расширяло его смысл, — студию эту доверили Борису Алексеевичу Чичибабину еще на исходе января 1964 года; об этом Харьковскому поэтическому стало известно почти тотчас же. Однако первое практическое занятие-знакомство состоялось, насколько я помню, вечером в среду 5 февраля 1964 года. — Февраль был харьковским: когда я, выйдя пораньше, зашагал от своей Краснознаменной (Каплуновской) по направлению к Дому Культуры Связи, света было еще достаточно, и ледяная корка на ветвях деревьев Политехнического сада оставалась полупрозрачной, белесой, грязно-серебряной по изгибам. Затем понесло водянистым снежком — и немедленно стало

6

темно и слякотно.

Правду сказать, меня озадачивает не столько длительность путешествия, — от начала эпохи студии Чичибабина — и до сего зимнего дня, сколько краткость самой этой эпохи. В архиве писателя и киноведа Раисы Андреевны Беляевой (Гуриной) хранится рукописное объявление, из которого следует, что, мол, «занятие Литературной студии, посвященное памяти Бориса Пастернака, состоится в воскресенье, 9 января 1966 года... Приходите сами, приводите друзей» и проч.

Это январское занятие оказалось последним: Борис Леонидович был разрешен к употреблению лишь условно, да к тому же — предисловие к совсем недавно (на титульном листе — 1965 г.) вышедшему из печати пастернаковскому тому в «Библиотеке Поэта» принадлежало перу Андрея Донатовича Синявского, — тогда уже арестованного и осужденного. В сочетании с именем Чичибабина, подобная, — в сущности, пустяковая — историко-литературная «коллизия» внезапно породила гремучую идеологическую смесь. Допустимо, что годом раньше или годом позже — все бы обошлось легко и без боли, но той зимой в скучных недрах Агитпропа происходило какое-то учащенное движение инструкций. А, быть может, кто-то из коллег Бориса Алексеевича по Союзу Писателей, удачно обратился с челобитной по начальству. Так или иначе, но студия Чичибабина прекратила свое существование, проработав, — сколько это получается? — чуть меньше двух лет.

Двадцать три месяца с малым гаком.

Ничего более значительного по степени воздействия, чем эти студийные месяцы, в моей жизни не случилось. И я хорошо знаком еще с двумя-тремя людьми, о которых мне доподлинно известно: их предвари тельные жизненные итоги в пределах обсуждаемой здесь области совершенно схожи с моими. В нашей последующей судьбе не следует искать общности. Мы просто испытали равное по значимости / по силе влияние одного и того же т. н. культурного феномена. Проще сказать, мы вышли из *студии Чичибабина*.

Еще о нескольких лицах я могу сказать приблизительно то же самое, — но более понаслышке.

Все это означает, что есть во Вселенной некое умозрительное пространство, где все мы (студийцы) особенным образом пребываем в затрапезной, но достаточно вместительной зальце, оборудованной высоким дощатым помостом-сценой; на столе, размещенном на подмостках, лежит чичибабинский, конторского образца, портфель с книгами...

II

В силу известных особенностей новейшей отечественной истории, — и по обстоятельствам биографическим, — Борис Алексеевич Чичибабин представлен нам (собственно, с настойчивостью представляется), прежде всего, в облике, так сказать, антисоветско-либеральном. Нельзя утверждать, будто для этого нет оснований. Поэт испытал на себе неумолимое воздействие всех тех губительных энергий, которые только имелись в распоряжении его эпохи: от силовых приемов нелепой агитпроповщины, которой так и не удалось предотвратить ни одной настоящей «идеологической диверсии» — и до обложного налета на душу эстеблишированной, наглой, сытой, могущественной диссидентщины. Там, где ослабевала мощь первого из названных нами факторов, там тотчас же многократно укреплялся фактор второй. Но обыкновенно они работали совместно, в полном согласии, как пресловутые «злой» и «добрый» следователи, — и, наконец, к середине 80-х, явно обнаружили общую свою природу. Впрочем, иначе и быть не могло. Можно сказать, что в некотором смысле Борис Алексеевич «век свободы не видал». Но сперва — о «шестидесятых».

В реальности указанный период нашей истории длился, приблизительно, от 1955/56 по 1971/72 гг. — и оказал решающее воздействие на все русское культурное пространство. Впрочем, сегодня констатация эта обратилась почти в общее место. Объективности ради добавим, что такова же историческая роль «шестидесятых» и для сегодняшних Северной Америки и Европы. Культурная история российских «шестидесятых» покамест изучена недостаточно, притом что изучать ее становится все труднее. Носители этой истории, будь то отдельные лица, или общественные группы (организации) — не просто еще физически живы; они поныне, — до сего дня, — являются, как выразился в своей «Психологии масс» Лебон, подлинными господами живых, — и всячески препятствуют тому, чтобы их «изучали»; собственно, никакая культурная история не спешествует своему изучению заживо; в этом смысле «шестидесятые» отличаются разве что необыкновенной жесткостью

и неразборчивостью в средствах, избранных для сопротивления даже самым, казалось бы невинным, попыткам, разобраться в их сущности. — По той же причине почти отсутствуют и серьезные художественные попытки запечатления российских «шестидесятых».

Для стран бывшего СССР время «шестидесятых» стало преддверием окончательного торжества совокупных умонастроений, **вообще свойственных российскому нижнему господскому слою**[1], обыкновенно именуемому интеллигенцией.

Как это всегда происходит в истории культуры, российский нижний господский слой сформировал и миф о своем происхождении. В частности, в последние десятилетия стараниями А. И. Солженицына, как одного из наиболее известных представителей н. г. с., в обиход было введено понятие т. н. «образованщины», — или «советской интеллигенции», которая, будто бы, разительно отличается в своих культурно-поведенческих стандартах от «настоящей», истинной русской интеллигенции, в ее «веховской» модификации. Но при ближайшем рассмотрении этого допущения можно заметить, что речь идет о подмене понятий: действительно, в различные исторические моменты в различных группах в пределах н. г. с. доминировали различные «системы взглядов», «убеждения», различные сознательные и бессознательные, «роевые» тактики во взаимодействиях с высшими господскими слоями как в самой России-СССР, так и за ее пределами, — слоями, **всегда являющимися для н. г. с. работодателями**. Между коллективными носителями этих противоположных «убеждений и взглядов» велась и ведется дискуссия, борьба, иногда доходящая, как известно, до взаимоистребления. Но все эти различия, даже относясь к явлениям и предметам действительно важным, всегда были, по сути, второстепенными, ибо не касались главной характеристики (основного свойства) н. г. с. **В своей целокупности н. г. с. осознавал и осознает себя сословием глобальных экспертов по всем вопросам мироздания.**

В эпиграмме А. С. Пушкина о живописце и сапожнике, попытка последнего распространить свою экспертизу за пределы обуви, вызвала резкий отпор Апеллеса. Подобная дерзость была, как видим, еще представима в Российской Империи в 20-е — 30-е годы XIX века. В наши дни, да и на протяжении всего XX минувшего столетия, Апеллес был бы тотчас же подвергнут резкой критике за ретроградство, шовинизм, тоталитаризм и проч.; его картины были бы признаны никуда не годными и удалены из галерей; в своих настойчивых рапортах по начальству эксперты потребовали бы отставки Апеллеса с должности

художника, и наверняка преуспели бы в своих настояниях. Если сапожник в пушкинской притче без труда распознается всеми как образ «экспертного сословия», то под Апеллесом следует понимать не только некоего творца прекрасного, но и вообще всякое иное «не-экспертное» сословие, любую человеческую общность, которая дерзает усомниться в глобальных возможностях экспертизы, предоставляемой н. г. с. *urbi et orbi*. Чаяния сословия экспертов состоят не только в одном признании за ним одним безусловного права на таковую экспертизу. Проведение ими экспертизы должно быть неременным условием всякого и всяческого начинания, предпринимаемого на любом уровне человеческой деятельности; при этом мнение экспертов является решающим. Как видим, «сословие экспертов», н. г. с. — претендует, таким образом, на власть (прежде всего, государственную и идейную), но с одним существенным изъятием: хотя она настаивает на том, чтобы ее экспертные рекомендации принимались безоговорочно, при этом, однако, ответственность за результаты претворения этих рекомендаций на практике, н. г. с. возлагает на «не-экспертные» группы, чаще всего, на государственную систему, которая будто бы не смогла или не захотела этими рекомендациями разумно воспользоваться.

Особо стоит вопрос о вознаграждении н. г. с. за его экспертные труды. По мнению н. г. с., это вознаграждение должно начисляться его членам автоматически, — вне зависимости от результатов экспертизы, и уж тем более, вне зависимости от готовности потенциального работодателя (вспомним злополучного Апеллеса) вообще признать необходимой само проведение данной экспертизы. Поскольку деятельность н. г. с., или, как прежде говаривали, способ его существования, состоит именно в непрерывной экспертизе. Всего, для поддержания этого процесса н. г. с. естественно нуждается в средствах: экспертам должно выплачиваться жалованье, должны функционировать соответствующие институты, где работают эксперты и строиться жилье, где они отдыхают между экспертизами. Этот процесс поддержания и поощрения своего существования н. г. с. рассматривает как природный, лучше даже сказать — присносуший. Поэтому ничто и не при каких обстоятельствах не может воздействовать на готовность н. г. с. принять вознаграждение за свои труды из любого внешнего (по отношению к н. г. с.) источника.

Среди прочего, нижний господский слой на территориях исторической России не только определил собственный «круг чтения», но и породил собственную словесность, как некий особый подвид российской словесности. Этот подвид мы намерены называть «литературой н. г. с.», что позволит нам избежать постоянной полемической путаницы между а/русскою;

б/советскою; в/русскоязычною и Бог весть еще какими литературами.

Литература н. г. с. по преимуществу занимается прямым и косвенным истолкованием и пояснением сущности неотъемлемого права «сословия экспертов» на экспертизу, апологией этого права, иллюстрациями его успешного применения, критическим отображением случаев, когда права н. г. с. так или иначе попирались или попираются — или описанием страданий тех представителей сословия, которые насильственно лишены возможности осуществления своих прав, и/или вознаграждения за само обладание этими правами. В последние полтора десятилетия сформировался новейший подвид литературы н. г. с.: определим ее для удобства запоминания как словесность «взыскующих евроремонта». Это любопытный субкультурный феномен, но поскольку ни Борис Чичибабин, ни его студия до появления евроремонтной литературы не дожили, мы перейдем к самому краткому анализу классических образцов литературы н. г. с.: романам «В Круге Первом» и «Раковый Корпус» А. И. Солженицына и ныне забытой, но полвека тому назад «знаковой» — повести покойного М. Дудинцева «Ни хлебом единым». В этих произведениях апология н. г. с. получила наиболее полное и развернутое выражение, — как в плане лиро-эпическом, так и в плане, если допустимо так выразиться, приточном, — т. е. являющем читателю образцы «правильных» ответов/реакций на те или иные вопросы/раздражители, с которыми приходится сталкиваться героям этих романов из числа «экспертов». При этом следует учесть, что главным героем произведений литературы н. г. с. так или иначе, но всегда является автор-повествователь, носитель функции верховного эксперта. Из более поздних типичных произведений лит-ры н. г. с. следует назвать лиро-сатирическую повесть Ф. Искандера «Созвездие Козлотура». Далее российская литература н. г. с., приобретая характер «остраненный», с элементами фантастики, антиутопии, саркастического философствования, политической басни-иносказания, либо пастиша, или, скорее, жанрово-стилевой пародии и под. (см., прежде всего, работы В. П. Аксенова, начатые «Затоваренной бочкотарой», основной свод повестей бр. Стругацких), обрела новый бурный расцвет в конце 80-х — первой половине 90-х годов прошлого века (от Каледина и Пьецуха до Сорокина и Пелевина).

III

Творчество Бориса Алексеевича Чичибабина (Полушина), на наш взгляд, может быть достаточно плодотворно изучено как явление, особым образом состыкованное (по выражению Ю.Н. Тынянова) с литературой н.г.с.

Оно явилось своего рода уникальной творческой реакцией на вызов (основной ряд феноменов, каждый из которых выявлен в наиболее полном из возможных объеме) «шестидесятничества» в целом. Собственно говоря, это общее место. Один из последних сборников Бориса Алексеевича так и зовется «Мои шестидесятые». — Все внешнее (осознаваемое) мироощущение Чичибабина выстраивалось и, если угодно, вербализовалось исключительно в темах, терминах, символах и эмблемах «шестидесятничества», равно «демократического» и «почвенного» изводов. Иного культурного языка Борис Чичибабин практически не знал и так никогда и не узнал.

Уникальность же творчества Бориса Чичибабина состоит в том, что все оно есть — во многом осознанная! — попытка, — сколь плодотворная, столь и трагическая, — синтеза, сочетания, со-вмещения литературы н. г. с., — с национальной русской классической литературой. Мы бы даже дерзнули сказать, что Чичибабиным, как «культуртрегером», собственно — проповедником, было предпринято нечто большее: в его сочинениях упорно и последовательно предлагался некий идеальный надвременный культурный ряд, в котором возлюбленная им двоица «красно солнышко Пушкин, синь воздух Толстой — неразменные боги России» могли бы непротиворечиво состыковаться с Шаровым и Солженицыным, Окуджавой и Эренбургом, — при посредничестве Паустовского и Пастернака. Это был как бы некий литературно-экуменический рай, где нет уже «болезни, печали и воздыхания», порожденных полярностью, чуждостью друг другу тех или иных явлений культурного мира. Противоречия преодолеваются «просветительным» синтезом-миссией: т. к. поэзия, по Чичибабину, «спасает мир». Об этой, для Чичибабина основополагающей, «несущей» идее, мы как-то разговорились с любезным моим собратом — поэтом Станиславом Александровичем Минаковым. Затравкой нашей беседе послужило одно мое старое стихотворение.

Привожу в отрывках:

С. М.: /.../ В сентябре 2003 г. на Европейско-Тихоокеанском конгрессе по сотрудничеству во Владивостоке, где мне выпала честь представлять Украину в составе Европейской делегации ПЕН-клуба, на большом литературном вечере в Доме офицеров я прочел ваше давнее стихотворение о великом поэте XX века Осипе Мандельштаме. Его мы еще прежде опубликовали в сборнике «Дикое поле. Стихи русских поэтов Украины конца XX века» в 2000 г., и именно этот сборник, составленный мной вместе с товарищами-харьковчанами Ириной Евсой и Андреем Дмитриевым (как и «Двуречье»), я привез для библиотеки Дальневосточного университета.

Не жалею Начальника Штаба;
Маршал Блюхер, — ахти! — наплевать!
Но жалею, сержант, Мандельштам,
Мандельштам — зачем убивать?

/.../

Генерала давайте угробим,
Мандельштам — да пребудет живым.
...Мертвяка обложили укропом —
экий сытный да жертвенный дым!

Орден на оранжевой ленте,
золотое тряпье на трубе...
Пожалейте меня, пожалейте —
Мандельштам оставьте себе.

Сказано резко. И, я бы сказал, характерно для вас, — и сегодняшнего тоже, отчасти. В каком это году писалось?

Ю. М.: В 1967-м, вроде. И подумать страшно, когда... Во время нынешнего моего пребывания в Харькове, куда в эти же дни приехала из Киева любимая ученица Бориса Алексеевича Чичибабина, Рая Гурина, т.е. известный киновед Раиса Андреевна Беляева, — мы с ней вспоминали, собственно, пытались вспомнить, — кстати, по вашей, Станислав Александрович, наводке, «исторический контекст» этого стихотворения. Тогда дошли до нас слухи, что в «Библиотеке Поэта» будто бы должно вскоре выйти «Избранное» Мандельштама. Нам было также известно о знаменитом, ключевом разговоре Б. Л. Пастернака с И. В. Сталиным после ареста Мандельштама в 1934 году. На меня подробности их беседы оказали, можно сказать, неизгладимое воздействие...

/.../ Покойный Борис Алексеевич Чичибабин эти стихи мои о Мандельштаме — одобрял. Собственно, «одобрял» — это не вполне подходящее слово.

Чичибабин как-то тяжело замолчал и задумался, услышав мое новое сочинение. Так в молчании мы с ним, — и еще с Раей Гуриной, — проследовали от того места, что зовется теперь «Чичибабин-центр» до того места, что по-прежнему зовется «Зеркальной Струей». Здесь Борис развернулся ко мне и заговорил: «Думаешь, я не знаю, какие это стихи?! Это — ух! какие стихи!» И добавил, обращаясь к Рае: вот какие стихи Юрка написал!» И вновь затих. К этой, перемежаемой молчанками, мрачноватой похвале (а похвалы мне от него доставались крайне редко) он еще возвращался несколько раз; но всегда не в предмет разговора, ни с того, ни с сего, следуя подспудному ходу каких-то своих помыслов; или, лучше сказать, при виде меня словно бы вновь припоминая некий аргумент в важном для него внутреннем споре.

С. М.: О чем был этот внутренний спор, который, небось, иногда и наружу выплескивался?

Ю. М.: Да все о том же.

Борис Чичибабин — был, помимо многого-многого иного, — замечательным проповедником в те времена для нас «единственно верного», но сомнительного и опасного учения об особенной роли художника, так называемого Поэта. Разумеется, Борис Алексеич, так сказать, биографически возросший в пределах названного учения, просто не мог не быть его адептом. Но, мастерски-чувствительный сочинитель и натура неосознанно-христианская, хотя и вполне безцерковная, — да и могло ли быть иначе? — Чичибабин, в конце концов, назвал Поэта — братом Христу.

/.../ В стихотворении на смерть Мандельштама Чичибабин, верно, учуял посыл: если за сочинителем (усвоившим имя Поэта) признаются особые права — они неизбежно распространятся и на преимущественное, перед всеми не-поэтами, право на жизнь. Его и жалеть надо больше других, ибо он всегда невиноватее всех прочих невиноватых, нужнее всех нужных. А сержант, к которому обращены лукавые просьбы и уговоры молодого Ю. Милославского, выполняет доверенную ему работу, не обращая внимания ни на какие учения о роли Поэта в истории. И тогда другой Поэт, охваченный страхом перед тою же участью, которую, — как знать? — и ему готовит неумолимый сержант, теряет всякое приличие — и восклицает: «пожалейте МЕНЯ, пожалейте — / Мандельштама оставьте себе».

С. М.: Помнится, в той самой телефонной беседе со Сталиным поэт Борис Пастернак несколько даже обиженно спросил: «...Что мы все о Мандельштаме и о Мандельштаме? Я уже давно хотел поговорить с Вами». — «О чем?» — «О жизни и смерти». Сталин тогда повесил трубку.

Ю. М.: И правильно сделал.

IV

С пронзительной отчетливостью эта чичибабинская «просветительская миссия» нашла свое воплощение в стихотворении «На смерть Твардовского». Напомним. Александр Трифонович Твардовский скончался 18 декабря 1971 года — и вот, как свидетельствует нам тайновидец-Чичибабин, на двадцатый день воздушных мытарств, кои проходил этот крестьянский сын, ТАМ, в пакибытии, его встречает... Самуил Яковлевич Маршак:

Бесстыдство смотрит с торжеством.
Земля твой прах сыновний примет,
а там Маршак тебя обнимет,
«Голубчик, — скажет, — с Рождеством!..»

ему за помощь и поддержку. Но одно дело — написать апологетический «Сонет с Маршаком», а совсем иное — когда Маршак, в юности — автор стихотворения на смерть Теодора Герцля, тезоименитый ветхозаветному пророку, в Царствии Небесном благовествует новопреставленному крестьянскому сыну о превечном Рождестве Христовом. Возможно ли подобному «набраться» в тех, условно говоря, кругах, где пребывал Чичибабин и в 1971-м (год написания этого стихотворения), да и двадцать лет спустя?

Изучению творчества Чичибабина в контексте эпохи неизбежно должна предшествовать — и сопровождать это изучение — работа над комментированным, научным изданием его произведений. Однако ни одной, условно говоря, профессионально и честно подготовленной — и достаточно полной — книги Чичибабина до сих пор не существует, — и я не ожидаю, что она вскоре появится.

Здесь мы переходим к существенному: предстоящей текстологической работе по уточнению и публикации ранних (или малоизвестных) редакций и вариантов стихотворений Чичибабина. Речь идет не о снятии искажений, сделанных в угоду цензуре (когда дело касается опубликованного в «подсоветские» времена; это давно уже проделанная работа) но гораздо более — о поисках следов самоцензуры, как следствии принятых на себя поэтом идейно-нравственных норм «шестидесятых». Трудность состоит в том, что у Бориса Алексеевича не было — или почти не было — окончательно и бесповоротно завершенных произведений; стихотворение продолжало двигаться во времени вместе с его автором, и потому ничто в нем не было гарантировано от правки, иногда базовой, т. е. меняющей опорные элементы данного текста.

Приведу один, но уж зато разительный — пример.

Необыкновенные по своей творческой значимости метаморфозы постигли одно из самых известных ранних стихотворений Чичибабина «Еврейскому народу». Стихотворение это существует в трех формально завершенных вариантах. Первый, исходный, относится ко второй половине 40-х годов (допустимо, что повторяющаяся из публикации в публикацию дата «1946», строго говоря, относящаяся исключительно к первому варианту стихотворения, донныне известному лишь в списках (!), обозначает самое начало работы над стихотворением: многие культурно-исторические реалии, которые можно выделить в этом варианте, указывают, возможно, на 1947-й, а то и 48-й годы, т. е. на период Первой палестино-израильской войны. При этом не забудем, что в тогдашней советской печати борьба вооруженных сил еврейского населения Палестины против т. н. «британского империализма и арабского национализма» освещалась весьма

Мы знаем о роли Маршака в литературной судьбе Чичибабина: поэт был вечно благодарен

и весьма сочувственно, что полностью соответствовало политической линии СССР тех лет; поэтому стихотворение это ни в коем случае не могло рассматриваться как «антисоветское» в своей основе. Более того. Будущему комментатору собрания сочинений Б. А. Чичибабина следовало бы провести историко-стилистический анализ образной системы стихотворения, сопоставив его с соответствующими «ближневосточными» публикациями в тогдашней советской печати, — и не только периодической. Исходный текст (первый вариант) был впервые получен от автора в Вятлаге, где Б. А. тогда содержался: другом юности Бориса Алексеевича — поэтом Марленой Давыдовной Рахлиной во время одной из ее поездок на свидание с заключенным Полушиным. Не приводя этот вариант полностью (т. к. в нашем распоряжении нет его выверенного письменного текста), отметим, что в нем присутствовали, например, некие «первые партийцы», которых поэт «искренне любит», — «соль Коммуны Русской», ведшие «дружеские споры с Лениным и Крупской»; эти образы допустимо соотнести с биографией родителей самой М. Д. Рахлиной. О втором варианте мы особо поговорим ниже, а теперь обратимся к варианту позднему, — который постоянно воспроизводится во всех изданиях Чичибабина. Вот он:

Был бы я моложе — не такая б жалость:
не на брачном ложе наша кровь смешалась.

Завтракал ты славой, ужинал бедою,
слезной и кровавой запивал водою.

«Славу запретите, отнимите кровлю», —
сказано при Тите пламенем и кровью.

Отлучилось семя от родного лона.
Помутилось племя ветхого Сиона.

Оборвались корни, облетели кроны, —
муки гетто, козь не казни да погромы.

Не с того ли Ротшильд, молодой и лютый,
лихо заворочал золотой валютой?

Застелила вьюга пеленою хрусткой
комиссаров Духа — цвет Коммуны Русской.

Ничего, что нету надо лбами нимбов, —
всех родней поэту те, кто здесь гоним был.

И не в худший день нам под стекло попала
Чаплина с Эйнштейном солнечная пара...

Не родись я Русью, не зовись я Борькой,
не водись я с грустью золотой и горькой,

не ночуй в канавах, счастьем обуянный,
не войди я навек частью безымянной

в русские трясины, в пажити и в реки, —
я б хотел быть сыном матери-еврейки.

Мы видим, что весьма многозначительная «соль», восходящая к словам Спасителя, обращенным к Апостолам, уступила место почти нейтральному «цвету» — все той же «Коммуны Русской». Споры с Лениным и Крупской исчезли, а их место заняли зловещие «комиссары Духа», корреспондирующие с широко известными «комиссарами в пыльных шлемах» Окуджавы. Среди прочих значимых изменений назовем отказ от строки исходного варианта, где упоминаются «Вещие пророки — и Давид, и Бялик». И Царь-Псалмопевец, и крупнейший радикальный иудейский поэт нового времени Хаим-Нахман Бялик, знакомство с творчеством которого (конечно, в переводах) у Чичибабина, насколько нам известно, состоялось в первые же тюремно-лагерные времена, — были поэтом удалены, потому что для читателя-«шестидесятника», к которому он обращался, оба эти олицетворенных образа оказывались явлениями либо неуместными по своей соотнесенности с религиозной, — ветхозаветной ли, новозаветной, тематикой (св. Царь Давид), — либо практически неизвестными, ни о чем не говорящими (Х.-Н. Бялик). Пророка и поэта заменила секулярная, знаковая для н. г. с. «Чаплина с Эйнштейном солнечная пара». Но если сравнительный анализ вариантов раннейшего и позднейшего интересен как свидетельство довольно безжалостной самоцензуры Чичибабина, — то почти забытый вариант второй, срединный (1955 года), который мы воспроизводим здесь по авторской рукописи, благодаря любезности Феликса Давыдовича Рахлина (поэта и мемуариста, брата М. Д. Рахлиной) — один из чичибабинских поэтических шедевров. Практически неизменными остаются первые три строфы, строфа шестая, приобретающая в ином контексте иной же смысл, строфа десятая — и строфа последняя. Судите сами, что произошло со всем прочим (выделено нами — ЮМ):

Еврейскому народу

Был бы я моложе — не такая б жалость.
Не на брачном ложе наша кровь смешалась.

Завтракал ты славой, ужинал бедою,
Слёзной и кровавой запивал водою.

— Славу запретите! отнимите кровлю! —
Сказано при Тите пламенем и кровью.

Отлучилось племя от родного лона,
Помутилось семя ветхого Сиона.

(«Здесь он явно перепутал местами племя с семенем при переписке с черновика! Но я оставляю, как в оригинале», — пишет мне в частном письме Ф. Д. Рахлин. Нам же представляется, что поэт не ошибся: мы увидим сейчас, как это «помутившееся семя», — т. е. увядание родового древа, утрата «чистоты крови», — связано со всем последующим, — и находит свое разрешение в последней строке).

**Не проникнуть в быт твой нагими глазами.
Мир с чужой молитвой стал под образами.**

Не с того ли Ротшильд, молодой и лютый,
Лихо заворочал золотой валютой? (как видим,
причины «лютости» Ротшильда здесь названы
иные — ЮМ)

**Не под холостыми пулями, ножами
Пали в Палестине юноши мужами.** (в известных мне списках первого варианта на месте «юношей» стояло «мальчики» — ЮМ)

**Погоди, а ну как повторится снова.
Или в смертных муках позабылось Слово?**

**Потускнели страсти, опустились плечи?
Ни земли, ни власти, ни высокой речи?**

Не родись я Русью, не зовись я Борькой,
Не водись я с грустью золотой и горькой,

Не ночуй в канавах, **жизнью** обуянный,
Не войди я навек каплей океана
В русские трясины, в пажити и в реки, —
Я б хотел быть сыном матери-еврейки.

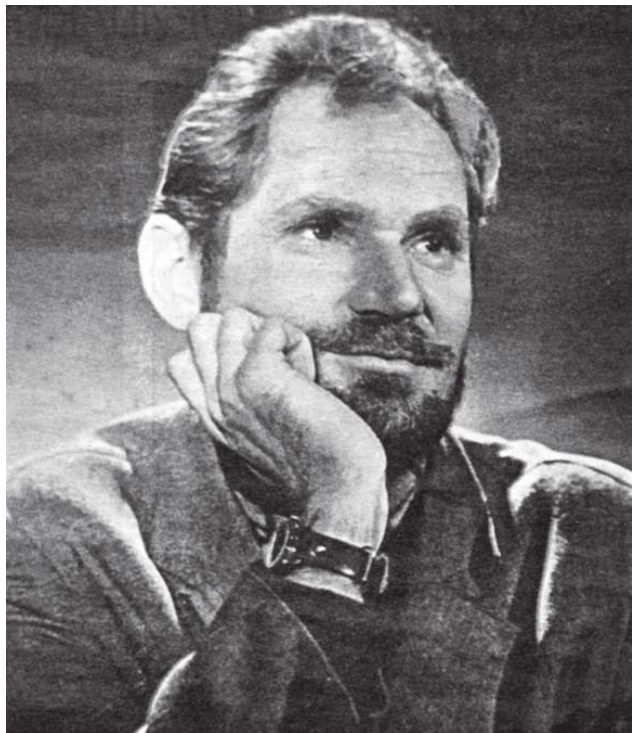
Упрощенные «коммунистический сионизм» и демюдофилия первого и третьего вариантов стихотворения, отходят в сторону. А все «пре-рекаемое» составляющее этого замечательного стихотворения, обнаруживает свою парадоксальную, и вместе с тем — строго последовательную направленность в глубину: отчаянную попытку проникновения **в душу иного народного тела**, — проникновения поистине умопомрачительно-го, иступленного, доходящего до **готовности вместить эту душу в свою плоть**, восстановить ее в своей плоти. Но все это дерзновение не имеет никакого касательства к дежурным и обязательным для культурного обихода н. г. с. приношениям на алтарь «толерантности». Стихотворение Чичибабина «Еврейскому Народу», по нашему мнению, — это порождение безудержной, вселенской вместимости русского духа, и потому место его — не предшествовать «Бабьему Яру» Е. А. Евтушенко, а пребывать где-то поблизости с Достоевским и Розановым.

Чего бы Чичибабин не касался, — там проникал он далеко, так что от неожиданности захватывает наш пленный дух. Оставаясь при этом «шестидесятником», корреспондентом Зинаиды Миркиной и Григория Померанца.

Верю: Чичибабина будут вспоминать все чаще и чаще, но уже не в качестве «борца с режимом» или «жертвы этого режима», или автора «демократических стихотворений». Это все отплывает за горизонт эпохи, перемалывается в субкультурную муку. При том, что он был плоть от плоти, кость от кости своего времени, своего окружения и проч. — его поэзия, — по крайней мере, в лучших своих образцах, — обращена к перегоревшему, испепеленному, полному тайного раскаяния в своем легкомысленном «пролете» сознанию русского человека наших сегодняшних дней.

1 Честь создания этой исчерпывающей историко-культурной формулы принадлежит С. А. Рачинскому. Автор настоящих заметок уже достаточно давно и, как принято говорить, с упорством, заслуживающим (м. б.) лучшего применения, старается ввести ее в литературоведческий и историко-культурный обиход, поскольку по его мнению от собирательного, — и вполне лишнего содержания, — словца-метафоры «интеллигенция», давным-давно следует отказаться.

Борис ЧИЧИБАБИН

СНЕГ НА КРЫШАХ И ВЕРШИНАХ

Ко мне города оборачивались крышами.
Из окон моих даже днями морозными
мне улицы были сырыми и рыжими,
а крыши в снегу — как торт неразрозненный.

Прямо ешь этот снег, соси да похрустывай,
да хрустальные капли роняй на лацканы.
Я помню, я видел, шатаюсь по Грузии,
такой же белый, чистый, неласканный.

Внизу он лежит завшивленным рубищем,
а там, рассверкавшись алмазными иглами,
горит по ночам заменяя любящим
лисицу небес, если та не выглянет.

Его, как корону, на темя воздев, звенеть
любо вершинам, светлеть — румяниться...
А почему он чем выше, тем чище и девственней?
А потому, что люди туда не дотянутся.

Не плюют на него и не мочатся,
не скребут его дворники совками-метёлками...
Мне там, на вершинах, замерзнуть хочется
под вечнозелеными елками.

Не позднее 1952

* * *

И опять — тишина, тишина, тишина.
Я лежу, изнемогший, счастливый и кроткий.
Солнце лоб мой печет, моя грудь сожжена,
и почует пчела на моем подбородке.

Я блаженствую молча. Никто не придет.
Я хмелею от запахов нежных, не зная,
то трава, или хвои целительный мед,
или в небо роса испарилась лесная.

Все, что вижу вокруг, беспредельно любя,
как я рад, как печально и горестно рад я,
что могу хоть на миг отдохнуть от себя,
полежать на траве с нераскрытой тетрадью.

Это самое лучшее, что мне дано:
так лежать без движений, без жажды, без цели,
чтобы мысли бродили, как бродит вино,
в моем теплом, усталом, задумчивом теле.

И не страшно душе — хорошо и легко
слиться с листьями леса, с растительным соком,
с золотыми цветами в тени облаков,
с муравьиной землею и с небом высоким.

<1948-1951>

ВОСПОМИНАНИЕ О ВОСТОКЕ

Чуть слышно пахнут вяленые дыни.
У голубых и призрачных прудов
поет мошка. В полуденной пустыне
лежат обломки белых городов.

Они легли, отвластвовав и канув,
и ни один судьбой не пощажен,
и бубенцы беспечных караванов
бубнят о счастье мнимом и чужом.

Верблюды входят в сонную деревню —
простых людей бесхитростный приют.
Два раза в год беременны деревья,
плоды желтеют, падают, гниют.

Мир сотворен из запахов и света,
и верю я, их прелестью дыша,
что здесь жила в младенческие лета
моя тысячелетняя душа.

Не позднее 1952

* * *

Уже картошка выкопана,
и, чуда не суля,
в холодных зорях выкупана
промокшая земля.

Шуршит тропинка плюшевая:
весь сад от листьев рыж.
А ветер, гнезда струшивая,
скрежещет жестью крыш.

Крепки под утро заморозки,
под вечер сух снежок.
Зато глаза мои резки
и дышится свежо.

И тишина, и ясность...
Ну, словом, чем не рай?
Кому-нибудь и я снюсь
в такие вечера.

Уху варили, чушь пороли,
ловили с лодки шук-раззяв
и ночевали на пароме,
травы на бревна набросав.

О, если б кто в ладонях любящих
сумел до старости донести
в кувшинках, в камышовых трубочках
до дна светящийся Донец!..

Плескалась рыба, бились хвостики.
Реки и леса красота,
казалось, вся в пахучем воздухе
с росой и светом разлита.

Скорей, любимая, приблизься.
Я этот мир тебе дарю.
Я в нем любил лесные листья
и славил зелень и зарю.

Счастливым, брошусь под деревья.
Да в их дыхание обрету
к земле высокое доверье,
гармонию и доброту.

<1957>

* * *

Во мне проснулось сердце эллина.
Я вижу сосны, жаб, ежа
и радуюсь, что роща зелена
и что вода в пруду свежа.

Не называйте неудачником.
Я всем удачам предпочел
сбежать с дорожным чемоданчиком
в страну травы, в отчизну пчел.

Люблю мальчишек, закопавшихся
в песок на теплом берегу,
и — каюсь — каждую купальщицу
в нескромных взорах берегу.

Благословенны дни безделия
с подругой доброй средь дубрав,
когда мы оба, как бестелые,
лежим, весь бор в себя вобрав.

Мы ездили на хутор Коробов,
на кручи солнца, в край лесов.
Он весь звенел от шурких порохов
и соловьиных голосов.

Мы ничего с тобой не нажили,
привыкли к всяческой беде.
Но эти чащи были нашими,
мы в них стояли, обалдев.

1961

ВЕРБЛЮД

Из всех скотов мне по сердцу верблюды.
Передохнет — и снова в путь, навьючась.
В его горбах угрюмая живучесть,
века неволи в них ее волюют.

Он тащит груз, а сам грустит по сини,
он от любовной ярости вопит,
его терпенье пестуют пустыни.
Я весь в него — от песен до копыт.

Не надо дурно думать о верблюде.
Его черты брезгливы, но добры.
Ты погляди, ведь он древней домбры
и знает то, чего не знают люди.

Шагает, шею шепота вытягивая,
проносит ношу, царственен и худ, —
песчаный лебедин, печальный работяга,
хорошее чудовище верблюды.

Его удел — ужасен и высок,
и я б хотел меж розовых барханов,
из-под поклаж с презреньем нежным глянув,
с ним заодно пописать на песок.

Мне, как ему, мой Бог не потакал.
Я тот же корм перетираю мудро,
и весь я есть моргающая морда,
да жаркий горб, да ноги ходока.

1964

* * *

Январь — серебряный сержант,
давно отбой в казармах ротных,
а не твои ли в подворотнях
снегами чоботы шуршат?

Не досчитались нас с тобой.
Мы в этот вечер спирт лакали.
Я черкал спичкой — и в бокале
являлся чертик голубой.

Мне мало северного дня
дышать на звездочки мозаик.
Ведь я — поэт, а не прозаик,
хранитель Божьего огня.

Хотя, по счастью, привык
нести житейскую поклажу,
но с братом запросто полажу,
рубая правду напрямик...

Ан тут хозяйюшка зима,
чье волшебство со счастьем смежно,
лохмато, северно и снежно,
меня за шиворот взяла.

Ей не впервой бродяг держать,
ворча сквозь смех о позднем часе,
и пошкандыбал восвояси
январь — серебряный сержант.

Теперь морозцем щеки жги,
святой снежок в ладошах комкай.
В ночи, космической и колкой,
шуршат сержантовы шаги.

<1966>

ЭЛЕГИЯ ФЕВРАЛЬСКОГО СНЕГА

Не куем, не сеем и не пашем,
но и нас от тяжёб и обид
кличет Вечность голосом лебяжым,
лебединым светом серебрят.

Вышел срок метелицам полночным,
и к заре, блистая и пыля,
детски чистым, райски непорочным,
снежным снегом устлана земля.

Не цветок, не музыка, не воздух,
но из той же выси, что и сны,
эти дни о шлейфах звездохвостых
в обновимом чуде белизны.

Это лес пришел к нам вместе с лесим,
опустилась свыше кисея,
чтоб, до боли тих и незаслежен,
белый свет девически сиял.

Это мир, увиденный впервые,
детских снов рождественская вязь.
Это сказка утренней Марии,
что из этой пены родилась...

Падай, снег, на волосы и губы,
холодком за шиворот теки.
Хорошо нам в этаким снегу бы
скоротать остатние деньки.

В сердце горько пахнет можжевельник,
и, когда за сто земель и вод
откочует брат мой Саша Верник,
как он там без снегу проживет?

Что мы есть без племени, без рода
и за что нас в этаким мороз
как родных приветствует природа
пуховыми ветками берез?

Знать, и нам виденья не случайны
и на миг забрезжит благодать,
знать и мы достойны нежной тайны,
что вовек живым не разгадать...

знать, и мы достойны нежной тайны,
и огню, и Вечности родня,
что вовек живым не разгадать...

Скоро мы в луга отворим двери,
задрожим от журавлиных стай.
Пусть весна вершится в полной мере,
только ты, пожалуйста, не тай.

Сыпья с неба, тихий и желанный,
и огню и Вечности родня,
холоди немеркнувшие раны
и холмы с оврагами равняй.

Скоро канешь, горний, станешь, свежий,
мерзлой кашей, талою водой.
Но ведь чудо было не во сне же
и во мраке, сложенном с бедой,
помоги нам выжить, святой снеже,
падай, белый, падай, золотой.

1977

* * *

М. Рахлиной

Марленочка, не надо плакать,
мой друг большой.
Все — суета, все — тлен и слякоть,
живи душой.

За место спорят чернь и челядь.
Молчит мудрец.
Увы, ничем не переделать
людских сердец.

Забыв свое святое имя,
прервав полет,
они не слышат, как над ними
орган поет...

Не пощадит ни книг, ни фресок
безумный век.
И зверь не так жесток и мерзок,
как человек.

Прекрасное лицо в морщинах,
труды и хворь, —
ты прах — и с тем, кто на вершинах,
вотще не спорь.

Все мрачно так, хоть в землю лечь нам,
над бездной путь.
Но ты не временным, а вечным
живи и будь...

Сквозь адский спор добра и худа,
сквозь гул и гам,
как нерасслышанное чудо,
поет орган.

И Божий мир красив и дивен
и полон чар,
и, как дитя, поэт наивен,
хоть веком стар.

Звучит с небес Господня месса,
и ты внизу
сквозь боль услышь ее, засмейся,
уйми слезу.

Поверь лишь в истину, а флагам
не верь всерьез.
Придет пора — и станет благом,
что злом звалось...

Пошли ж беду свою далече,
туман рассей,
переложь тоску на плечи
твоих друзей.

Ни в грозный час, ни в час унылый,
ни в час разлук
не надо плакать, друг мой милый,
мой милый друг.

ФЕЛИКСУ КРИВИНУ

Я не пойму, где свет, где тьма,
не разберу, где мак, где вереск,

уж если вы, тишайший Феликс,
хлебнули горя от ума.
Дойдет ли до Карпат ущельных
дрожанье дружеских сердец

за Вас, застенчивый мудрец,
людей жалеющий волшебник,
циклоп и цыган злой поры,
чьи рассказы на черном рынке,

как Солженицына и Рильке,
рвут у барыг из-под полы?
Немалый срок с тех пор протек,
как мы нагрянули в Мукачев,

своим визитом озадачив
гостеприимный городок.
Дойдет ли до Карпат ущельных
биенье любящих сердец

за Вас, застенчивый мудрец
и непоседливый отшельник,
кто, в человечности упрям,
там столько лет живет, как Пимен,

где от костров пахучих дымен
древесный воздух по утрам?

Нас тучи холодом кропят.
Так не пора ли нам обняться,

чтобы обнявшимся остаться
на светлом донышке Карпат?

1973

* * *

Н. Смирской

На Павловом поле, Наташа, на Павловом поле
мы жили бок о бок, но все это было давно.
Мы стали друзьями, молясь о покое и воле,
но свет их изведать живым на земле не дано.

На Павловом поле, Наташа, на Павловом поле
живые деревья подходят к высотным домам,
и воздухом бора сердца исцеляют от боли,
и музыкой Баха возвышенно дороги нам.

1972

На Павловом поле, Наташа, на Павловом поле
мы с милой гостили в задумчивом царстве твоём,
от рук твоих добрых отдавши хлеба и соли,
и стало светло нам, и мы побратались втроем.

На Павловом поле, Наташа, на Павловом поле
под дружеским кровом мы вдоволь попили вина.
Поставь нам пластинку, давай потолкуем о Бёлле.
Пусть жизнь твоя будет, как русские реки,
длинна.

На Павловом поле, Наташа, на Павловом поле
мы пили за дружбу, но все это было давно,
и, если остался осадок из грусти и боли,
пусть боль перебродит и грусть превратится
в вино.

На Павловом поле, Наташа, на Павловом поле
старинная дружба да будет легка на помин,
и в новые годы заради веселых застолий
сойдутся безумцы на праздник твоих именин.

На Павловом поле, Наташа, на Павловом поле.

1973

СИЯНИЕ СНЕГОВ

Какой зимой завершена
обида темных лет!
Какая в мире тишина!
Какой на свете свет!

Сон мира сладок и глубок,
с лицом, склоненным в снег,
и тот, кто в мире одинок,
в сей миг блаженней всех.

О, стыдно в эти дни роптать,
отчаиваться, клясть,
когда почиет благодать
на чаявших упасть!

В морозной сини белый дым,
деревья и дома, —
благословением святым
прощает нас зима.

За все зловещие века,
за всю беду и грусть
младенческие облака
сошли с небес на Русь.

В них радость — тернии купать
рождественской звездой.
И я люблю ее опять,
как в детстве и в беде.

Земля простила всех иуд,
и пир любви не скуп,
и в небе ангелы поют,
не разжимая губ.

Их свечи блесками парят,
и я мою зажгу,
чтоб бедный Галич был бы рад
упавшему снежку.

О, сколько в мире мертвецов,
а снег живет нас.
А все ж и нам, в конце концов,
пробьет последний час.

Молюсь небесности земной
за то, что так щедро,
а кто помолится со мной,
те — брат мне и сестра.

И в жизни не было разлук,
и в мире смерти нет,
и серебрет в слове звук,
преображенный в свет.

Приснись вам, люди, снег во сне,
и я вам жизнь отдам —
глубинной вашей белизне,
сияющим снегам.

1979

* * *

Взрослым так и не став, покажусь-ка я
белой вороной.
Если строить свой храм, так уж, ведомо,
не на крови.
С той поры как живу на земле неодоухотворенной,
я на ней прохожу одиночную школу любви.

Там я радость познал, но бывала
и смертная боль же,
и ответу ль в свой час на таинственный
вызов Отца?
В этой школе, поди, классов сто, а возможно,
и больше,
но последнего нет, как у вечности нету конца...

С Украины в Россию уже не пробраться
без пошлин —
еле душу унес из вражды озабоченных лап.
Кабы каждый из нас был подобьем
и образом Божиим,
то и вся наша жизнь этой радостной
школой была б.

Если было бы так! Но какие ж мы
Божьи подобья?
То ли Он подменен, то ль и думать о нем
не хотим.
Взрослым так и не став, я смотрю на людей
исподлобья:
видно, в школу любви ни единый из них
не ходил.

Обучение в ней не прошло без утрат и падений,
без отчаянных вин, без стыда и без совести кар:
знает только Отец, сколько я отвечал не по теме,
сколько раз, малодушный, с уроков
на волю тикал.

Но лишь ею одной, что когда-то
божественной мнили,
для чьего торжества нет нигде ни границ,
ни гробниц,
нет, спасется не мир, но спасется
единственный в мире,
а ведь род-то людской и слагается из единиц.

Ну и что за беда, если голос мой в мире
не звонок?
Взрослым так и не стал. Чем кажусь тебе,
тем и зови.
Вижу Божию высь. Там живут Иисус и ягненок.
Дай мне помощь и свет,
всемогущая школа любви.

1992

ОДА ОДУВАНЧИКУ

В днях, как в снах, безлюбовно тупящих,
измотавших сердца суетой,
можно ль жить, как живет одуванчик,
то серебряный, то золотой?

Хорошо, если пчелки напьются,
когда дождик под корень протек, —
только, как ты его ни напутствуй,
он всего лишь минутный цветок.

Знать не зная ни страсти, ни люти,
он всего лишь трава среди трав, —
ну а мы называемся люди
и хотим человеческих прав.

Коротка и случайна, как прихоть,
наша жизнь, где не место уму.
Норовишь через пропасти прыгать —
так не ври хоть себе самому.

Если к власти прорвутся фашисты,
спрячусь в угол и письма сожгу, —
незлюбив одуванчик пушистый,
а у родичей рыльца в пушку.

Как поэт, на просторе зеленом
он пред солнышком ясен и тих,
повинуется Божьим законам
и не губит себя и других.

У того, кто ломает и слижет,
светлым соком горча на губах,
говорят, что он знает и слышит
то, что чувствуют Моцарт и Бах.

Ты его легкомыслия не высмей,
что цветет меж проезжих дорог,
потому что он несколько жизней
проживает в единственный срок.

Чтоб в отечестве дыры не штопать,
Божий образ в себе не забыть,
тем цветком на земле хорошо быть,
человеком не хочется быть.

Я ложусь на бессонный диванчик,
слышу стговор звезды со звездой
и живу, как живет одуванчик,
то серебряный, то золотой.

1992

СОВРЕМЕННЫЕ ЯМБЫ

1

Не верю сызмала словам я,
тружусь, как пахарь, за столом.
Мы ж рушим мир до основания
и ничего не создаем.

Звезда имперская погасла,
все стало задом наперед —
сидим без сахара и масла,
а президенты делят флот.

Уж так, Россия, велика ты,
что не одну сгубила рать, —
нам легче взлезть на баррикады,
чем в доме чуточку прибрать.

Одни дружки в Советах рады —
избыли совести рубеж,
для рыл престижные оклады
поназначав самим себе ж.

Как тут невежды и невежи
гуртом из дыр в поводыри!
А ты трудись, с утра не евши,
да их же и благодари.

Попал из безвести как раз ты
на погребение страны,
чьи социальные контрасты,
как в зоне нож, обострены.

Сидишь, не чуя ног разутых,
в конфорке газу не зажег
и, как мешается рассудок,
печально чувствуешь, дружок.

Во времена живешь не те ты —
гроша не стоят ум и честь,
сплошные суверенитеты
и очень хочется поест.

2

О, быть бы заодно со всеми,
к харчам всеобщим приобщаться!
Но Богом брошенное семя
мне не сулит такого счастья.

Я верен Богу одиноку
и, согнутый, как запятая,
пиляю всуперечь потоку,
со множеством не совпадая.

Что нет в глазах моих соринки,
не избавляет от нападков.
Я всем умом моим за рынок,
но сердцем не люблю богатых.

Я не могу, живу покуда,
изжить евангельские толки
насчет иголки и верблюда,
точней, отверстия в иголке.

Зачем мне дан был дар певучий
и светопламенные муки,
когда повсюду мрак паучий
и музы, мрущие, как мухи?

Неужто ж так мы неумелы
в своих стараньях многосильных,
что есть у нас миллионеры,
но нет товара в магазинах?

Над нами, нищими у храма,
как от зачумленных отпрянув,
смеется сытая реклама
с глумящихся телеэкранов.

О, дух словесности российской,
ужель навеки отмерцал ты?
А ты погнись-ка, попросись-ка:
авось уважат коммерсанты.

Тому ж, кто с детства пишет вирши
и для кого они бесценны,
ох как не впрок все ваши биржи,
и брокеры, и бизнесмены!

Но пусть вся жизнь одни утраты —
душе житьем не налякаться,
с меня ж — теши хоть до нутра ты —
не вытешешь американца!

Да знаю, знаю, что не выйти
нам из процесса мирового,
но так и хочется завыйти,
сглотивши матерное слово.

3

Среди родного бездорожья,
как от голгофского креста,
на нас ниспала кара Божья —
национальная вражда.

В дарах вседневных не скудея,
равняя всех одним концом,
несть эллина ни иудея
пред человечества Отцом.

Мне каждой ночью лица снятся,
что красят вечности простор.
Я в чарах их не вижу наций,
но чаю братьев и сестер.

Мы пили плеск одной криницы,
вздымали хлеб одних полей, —
кто б думать мог, что украинцы
возненавидят москалей!

Но, как слепцы б нас ни разнили,
в той розни выплывет не раз,
что лучшими людьми России
из рабства вызволен Тарас.

Кого судьба с другими месит,
кто в общем нищенстве возрос,
тому и в голову не влезет
решать этнический вопрос.

Когда ко мне, как жар, нагая,
ты льнешь, ласкаясь и любя,
я разве думаю, какая
национальность у тебя?

Душа, свергая в перегрузках
шовинистический дурман,
болит за молдаван и русских,
азербайджанцев и армян.

Откуда ж пагуба такая
на землю тысячи племен?
Какому бесу потакая,
друг друга губим и клянем?

4

Всю жизнь страшась кровопролитий,
крещен тюрьмою да сумой,
я связан тысячами нитей
с простонародною судьбой.

Душе не свойственно теряться,
когда на ней судьбы чекан.
В России бунта и тиранства
я дух склонял к бунтовщикам.

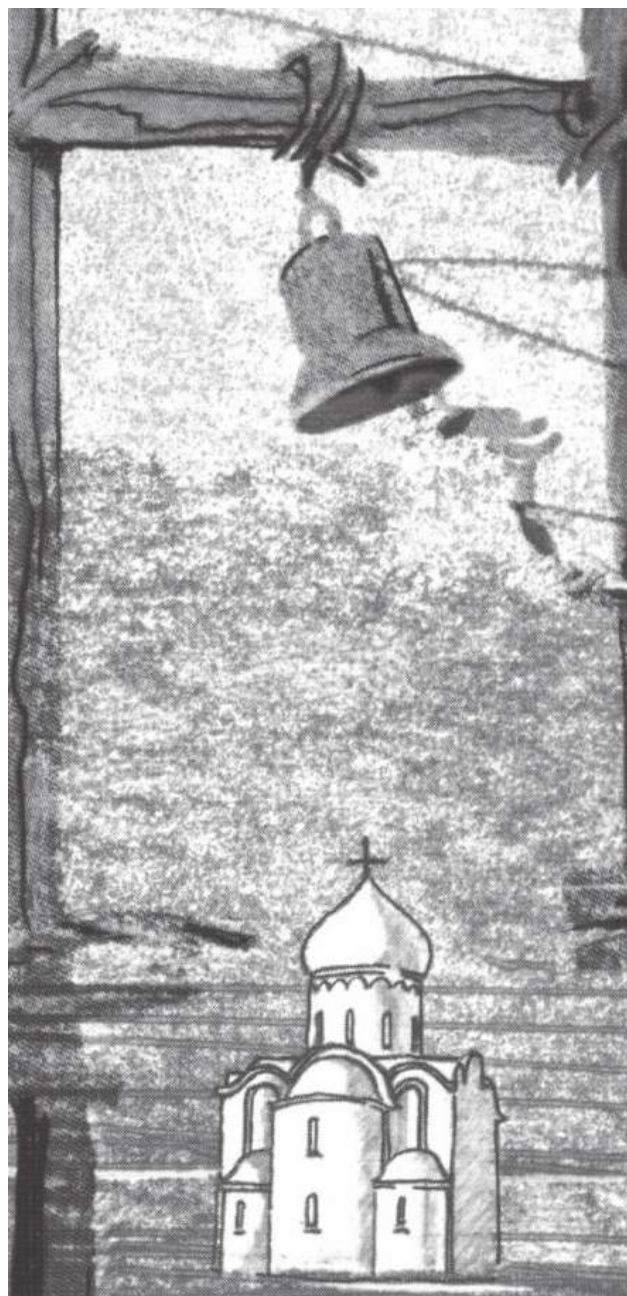
Под старость не переродишься,
я сам себя не сочинил:
мне ближе Герцен и Радищев,
чем Петр Аркадьевич иным.
Еще не спала чешуя с нас,
но, всем соблазнам вопреки,
поэзия и буржуазность —
принципиальные враги.
Я ж в недрах всякого режима
над теми теплою ореол,
кто вкалывал, как одержимый,
и ни хрена не приобрел.
Как мученики перед казнью,
нагие, как сама душа,
стихи обходят с неприязнью
барышника и торгаша.
Корыстолюбец небу гадок.
Гори, сияй, моя звезда!
В России бедных и богатых
я с бедняками навсегда.

1991

СКАЗАНО В КИЕВЕ

Сильней глаза раскрой,
не нужно звать провидца:
все чувствуют, что кровь
вот-вот должна пролиться.
Нас, может, то спасет
в борьбе живого с мертвым,
что с киевских высот
мы в поднебесье смотрим.
Не стубит сей красы
ни патриот, ни деспот:
крещение Руси
происходило здесь вот.

Начало 1990-х

«Он в нас возвысил и восполнил, что было низко и мертво...»

Михаил КОПЕЛИОВИЧ
(Израиль)

9 января 2014 года исполнился 91 год со дня рождения Бориса Алексеевича Чичибабина (1923-1994), поэта, как говорили в старину, милостью Божьей, оригинального и сильного мыслителя (сам Б.А. предпочитал слово «думатель»), утверждавшего духовность и нравственность в дни, когда и та и другая лишились своего места на пиру разгулявшихся человеческих страстей.

Он вообще был «поперечным» человеком: прославлял советских диссидентов, когда это было небезопасным; выражал сочувствие Горбачёву, когда это сделалось немодным; отстаивал тезис о неслучайности революций 1917 года в России, когда взбесившиеся почвенники вопили о жидо-масонском заговоре и западной заразе; оплакивал распад Советского Союза, когда многие и в том числе близкие ему люди с аппетитом отплясывали на его обломках.

Он родился и всю жизнь прожил в Украине, любил её ландшафты и милую речь её девчат, «и слушал ритмичную музыку кос,/ и ел её сладостный хлеб». И в том же дифирамбе («Степь», не позднее 1952) восторгался:

И светлая речка, сверкая, течёт,
и свежесть той речки, как дар...
И если не это, то что же ещё
зовут Украиной тогда?..

Но и: «Тут чары смешались двух
родин-сестёр...»

А спустя два десятилетия родилось стихотворение «С Украиной в крови я живу на земле Украины...» (1973), за которое в том же году он был объявлен украинским националистом. (И одновременно прихвостнем сионистов – за стихи, посвящённые евреям, покидающим страну своего рождения.) В этом мощном тексте есть строфа, содержательно абсолютно вольнодумная и по тем временам наглая, а по форме и интонации – совершенная:

Вся б история наша сложилась мудрей
и бескровней,
если б город престольный, лучась
красотой и добром,
не на севере хмуром возвёл
золочёные кровли,
а над вольным и щедрым Днепром.

И снова «но» (ещё двадцать лет спустя, за два года до смерти):

И я тоски не пересилю,
сказать по правде, я боюсь
за Украину и Россию,
что разорвали свой союз.

.....

И днём с огнём во мне гордыни
национальной не найдёшь,
но я живу на Украине,
да и зароете в неё ж.

Дай Бог на ней укорениться,
все беды с родиной деля.
У русского и украинца
одна судьба, одна земля.

«А я живу на Украине...», 1992

Какой-нибудь недоумок, быть может, рас-
судит так: **правила** поэту эта поза вечного

оппонента. Это, дескать, своего рода романтизм: я один против всех; вчера все славили «союз нерушимый республик свободных», а я его поносил; сегодня –

Во мне ж иной задаток повторён.
Я был хохлом, холопом, бунтарём.
Под цвелью царств –
народа первозданность.

Тот крестный путь вменив себе
в устав,
я красным был и, быть не перестав,
каким я был, таким я и останусь.
«Политические сонеты-6», 1991-1992

Как человек, близко знавший Б.А. на протяжении тридцати лет, могу засвидетельствовать: да, он прошёл весомую духовную эволюцию, и нет, никогда и ничто нарочитое не было ему сродственно – каким он был (как мыслящая и равнодушная личность), когда вступал на своё поприще, таким и оставался всю жизнь. Было время, когда он полагал, что Россия (в широком смысле) стоит на трёх «китах»: Пушкине, Льве Толстом и Ленине. Позднее Ленин отпал (в качестве одной из мировоззренческих опор). Но (в третий раз «но»!) даже в пору глубокого разочарования в этом историческом персонаже Чичибабин не отвергал его как нечто чуждое России и в письме к автору этих строк пояснял (в ноябре 1986):

«Вчера я опять смотрел по телевизору «Шестое июля» (фильм Ю.Карасика, 1968.-М.К.), это, наверное, хороший фильм (сценарий Шатрова), потому что Ленин показан там по-шатровски документально-объективно, и он там неприятен, страшен. По этому фильму видна политическая ложь и беспринципность, «вседозволенность», вся демагогия стоящих у власти и борющихся за неё. <...> Ленин – в фильме – неприятен и страшен, но ведь и великий Пётр был таким же, и всё-таки, по-моему, и тот и другой великие и трагические фигуры, – я никогда не любил анекдотов о Ленине, я имею право об этом сказать, потому что написал «Проклятие Петру»...»

Вот в этом сопоставлении Ленина и Петра видно постоянство духовно-нравственной позиции поэта. И другое: кроме «Проклятия Петру» (1970) Чичибабин много лет спустя написал «Ещё о Петре» (1989), где тот представлен, кажется, ещё большим злодеем, чем в ранней инвективе.

Что касается «детища Ленина» - октябрьского переворота 1917 года, в другом «Политическом сонете» сказано: «... и рождены в бессмысленной державе,/ мы шли на свет и обретали дом,/ чтоб революций страшная неправда/ в добро и лад преобразилась завтра,/ свой грех отмыв любовью и трудом». («Преображение» - ещё одно любимое словечко Чичибабина.)

Я не собираюсь в этом памятовании подробно разбирать мотивы поэзии Чичибабина, прочерчивать его духовную и творческую эволюцию. Об этом уже написано достаточно много, и я принял посильное участие в разработке этой новой ветви российского литературоведения – чичибабиноведения, опубликовав не один десяток статей в различных периодических изданиях, сборниках и альманахах, выходивших в СССР, постсоветской России, Израиле и США. Завершая эту заметку, хочу сказать следующее:

Лично для меня Борис Алексеевич Чичибабин – один из самых нужных душе, помогающих выживать в этом яростном, но отнюдь не прекрасном мире. Как литературный критик с более чем 50-летним стажем, берусь утверждать, что зрелый Чичибабин – один из немногих поэтов второй половины XX века, которые были чутки и к безднам, и ко взлётам человеческого бытия и сознания, которые земное неизменно поверяли небесным, социальное – нравственным. И на чьей шкале ценностей единичный человек всегда стоял выше истории, выше общества, выше человечества. И, как выразился один из учеников студии Чичибабина (Ю.Милославский), он – «поэт для взрослых» (даром что, благодаря прозрачности своего письма, может кому-то показаться простоватым). И в этом своём качестве большого мастера стиха, не сделавшего мастерство самоцелью творчества, превыше всего ценившего в поэзии Божий лад (см. стихотворение 1992 года «Что-то стал рифмачам Божий лад нехорош...»), Борис Чичибабин переживёт своё время и будет востребован новыми поколениями своих соотечественников и сочувственников на всей земле.

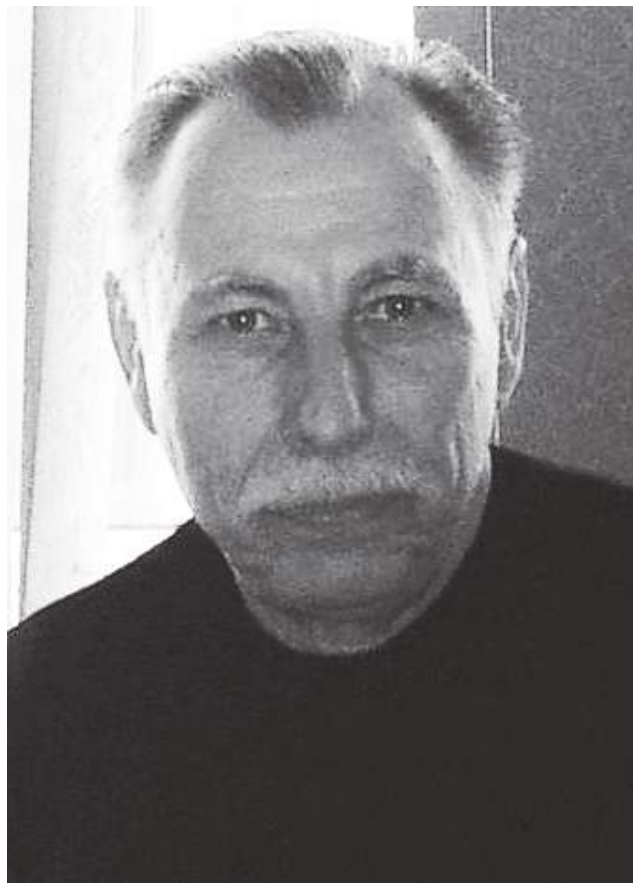
P.S.

В феврале 2014 года исполняется 50 лет со дня основания литературной студии, которой руководил Борис Алексеевич. Студия просуществовала два года, была закрыта по политическим соображениям (конкретным поводом явилось занятие, посвященное Борису Пастернаку). Она оставила яркий след в памяти многих харьковчан и сыграла большую роль в формировании личностей, тогда, совсем юных участников: Раи Гуриной (Беляевой), Александра Верника, Юрия Милославского, Генриха Шмеркина, Эдуарда Сиганевича, Юрия Козаровицкого, Людмилы Галипериной и др. В работе студии принимали участие, уже заявившие о себе талантливые литераторы: Марлена Рахлина, Марк Богославский, Аркадий Филатов, Александр Черевченко, Михаил Копелиович, Владимир Мотрич, Эдуард Лимонов.

В 2001 году в помещении смежном с помещением студии в Центре культуры Киевского района (бывший ДК связи) создан отдел культурно-просветительской работы «Чичибабин-центр».

Мои шестидесятые (отрывок)

Юрий КОЗАРОВИЦКИЙ

1. Мои шестидесятые...

Сложно говорить о них...

О них все сказано?

Мои шестидесятые это Саша Верник и Эдик Сиганевич, Юра Милославский и Ляля Гальперина, Рая Гурина и Генрих Шмеркин – ближайшие друзья по студии Чичибабина.

Мои шестидесятые это Зеев Бен-арье (тогда Володя Фланчик) и Марина Канзбург, Фима Лицын и Наташа Жукова.

Мои шестидесятые это Вагрич Бахчанян (талантливый Бах) и Эдуард Савенко (тогда уже придуманный Бахом Эдик Лимонов), Володя Мотрич и Володя Григоров, Кадик Филатов и Миша Басов, Маша Култаева и Вадим Александрович Левин.

Мои шестидесятые это университетские друзья Валик Невожай и Ваня Степанченко, Боря Зинчин и Володя Муровайко, Сева Казакевич, Галя Павлова и Оля Зинченко, Алла Кутана и Люда Сокурская, Наташа Шинкарчук и Таня Светлышева.

2. Прошедшие годы наложили события одно на другое, сдвинули, последующие становятся впереди предыдущих.

Первое, что запомнилось: Чичибабин с огромной бородой и тесный в прямом и переносном круг – близких? (ГБшники наверняка присутствовали) людей – то ли в подвале у Мотрича, то ли еще где. Год 63-й.

Затем адрес, который станет тайным (почему тайным?) местом встреч, нет лучше – сборов, нет лучше – сходок (как у Мандельштама:

«в Петербурге мы сойдемся снова, словно солнце мы похоронили в нем, и блаженное бессмысленное слово в первый раз произнесем»).

Здесь мы не хоронили – реанимировали, реабилитировали все, что называлось литературой, музыкой, живописью.

А сходились мы у Чичибабина (Рымарская, 1, квартира, 13).

А какие мы там читали стихи! А как мы были талантливы! – До первых стихов Чичибабина.

Хотя в чичибабинском кругу царствовал Пастернак, уже тогда в меня вошел и навсегда – Осип Мандельштам.

Позже, в мае 69-го, я стоял перед могилой поэта в Переделкине, и мне вспоминалось: «Ты у трех сосен зарыт, не тронешь тетради.» Когда первый раз увидел Лесникову – не помню, скорее всего на ее вечере, но был восхищен и поражен появлением Александры Петровны – самой красивой женщины – в кругу опального (иначе и не скажешь) поэта.

Студия... Сколько нам было? По 16-18. Сколько Борису Алексеевичу – 41. Это я сейчас понимаю. Понимаю, что было у него за плечами и что за человека подарила мне, нет нам – судьба.

Февраль 64-го – январь 66-го. Даты существования студии. В ней родилось необъяснимое и неизбывное в нас чичибабинское братство.

Он не был пастором, он не был учителем. Не провозглашал истины, а делился размышлениями. Жизнь и общение в студии не отделить было от жизни внешней. За стихи одного из нас готов был ответить другой. Компромисс и конформизм различались четко и не только благодаря Исаю Берлину (вспомним Ахматовскую «Поэму без героя»), а потому, что нелегко порой в нашей среде было «пройти сквозь воздух».

Необходимо было обладать интеллектом и чувством молодой иронии: иногда говорилось друг другу такое – не позавидуешь и не про-

стишь. Незнание какого-нибудь забытого стихотворения, скажем Каменского или Анненского, прощалось не всегда.

Что мы читали в то время – да все. После школьных песен о Буревестнике, «Поднятой целины» и «Стихов о советском паспорте» – Василий Гроссман, Андрей Платонов, Михаил Булгаков. На студии Бориса Алексеевича – книголюб со светлыми улыбающимися глазами – открылись нам Цветаева и Рильке, Мандельштам и Ахматова. Стихотворение, скажем, Бенедикта Лившица или Давида Бурлюка весь вечер обсуждалось со страстью «серапионовых братьев».

В студии Чичибабина мы получили самые искренние юношеские впечатления, предуготовившие нашу жизнь последующую.

Это были годы «Нового мира» и «Иностранки». О процессе над Андреем Синявским и Юлием Даниэлем я или мы – уже не помню – узнали потому, что Борис Алексеевич и Лиля Семеновна дружили с Ларисой Иосифовной Богораз. «Белая книга» Алика Гинзбурга, песни Александра Галича – были почвой, на которой произросло наше поколение. Во всяком случае, ко мне это имело отношение непосредственное.

Это были годы радиостанции «Свобода» и хипповской песни битлов «All You Need Is Love!».

Здесь мне вспомнилась необычайная драгоценность тех лет: номер «Иностранки» за 1960 год.

В нем – история мальчика Холдена.

Закрытие студии прямо перед началом вечера Пастернака, через время – исключение Бориса Алексеевича из Союза писателей.

Все, как у Галича: «Мы поименно вспомним тех, кто поднял руку».

САММЕРОВСКИЙ ПЕРЕУЛОК

Саммеровский переулок. В центре послевоенного города – чуть в сторону от центральной улицы – разруха, трущобы. Семьи живут скудно, голодно. Кто пьяно, кто тяжело горбатится «на производстве». В шестом номере – семья, каких тысячи.

В шестьдесят четвертом я познакомился с Володей Мотричем. Английское слово beat с русским суффиксом -ник очень подходило бы к нему, но никак не соответствовало его виду и образу жизни. Нищета и отчаяние, наверное, обязательны для людей из поколения, описанного Джеком Керуаком.

К началу шестидесятых был освоен модернизм. Правдами и неправдами мы прочитали Хемингуэя и Аполлинера, Поля Валери и Джойса, Кафку и Уитмена, Бодлера и Юджина О'Нила... И если сравнивать с русской эмиграцией, – то вторая волна нахлынувшего чтения пришлась на шестидесятые.

Из моих любимых стихов Мотрича:

В горькие минуты вдохновенья,
От испуга тяжело дыша,
Маленькая лошадь на арене
Делает смешное антраша...

Кончен век, трагический и скромный,
Праздник краток. Долгое похмелье.
По земле проносятся метели,
Вырывая прожитое с корнем.

Володиными стихами никак не начитаться.
Вспоминаешь его строчки и сладко от печали.

Вольная воля. Да степь в три дороги.
Да по обочинам тлеют кресты.
Ночью в степи – только волк одинокий,
Да обезумевший ветер свистит.

Вольная воля – на всякого хватит.
Вор бородатый спешит на разбой.
Может быть, завтра наступит расплата...
Вольная воля – кровавый запой.

Вольная воля с метелицей дружит.
Русские степи – попробуй, намерь!
Мягко постелят, да насмерть закружат,
Каждому встречному – встреченный зверь.

Вольная воля. Разгул да жестокость
Зоркие очи. Да зубы острые.
..Ночью в степи – только волк одинокий,
Да обезумевший ветер свистит.

Это из его лучших. Эти стихи часто цитируют. О чем они? – «Вольная воля. Разгул да жестокость». Помнится, у Чехова: «Высшая свобода – воля». На Руси о ней мечтали, нет - по ней бредили. С другой стороны это очень по-русски: наложить на себя православный крест и загубить чью-то душу, ведь «каждому встречному – встреченный зверь». А можно еще по-достоевскому: истязать распятого ребенка, а после сесть и съесть ананасный компот. Ведь не случайно Лизоньке Хохлаковой вообразилось, что сама она сделала это...

Как великолепно у Мотрича: «Русские степи – попробуй, намерь!». А что в этих степях? – «по обочинам тлеют кресты, да обезумевший ветер свистит». И кто этот «волк одинокий» – не Володя ли Мотрич себя с ним соединил?...

И вот почти об этом же. Только с волчицей так же одинокой «хорошо бездомному бродяге кочевать просторами степей».

Хорошо бездомному бродяге
Кочевать просторами степей,
Захлебнуться. Пить рассвета брагу,
А напившись, – ветром засвистеть.

Или – спать, раскинувшись широко,
Будет жестко. Экая беда!
В чернозем упрется голый локоть,
В ковыли вплетется борода.

Одиноко родина приснится:
Озеро. Медузы звезд на дне...
И осиротевшая волчица,
Воющая в звездной тишине.

Друг придет, и о хорошем вспомнит,
Вымоет ладони тишиной,
Молодой луны кулич разломит
И поделит поровну со мной.

И дохнет небесная пшеница
Русской печью, кислою квашней,
...Воет одинокая волчица.
Степь хранит осиротевший вой.

Поэт всегда одинок и бездомен. Один на один с душою своей, с окружающим светом. Друг может разломить кулич и поровну поделить, но все равно душа, как степь, «хранит осиротевший вой».

Кого только и не встретишь в «Пулемете.» Двойной и только в маленькую чашечку заказывали у кофейной стойки. Иначе – моветон. Заказать можно было кофе и с коньяком, но шикаровать мог позволить себе не каждый.

Торчать в «Пулемете», шататься у Зеркальной струи или на «стометровке», демонстрируя слабый интерес к окружающему и окружающим – некая экзистенция тех лет, философия бытия.

В этих местах нельзя было не встретить Володю Мотрича.

Вот летний портрет Мотрича: обязательный костюм, под пиджаком – белая рубашка в мелкий цветочек с модными длинными уголками воротника – под галстук, но Мотрич без галстука. Володя был элегантен, разбирался в одежде. Знал толк в людях, окружал себя людьми разными, но не случайными. Сам он интересен был тоже не каждому.

Долго служить Бахусу с ним было нельзя. Многие отступали. Оставались надежные.

Володя великолепно читал стихи. Особенно не свои. Как никто. Как он – Мотрич. Особенно запомнилось это – ходасевическое:

«Я, я, я! Что за дикое слово!
Неужели вон тот – это я?
Разве мама любила такого,
Желто-серого, полуседого
И всезнающего, как змея?

Разве мальчик, в Останкине летом
Танцевавший на дачных балах, -
Это я, тот, кто каждым ответом
Желторотым внушет поэтам
Отвращение, злобу и страх?»...

В почете был есенинский «Черный человек». Его тогда читали все и наизусть.

По ночам в те времена ходил дежурный трамвай. Его маршрут – от парка Горького до Южного вокзала. На задней площадке нас человек пять. Помню поэта Эдуарда Сиганевича, художника Мишу Басова. И игра у нас такая: один начинает читать стихи, следующий продолжает. Запнулся – проиграл. Чтение стихов по кругу могло продолжаться всю ночь и не один круг трамвая.

Окружавшие Мотрича одалиски и пьющие эрудиты закрепили за ним – декадент.

По мне – так нет.

Кстати, и хорватом он никогда не был...

Каждое поколение – потерянное.

У шестидесятников свои даты. 5 марта 1953 года – смерть Сталина, 25 февраля 1956 года – выступление

Хрущева о культе личности и его последствиях, 14 октября 1964 года сняли Хрущева, 14 февраля 1966 года был зачитан приговор Андрею Синявскому и Юлию Даниэлю, 21 августа 1968 года – русские танки в Праге.

Нонконформист Мотрич не выходил на площадь, не подписывал коллективных писем. Живя вне видимого социума, Володя писал:

Творчества крутое ремесло,
Старые, ущербные ступени...
Прожит день –
И значит – повезло,
Значит,
Прошлый день –
Благословенный.

Проще – вниз,
А вверх – один раздор.
Шаг вперед –
И можно оступиться...
И листает медленно страницы
Памяти
Безносый
Ревизор.

Разорванные строчки стихов – как разорванность души, обозначенная многочисленными тире. Но все же «прошлый день – благословенный».

Иногда не расшифровать стихи, не определить тот толчок в душе, их создавший.

С моим пожизненным другом поэтом Эдуардом Сиганевичем едем в больницу проводить Мотрича. Володя лежит в 36-й больнице. Харьковчане знают что такое Сабурова дача. В палате кроватей – не повернешься. И тогда мне запомнилось (потом я это неоднократно проверял) – заходишь в больничную палату, а пациенты лежат всегда ногами вперед. Не теми ли ночами «на Сабурке» написаны эти строчки:

Приходит ночь уединенья,
Ищайка-ночь
И ночь-сова.
Становятся прозрачней тени,
И призрачней звучат слова.

Слова-улыбки и оскалы.
Слова-цветы.
Слова-шипы.
Слова, склоненные устало.
Слова, поверженные в пыль.

Слова державного молчанья –
Венец союза и вражды.
Слова обиды за плечами
И бездорожья впереди.

И не хватает слов обычных
Ночную боль заговорить...
И трагик в небо пальцем тычет,
Решая – быть или не быть.

Володя мало кому посвящал стихи. Но, как у каждого поэта, и у него есть посвящения.

Эдуарду Сиганевичу

Мы ворует и верим. И врем.
И храним, и скупимся, и дарим.
Меж вора мы ворами слышем.
И отраву влюбленности варим.

Путь наш прост – просто нету пути,
Что ни шаг – тупики и заборы.
И душа наша – детище вздора.
Безысходность мечты во плоти.

Кто же мы? Мудрецы, простаки,
Чужеземцы земли сокровенной?
Или просто жуки-светляки.
Что мерцают во мраке вселенной?

Болезнь, задушившая охрипшего Мотрича, поставила точку в его жизни. И вызвала стихи другого поэта.

Эти стихи Эдика, написанные в марте-апреле 1997 года, посвящены Мотричу. Быть может он, предвидя свой преждевременный уход, писал их и о себе.

Памяти Владимира Мотрича

1
Поэты никогда не умирают,
Поэты остаются навсегда.
Они, как свечи, в небо выгорают
И выпадают каплями дождя.

Они приходят раннею зимою
И первым снегом падают у ног,
Они шуршат осеннею листвою
В потемках улиц, посреди дорог.

И первороден ими грех вершимый,
Что от него не заживает бок...
Они безумно мучают любимых,
Хулят и славят, да, простит их Бог.

Они сто тысяч раз самоубийцы,
От дня рожденья, так и до конца.
О стену зла им головою биться
За честь и боль тернового венца.

Их никогда по имени не вспомнят
Но лишь поют. Они уходят в Ад.
А там, испив любовь и гнев Господен,
Их всех встречает венценосный Дант.

2

Иди же, ну иди
Тебя там встретит Дант.
Там музыка над мукою Вселенной.
Та музыка, что родилась в тебе,
Пусть приведет тебя к стопам нетленным.

В Дантовском Лимбе, где томятся души некрещенных младенцев, где скорбят души воителей, мудрецов и поэтов, где тень древнеримского поэта и проводника Вергилия, наверное и пребывают близкие друг другу поэты Владимир Мотрич и Эдуард Сиганевич.

Генрих ШМЕРКИН

Кобленц, Германия

ГОРШКОВ И ПАХОВ

(Глава из романа «Кент Бабилон», Алетейя, СПб., 2012)

Тромбониста Пахова дирижёр Махлин выхилил из филармонии за кир. От Пахова, видите ли, пахло. Второго такого тромбона в Харькове нет, и вряд ли когда будет. Поэтому Махлину пришлось приглашать чувака из Киева — Жору Тимофеева, который играл там первого тромбона в держопере.

Тимофеев тоже клёвый тромбонист, но солярия в Цфасмане — тридцать вторыми в резаном ключе — хренушки выковыряет, как Пахов.

Жора выкатил требухенцию: оклад солиста плюс двухкомнатная квартира. И получил. А раньше — Махлин обещал все эти прибабасы Голензовскому, первому кларнетисту.

Теперь уволится Голензовский, и это очень клёво, потому как есть подозрение, что товарищ Голензовский — На-Вуха-Доносор.

Пахов побил горшки со своей Наташкой и живёт теперь на Малой Гончаровке — у Миши Горшкова, трубача из «Спартака».

Горшков с Паховым — кореша, росли в одном детдоме.

Пахов теперь лабает в кинотеатре «1-й Комсомольский», у него уже 2 предупреждения за кир. Заканчивает работу Пахов раньше, чем Горшков. Он укладывает в тромбон батл водяры и идёт пешком — через площадь Тевелева, мимо вечного огня — к ресторану «Спартак».

Родился в Харькове 9 октября 1947. В 1966 окончил строительный техникум, в 1973 — вечерний факультет института инженеров коммунального строительства (электроотделение). С 1966 по 1992 трудился в харьковском «Тяжпромэлектропроекте», где занимался разработкой систем электропривода и автоматизации для непрерывных станов горячей прокатки. Одновременно играл на саксофоне в различных эстрадных коллективах. Срочную армейскую службу проходил в штатном духовом оркестре Черниговского высшего военного авиационного училища лётчиков. С детства писал стихи. Был участником литературно-творческой студии клуба работников связи и автошосдор, которой руководил Б.Чичибабин. С 1991 стал выступать в Харьковской прессе — под псевдонимом «Семён Шапкин». Автор многих публикаций в российской, украинской и русской зарубежной периодике. Печатался в «Литературной газете», в журналах «Зарубежные записки», «Родная речь», «Крещатик», «Сумасшедший дом», «Новый крокодил», «Магазин Жванецкого», «Самовар» и др. В 1992 эмигрировал в Германию. Жил в Вальдбрайтбахе, в Вайсентурме. В настоящее время — житель Кобленца. Фигурант справочника С. Чупринина «Писатели русского зарубежья», член Союза русских писателей Германии, лауреат премии журнала «Литературный европеец». В 2000-м редакцией журнала «Крещатик» номинирован на сетевую премию «Тенета» — за рассказ «Страсти по Нострадамусу». Автор книг иронической поэзии и прозы — «Берлинская стена плача», «Харьковское море», «Иронизменно о возвышенном», «Вот мы и приехали» и «Хождение по музам».

В начале двенадцатого из «Спартака» выходит Горшков — тоже со шкваркой и тоже с батлом. Они пожимают друг другу синюшные припухшие ладони и идут к газетному киоску у Дмитриевского моста, это — в ста метрах от трамвайной остановки. Вскоре — прямо на мосту — лихо тормозит трамвай без пассажиров, идущий в депо.

Трезвый, как стёклышко, Толик подсаживает уже поддавшего Мишу.

Вожатый ждёт, пока друзья залезут в вагон, и нежно трогает трамвай с места.

— Всё путём? — осведомляется «водитель кобылы».

— Ага, — кивает поддавший трубач.

Пахов хранит молчание.

— Что лабаем? — спрашивает Горшков.

— На ваш вкус, — уважительно говорит водитель.

— Так что, как обычно?

— Я же сказал, на ваш вкус...

— Тогда Амадейку-Асмодейку, — подмигивает Толику Миша.

Горшков и Пахов рассупонивают шкварки и начинают свой «концерт по заявкам». Трамвай-призрак скользит по ночным улицам, будя

живых харьковчан «Реквиемом» Моцарта.
Брасс-дуэт звучит пронзительно и чисто — как
соборный орган.
Через четверть часа — они уже в депо.
В депо имеется пункт раздачи горячей пищи,
открытый всю ночь. Он предназначен для
ремонтных рабочих — поскольку ремонт путей и
подвижного состава производится исключитель-
но ночью.
Ремонтники уже ждут.
Бессемейные мученики («бессаме, бессаме
мучо»!) для начала врезают «Маруся — раз, два,
три!» — любимую песню всех поварих и по-
судомоек. После чего — абсолюция шаровиссимо!
— получают честно заработанную, почти домаш-
нюю закуску. Щи, студень, жареную картошку,
котлетки, а иногда и по тарелке жаркого.
Оприходовав под балдёжный этот берлиоз по
пузырю водяры, снова играют, теперь уже для
себя. Спиричуэл, блюзы. Каждый раз — новьё.
Народ сидит, слушает, — даром, что не наше.
Спец по этому делу, конечно, — Горшков. Джаз-
фестивальщик, кабацкая заправка... Но Пахов
(даром, что симфонюга!) запросто «идёт» за
Горшковым, и такой получается кайф...
Часика через полтора подаётся персональный
трамвай, который везёт их домой, на Малую
Гончаровку...

«Вовка, к тебе пришли!»

Раиса ГУРИНА

...К позднему вечеру осталось шестеро: остальные разошлись — кто сразу после презентации, кто после первого кафе, кто после второго.

Презентация была посвящена новому, выходящему в Москве, литературному журналу «Человек на Земле». Его четвертый номер по количеству представленных в нем авторов-харьковчан сложился по преимуществу как «харьковский», а потому главный редактор Татьяна Сурганова решила представить свое издание именно в Харькове. Точнее будет сказать, что из опубликованных в нем сочинителей мы с Юрием Милославским давно харьковчанами не являемся, так как вот уже сорок лет в родном городе не живем, но все же неизменно считаем себя таковыми по праву «урожденных», то есть родившихся и выросших здесь.

Собрался в библиотеке имени Маяковского пишущий люд, художники, журналисты. Пришел даже совершенно узнаваемый Александр Дмитриевич Михилев — академик, профессор филфака университета имени В.Н.Каразина (в годы нашей учебы — «имени А.М.Горького»). Тогда, в 1965-ом, молодой доцент, а может быть, только преподаватель, недавно защитивший кандидатскую диссертацию, читал первокурсникам курс античной литературы. Знакомя с романом о Дафнисе и Хлое, вчерашний аспирант явно смущался и, не входя в подробности отношений юных греческих любовников, поспешно договаривал: «Ну, словом, вы сами прочтете...».

Итак, к вечеру нас осталось шестеро. Мы вышли на Рымарскую уже затемно и хотя дождя, по счастью, не было, сентябрь, выдавшийся в этом году мокрым и холодным, наплатил воздух влажной взвесью, блестящей на брусчатке покато́й улицы и окружавшей желтыми кругами свет редко расставленных фонарей. До поезда, которым отбывала Татьяна Сурганова, оставалось не более двух часов.

«Идемте к Мотричу», — предложил Титов. Обсуждения не последовало — сразу молча и пошли: впереди двоица современных поэтов-харьковчан — Герман Титов и Вениамин Ленский (шутили: «Куда Ленский подевался?» — «Как куда? Стреляться с Онегиным пошел!»); затарахтела чемоданом на колесиках самоотверженная (ночь в вагоне, день на ногах и снова дорога) главный редактор; прихрамывая, но целеустремленно, как на свидание, заспешил Аркадий Филатов — старейшина нашей поэтической компании, ныне еще и киносценарист, а в шестидесятые — поэт и физик, выпускник модного физтеха все того же «имени А.М.Горького», «поэт в полу-сапожках» (ни у кого в городе таких не было!), как прозвал его насмешник Милославский. Ныне Юрий Георгиевич делал настойчивые и нежные попытки подставить Аркадию Павловичу плечо или хотя бы руку, на что тот, ворча, возражал: «Да что ты все время меня поддерживаешь?». — «Я хочу, чтобы когда я приеду в следующий раз, ты был жив.»

Спотыкаясь и обдирая в темноте каблуки, заспешили в Саммеровский «переулок, а не

тупик» (из стихотворения Германа Титова, посвященного Владимиру Мотричу). К мертвому, отселенному и, по всей видимости, уже готовому к сносу или капитальному ремонту дому прилепилась одноэтажная пристройка; собственно, она и является «домом Мотрича». Пристройка была жива: за верандой светилось окно. Неяркий источник света — настольная лампа или настенный светильник-бра — находился в глубине комнаты, казавшейся необитаемой: не только таинственных жильцов, но даже их теней не было видно, только теплый свет струился сквозь тюлевую занавеску.

Разместились на открытой холоду и влаге зябкой веранде с рядом почтовых ящиков, к которым давно не подступала нога почтальона — человека исчезающей профессии: куда-кому, кто и откуда шлет сегодня письма, заклеивая языком бумажные конверты? Тем паче давным-давно перестали поступать к праздникам фанерные посылки с орехами и мандаринами — посылать некому да и незачем — мандарины теперь везде купить можно.

Размечтались: «Вот бы город здесь мемориальную доску установил». «Наверяд ли, — подумалось мне — хоть бы еще с пяток лет «дом Мотрича» продержался, чтоб до «крутых» юбилейных дат самого харьковского из его поэтов дотянуть».

«Быть тебе королевой, коронованной ночью, угонять каравеллы, убаюкивать кормчих», — безо всяких преамбул почти пропел Милославский своим от природы поставленным баритоном, ставшим с годами еще ниже и гуще. Голос-то был его, но манера чтения, интонации точь-в-точь Мотричевы. До жути похоже. И сразу со временем что-то произошло.

Мы стояли кто как пристроился: прислонясь спиной к стене или опершись о влажные перила — забытая на веранде престарелая деревянная табуретка была совсем мокрой, а потому непригодной для сидения. Крохотный дворик с парой больших деревьев — свидетелей и очевидцев — слушал нас, временами что-то вспоминая и нашептывая; туман сгустился. Конечно, никто не верил, что сейчас из-за угла появится высокий поэт «с потемневшим от созвучий лицом» (вновь цитирую Германа Титова). Но кто-нибудь из тех, кто видел, как это бывало на самом деле, вполне мог себе такое представить. Ни младшие Титов с Ленским, которые не совпали с Мотричем во времени и знают его только по стихам и литературным рассказам-легендам, ни Татьяна Сурганова, тоже никогда не видевшая «харьковского Бодлера». Но мы-то, тройка старших, вполне могли увидеть его опять!

«Вовка, к тебе пришли!», — привычно прокричала со двора Мотричева бабка, заведя гостей. Сколько их здесь побывало: юношей и девушек, молодых мужчин и женщин, — сворачивали из переулка и ступали на вот эти ступени. Теперь мы пришли.

Из недр все же обитаемой пристройки появился седовласый жилец в домашних тапочках. «Мотрич? Поэт? Жил тут? Конечно, знаю. И Чичибабина вашего знаю, был на вечере его памяти в этом году...» — и выпил предложенного коньячку.

«Вы бы сходили одеться, холодно, простудитесь, — уговаривал седовласого Филатов.

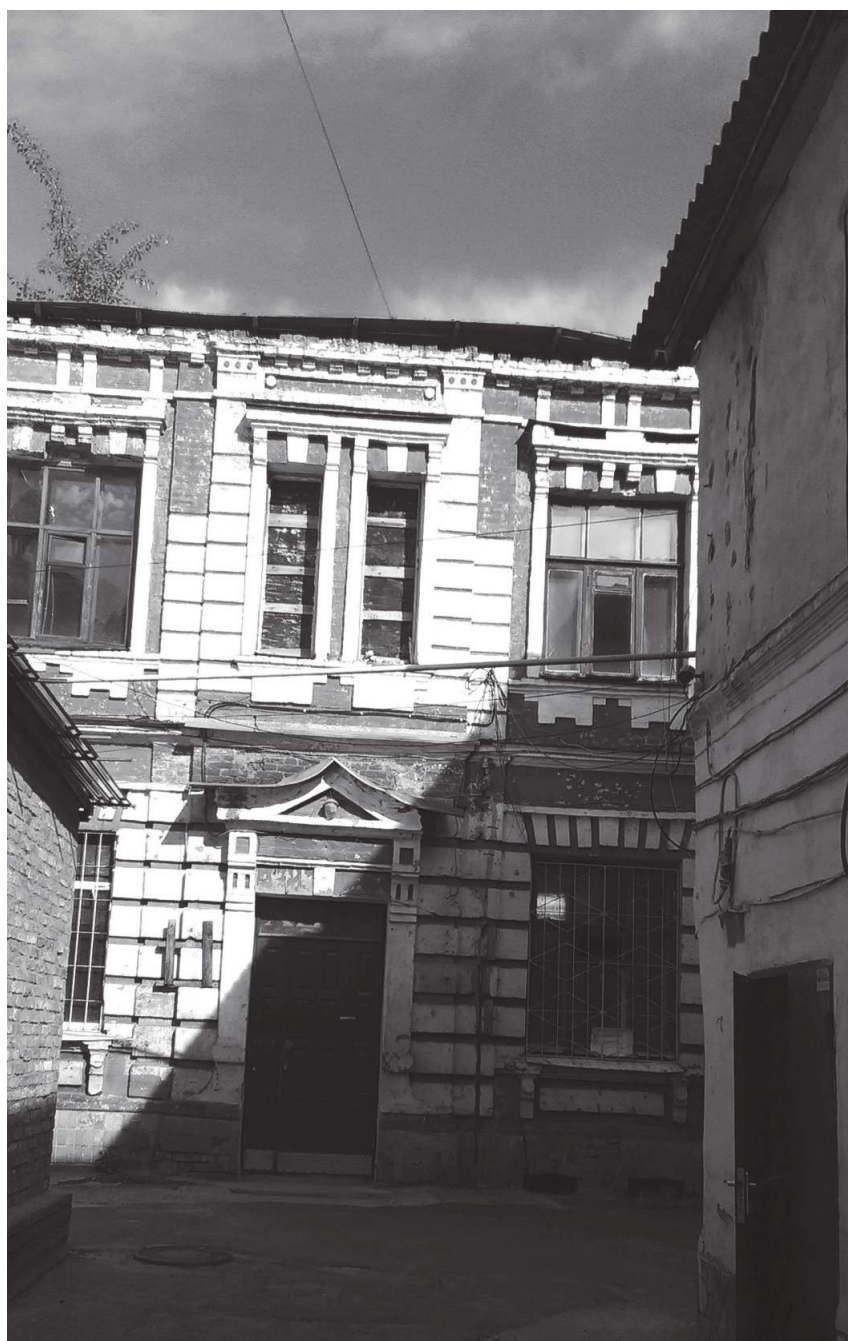
«Та ничего, я так постою».

Постояли с полчаса, продрогли, на вокзал заторопились московскую гостью провожать. Милославский, уходя последним, поставил на перила початую бутылку. На мой вопросительный взгляд ответил вслух: «Это Володе. Я знаю: он ходит здесь по ночам».

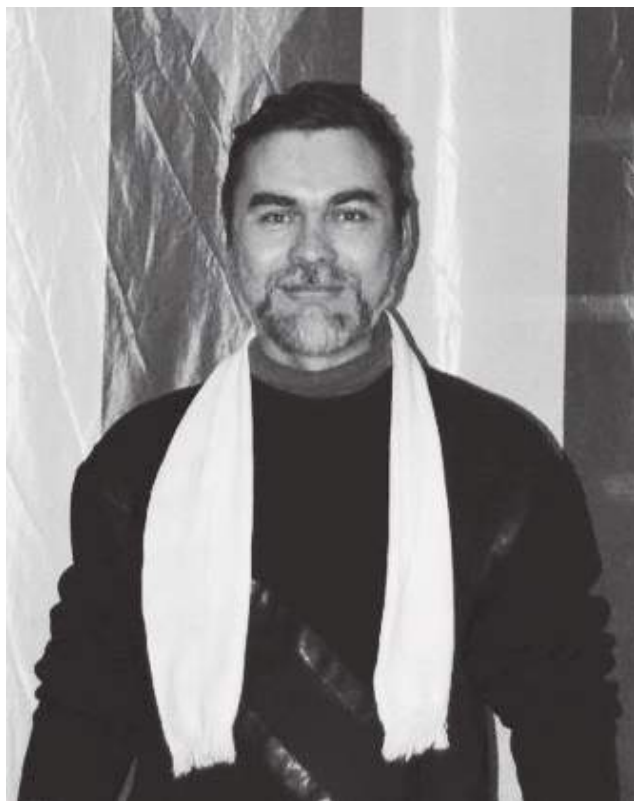
ПОЭЗИЯ

ПОЭЗИЯ

Богдан АНТ

Харьков

МИХМИХ

в мифологии восточных славян позднего периода

(из рукописи неизвестного автора, найденной при раскопках г. Харькова в заплечной суме из тканого материала)

Михаилу Красикову

На свете есть один рюкзак —
В нем бездна слов и рой бумаг.
И ваших слез, и ваших грез
Обрывки фраз, рождение звезд...
На квантах света варит он
Свой пре-космический бульон.

Там Божий Глас являет Звук!
Мятется просвещения дух.
Вот-вот Большой раздастся Взрыв,
Родятся Слово и миры...
А за окном идет пешком
Михмих с заплечным вещмешком.

август 2010 г.

БЛЮЗ

Михаилу Красикову

Идет весь день простецкий дождь,
как будто нужен.
Такой походкой не пройдешь —
по лужам.

Так, по воде, ходил лишь Бог,
нас научая.
А мир во сне едва ли смог,
ночами.

Я, помню, в детстве, на заре
умел такое.
Меж сном и явью шар горел
в покое...

Темнее даль, яснее грусть —
влечет куда-то.
Седым дождем пойду пройдусь
к закату.

сентябрь 2007 г.

ФОТОПОРТРЕТ

На выцветших «карточках» 60-х
Лица — живее, чем на дворе.
Глядят в этот глянцевоый мир наш ребята
С былинным прищуром богатырей.

А мы в своей небыли с колыбели
(Были ли, не были — и то вопрос!)
Так улыбаться уже не умели,
Как шел по жизни балтийский матрос.

Стеклянные глаза, полированы души,
В мозгах таврована каждая пядь...
Ходили же люди — по морю и суше!
Каким теперь органом их понимать?..

Их взгляд шевелит нечистую силу
Под сердцем-колодой внутри, как в норе.
И тщишься под стать улыбнуться насилу —
Да бледен оскал на смертном одре.

сентябрь 2007 г.

Галина БАБАК

Харьков-Прага

* * *

Так було від початку і, певно, так буде в кінці,
У кінці всіх доріг, коливань, колисань і предтечій.
Дім стояв на горі, і сидів чоловік наодинці,
роздивляючись хмари, зодягнені в шкіру овечу,
підкидаючи хмизу до ватри,
розпалював світло вгорі,
добираючи слово до світу,
запалював світло в душі.

І було йому так, що не знав ні печалі, ні сну.
Завше схрещував пальці, коли промовляв
“Отче наш”.

І повторював світ “Як на небі, так і на землі”.
І сказав чоловік, що існує, — то має ім’я.
І назвав небо-небом, тінь-тінню, а землю-землею.
І приходили люди з поклоном:

Це ми — твоє плем’я,
І не знав, що сказати, бо пустка запала в уста.

* * *

Я пам’ятаю місце те, де я загубила коня.
Ні, полоняanko, не правда то, коня ж бо
ніколи не мала.

Я пам’ятаю місце те, де я на колінах
тебе колисала.
Ні, полоняanko, не правда то,
мене ж бо ніколи не знала.

Скажи, чому пам’ятаю місце те,
де я залишила коня.
Чому пам’ятаю місце те, де степ і широкі поля,
чому пам’ятаю дотик трав і спів
колискових пісень.
Чому це спливає так ясно в мені, як божий день.

Це кров говорить в тобі, полоняanko,
Це кров говорить в тобі.
Час замітає сліди, полоняanko,
Але не змітає душі.

— Колись полоняanko кохала мене
— Колись кохала тебе...
— Колись полоняанку колихала зоря
— Мене колихала зоря...
— Колись полоняанці дарив коня,
— І загубила коня....

Дмитрий БИЛЬКО

Симферополь

СТЕРЕОСКОП

Балабаниада

*Не дай мне бог стать жителем равнины.”
Уистен Оден*

Когда он говорил, это не портило тишину,
не избавляло счастье от времени,
от очереди на прием;
был только звук — хрустящий,
и в нем пожухлому пространству нынешнему
слышался Ахерон.

...осипший бог куриный, направь облако
заслонить мою тень.

Снижение, выполненное по одному ему
доступной малахитовой гласседе,
заполнило пустоту — знал,
как мало похитили:
девять грамм. Трясый этап к миру подледному.
Так задрожал Урал.

...оставь ребенка за столом, дух кафкианский,
позволь ему быть сонным и сытым.

Литота боли предвестником летопись налила,
36 пленка впитала мякоть по-новому,

кровь и восток линза свела:
Аки Каурисмяки
видит, как обмерла — бел полотном из льна —
судорогой Нева.

...побравши клекот орла сиамского,
полезай в табакерку скорее, родной.

Обмылок. Чабан. Серпентарий. Малый народец.
Оркестр.
Это вторжение! Интервенция
с минимальным набором слов
и судей — как в том же
(и не бесспорном)

случае совесть ежится в кресле,
судьбы перемолов.

Мышка

дамский пальчик в рот уволок
чернит губы и зуб серебрит
ай-сerez и под
перестук молоточков подумать
только
как может
ковкий бит обуздать
шепот стен и посеять
нетерпение

в пене дней
под обрюзглой волной двадцать первой
кто сказал что большая
через каждые семь
я поверил
значит эта
скрутит шею прильнет отымеет
пусть не медлит
раскусил дамский пальчик
последний
и допил гул машин
и дождя прелый шум

так осмелился
на улыбку

См.

о мертвых проще рассуждать

земля погибла
пресытилась
воронками и детворой

нет ливня
 остервенело тычут красными лопатами
 и бьют не дожидаясь сдачи
 старатели
 пока надсмотрщик решился по второй
 сгребают в желтые ведерца
 что попадется
 даже камни
 в особенности камни
 иван степанович был озадачен
 зачахли персики (а верочка так любит их)
 и не помог

соседский перегной
 весна не оставляет шансов
 он вспомнил верочкин значок
 not leave me
 и обернулся

сдох пес
 в минуту выпитый истлевший
 рассыпался на кочках
 на песах
 земля ближайших завлекает
 без спроса
 переняла у топчущих
 сама раздавленная временем старуха
 бесслезная без языка
 но с памятью
 усохла и обратилась вспять
 что говорить
 когда же мать сокрывшая твою
 почти на год
 весеннепленная
 способна воспарить над андами
 с ребенком ее же крови но чужим
 вчерась примеренным

поверь молве
 за сим же
 будь на чеку
 любимым по эту сторону покоя нет
 грецкий орех
 расколот
 являя сеть мельчайшей изысканной работы
 иначе пыльное ядро
 и только солнце знало (источник света
 включенный вероятно пустотой)
 что там произошло

а верочка смеялась
 иван степанович в такие
 на веру
 целиком

земле предался

Вариация на заданную тему

низведенная до предела
 хриплым ропотом
 архивная тишина
 соком ивовым полднем выпитым
 вот уж как
 без малого полчас
 побелела

рта огарок губ
 две балясины
 пошлость самая а туда ж
 хором слипшиеся виноватые
 вздох и кажется
 первый раз
 опрокинуты
 одичалые словом матери
 их венчала
 ночь
 изысканный антураж

Вторая вариация на заданную тему

дома-увальни распластались
 погрузнели
 расхристаны
 пот течет из всех пор
 по несущим
 открыткам о первой весне о полете о сказочной
 пристани
 вверх взметнулись
 тогда
 юркой сойкой на землю порхнули
 как времянки легки
 были

с тех пор
 в кепках шиферных неулыбчивы
 стаж учтен но так без толку так привычно
 пухнут с голоду
 в сон
 прячут плешь
 а под кепками слышна музыка
 звон стаканов
 по истекшему нарочитому
 с узким горлышком току времени
 их алкает
 черных смол лебединый звон

Вымытый

эгон
 возможно ли
 более
 вывернуть наизнанку
 тело чем смог это
 сделать
 тобой отраженный свет
 могла ли
 женщина допустить
 изувеченная с криком о помощи
 из-под танка
 детей блестящих и неотличимых от
 снарядов
 что сама она — грянет станком
 смазанным бурой запекшейся спермой
 и рождение
 первенца
 будет
 громогласно подхвачено
 самой землей рыхлой от гусениц
 бледной под листьями дубовыми
 и мечами с первым мая
 в добротной но
 меньшего размера обуви
 made in otto
 стоит ли
 тогда
 закуривать посыпая барвинок пеплом
 спелым и
 сглатывать вычислив разницу снова
 под именем полным
 или же
 дать ему время послушаться пленных
 позволить
 жизни
 разбить
 черный гранит
 вымытых плит

Огни святого Эльма

ты будешь высечена
 из шелка претерпевая
 боль омовение проще
 ад сущий от прямой ибо
 эта старая и тщеславная
 пигалица так желала тебя
 вычленишь либо как шутили
 заставить даже камни что под
 ногами покраснеть и распахившись
 выпалить как же хороша шельма-то

адажио: пусть твой изгиб они назовут
 слабостью будто прогнулась и кажешься
 только завесой не облаком пылью тут алою
 в полдень восставшей. если убита пожалуйста
 я буду ты говорила тогда ветру
 и свету отдайте меня
 звоном закатным кротость резца буде
 исполнится значит
 не зря грудь моя взорвана
 как письмена клинопись сполохом
 нанесена. тень черноризца пребудет
 в покое лаврского холода .
 этим позволишь оставить моей ладони
 на память унцию пороха

с меня подпись достойная подлеца сон
 после смерти твое
 имманентное предположим кот в сапогах мой —
 в мешке
 сшитом к апре... нет... саркофаг скорее
 едва ли тогда
 взгляд мой моложе становится на вещи
 в себе разве
 что кожа сброшена будет в срок за три недели до
 летнего солнцестояния этим сурок и отличается
 смуглый от скажем джотто сутью покрова
 чьего в сумерках днем и ночью
 интересуется кто-то

Зинаида ВАРЛЫГИНА

Кострома, Россия

* * *

В штабеля, как дрова,
Мысли связаны прочно.
Мыслю — значит, жива.
Утверждение точно.

Словно рой мошкары
В неземной атмосфере,
Вдруг покинув умы,
Мысли мчатся к Венере.

Звездопад, листопад
В синеве пролетает?
Проще всё — мыслепад.
Пролетит и растает.

Родилась 26 октября 1986 г. в Костроме. В 2008 году окончила Костромской государственный технологический университет по специальности «маркетинг». В настоящее время работает директором агентства Интернет-маркетинга «Золотой тигр». Публиковалась в костромских печатных СМИ: газетах «Молодёжная линия», «Телегид», «Костромские ведомости», — а также на некоторых Интернет-порталах. В августе 2013 года стихи были опубликованы в газете «Литературная гостиная» № 8 (г. Тверь). В настоящее время готовится публикация в литературном альманахе «Ветер в ивах» (г. Коломна, Московская область). В марте 2013 года стала победителем Открытого городского конкурса поэтов «Молодые молодым — в стихах» (Кострома); в июне 2013 стала дипломантом четвёртого Всероссийского фестиваля авторской песни, поэзии и прозы «Господин Ветер» (Коломна) (в номинации «Проза» — диплом, в номинации «Поэзия» — специальный приз).

* * *

На верхней полке над купе плацкартным
Лежу, как ангел постсоветский,
Над кухней старой, коммунальной.
Над прошлым. И над чьим-то детством.

Лежать, молчать и делать видимость,
Что спится на стоянке душненькой.
Как ангел — обрести невидимость,
Слив тень под сумерки с подушкой.

Как демон, в ночь светить глазищами,
Опровергая отражаемость.
Как дева из веков забывшихся.
Как образ рощи проезжаемой.

На верхней полке на плацкартненькой
Удобно наблюдать за памятью...
И улыбаться проезжающим
Составам в предрассветном пламени.

РУСАЛКА

Я гляжу на луну сквозь хрустальную линзу реки.
Я гляжу на деревни, которые так далеки.
Вроде — рядом они, вроде — только
рукою подать!
Но уже никогда не вернуться туда мне опять.

И пора уж на берег, травы не касаясь почти,
Мне на ветку взлететь и сидеть там,
и косы плести,
И смотреть, не пройдёт ли случайно
чудак-человек.
Вот он — девичий ад. Вот он — долгий
русалочий век.

* * *

Оборванные афиши на старинных
красивых зданиях,
И отголоски лета звучат ещё в ноябре.
А город принарядился с тобой, мой друг,
на свидание,
Надел вуаль первого снега и отблески фонарей.

А город искрится звуками, а звуки
звонят таинственно,
И рыжим мерцаньем светятся
персиковые фонари.
И если меня ты встретишь — то сказка,
наверное, сбудется,
И если тебя я встречу — с тобой мы поговорим.

* * *

Билеты в осень — жёлтые,
Их пробивают шпильками
Кондукторы случайные
Берёзовых аллей.

И мчатся по маршрутам
Дождей, туманов, листьев
Осенние рассеянные
Полчища людей.

А птицы улетают
Туда, где нет туманов,
Где листопады — редкость,
А снегопадов нет.

Не потому, что холодно,
Или им здесь наскучило.
...Просто они не знают,
Где в осень купить билет.

* * *

Осенняя сладкая грусть
И запах опавшей листвы.
Пусть подождут дожди. Пусть
Люди не жгут травы.

Пусть солнце сквозь воздух звенит
Лучами осеннего цвета.
И ещё — хоть немного! — звучит
Песня ушедшего лета...

Иван ВОЛОСЮК

Донецк

Иван Волосюк родился в 1983 году в г. Дзержинске Донецкой области (Украина) в семье шахтера.

Выпускник русского отделения филологического факультета Донецкого национального университета.

Автор 6 сборников стихов, последний – «Под страхом жизни» вышел в свет в конце 2013 г.

Публикации: «Знамя», «Воздух», «Дети Ра», «Зинзивер», «Радуга», «Союз писателей».

Член Межрегионального союза писателей Украины.

Участник 12-го Форума молодых писателей России, СНГ и зарубежья (Липки, 2012).

Живет и работает в Донецке.

* * *

Местнотимым поэтам ничейного времени
пригоршни
Насыпают в подол и бессмертием кормят из рук,
А я шел через город, до ночи тебя не увидевший,
Полуслеп, близорук.

Но, когда почернев, вдруг подсветится
небо софитами,
Убегу и напьюсь, в страшный ливень шагну я,
взбесюсь,
Только скрипнет калитка, тобой до конца
не закрытая,
Потаенная связь.

И в неслышимом мире, где тень, как скала,
неподатлива,
Мне дышать тяжело, как зашедшему в воду
по грудь.
Ты мне с птицею белой пшеничного
хлеба печатного
Посылать не забудь.

* * *

Ночь себя еще проявит,
(Ты и каждая — моя),
Только ветер шепелявит:
Шорох, шершень, чешуя,

Чтоб к тебе привел Создатель
Переходное звено.
(Главный правообладатель.
Колесо. Веретено).

Кириллические сметки —
Многословие чтеца.
Свистопляска, свистоплетка.
След на пальце от кольца.

Но трамваи стали звучней.
Без кондуктора, один.
За случайное созвучье
Мы свободу отдадим.

Вещи собрал за пятнадцать минут: айпад,
Что-то на первое время из шмоток ношенных.
И откуда узнал я: в деревне дома стоят
Брошены.

Родители сразу, конечно, пошли к ментам.
Днем из дома не выйдешь, чтоб мне
прокормить свою братию,
Приходилось ночами ходить
по колхозным полям
С металлоискателем.

И пока по ломбардам рассовывал, что нашел,
Брал коту молока, а собаку кормил пельменями.
Так бы длилось и дальше, но Печкин в «АЛЛО»
прочел
Объявление.

И пока я на дурке лечился от наркоты
(Потому что я справлюсь, сыночек
у мамы умница),
Кот Матроскин жил впроголодь так же,
как все коты,
Шарик с клипсою в ухе бродил
по холодным улицам.

* * *

Отдышался, потом навалилась тревога дня,
Словно в Москве, тысячу раз здесь мне,
Но радость, как девочка босоногая,
Помогала мне тысячу раз воскреснуть.

И в тысячепервый. Теперь проживу я сто
Солнечных лет и зим,
Но время сбивало меня хвостом
Всякий раз, когда шел за ним.

* * *

Памяти С.М.

Смерть сама по себе. Что июль ей,
что август — без отпуска.
И не то, что на юг, отсыпного — и то не дают.
Но зато, куда хочешь, проходишь без спросу
и пропуска
И везде тебе хлеба отрежут и водки нальют.

И не то, что бы рады, — привыкли
оказывать почести
Жгут дешевые свечи и тряпкою моют полы.
Но куда ни посмотришь — за нею
идет одиночество
Да забитые ставни и дома кривые углы.

* * *

Памяти Д.С.

Ситцевым временем не дорожи, изгой.
Междоусобица, осень, трамвай в отстой.

— Ну-ка, построились в очередь, — рев и рык.
Ради забавы Адаму размять язык.

В нерукописное время, в туман людской,
На «единице» от площади до Складской.

Все тебе впору, бессмертие, все как раз!
Выключи прошлое: кухня, угарный газ.

Вита ГУК

Хмельницький

Гук Віталія Олександрівна

Дата народження: 03.06.1990 р.

E-mail: vita_huk@mail.ru

Народилася в Україні, в м. Хмельницькому. В 2007 р. закінчила НВК №7 м. Хмельницького, в 2013 р. закінчила Хмельницький національний університет, факультет міжнародних відносин за спеціальністю «Міжнародні економічні відносини». Перекладач англійської мови.

А МУЗИКА БУЛА БЕЗДОГАННА

Стискав столітній диригент
Потерту паличку у пальцях,
Звучав в уяві інструмент,
І образ плив з світлин дзеркальця.

Вглядався в дзеркало німе
І щиро в вуса усміхався,
То, наче рідне, обійме,
Ім'я промовить вголос «Стася»...

То відкладе на тиждень-два
Й полине в спогади старечі,
Лиш день залишивсь до Різдва,
Лиш ніч залишилась до втечі.

Вогнями б'є концертна зала,
Талантам юним плеще люд,
Надмірна публіка жадала
Емоцій вир, натхнень салют.

— О, це божественно, — злітав
Покірний вигук корифея,
Коли тендітна сирота
Заграла партію Психеї.

Яка мелодія, кураж
Який здіймався з-під струн скрипачки,
Душевно чистий персонаж
Красу душі смичком оплаче.

І знов, не втративши іскру,
Вона розчиниться в оркестрі,
Де він її впізнає гру
І свій порив утопить в жесті.

Ще теплі літні вечори
Палким признанням доленосять,
І на гілках нічні хори
Балади виють стоголосям:

— Прощайте, діти голизни,
Нам не тікати, залишитися,
Крильми покрити ваші сни,
Війни страшної самовидців.

Гуляйте тут останній раз,
У тиші жевріння світанку
Цілуй її сумний анфас
І душу вилий до останку.

Стискає зовсім молодий
Дівчачі руки. Багровіє...
Чого ти, враже, забродив,
Немов безхатня повія?

Не спить малинівка в вітах,
Не сплять натовлені пташата,
Відважним серцем чує птах,
Як у вогні горить Хрещатик.

А діти сплять, і того свисту,
Що краєм котиться ген-ген,
Не вловить сонний слух артиста —
Дріма скрипачка й диригент...

Крихти долі розлетілись в дні стрімкої висі,
Наче місяць, потускнівши, кинувся у путь,
Як вас, люди, розуміти? Скажете: «Учися»,
А книжки у вашім домі пилом припадуть.

Сивий смуток, попіл тіла утікав з Помпеї,
Щоб ввійти до нас у двері, як найліпший друг,
Горизонт, колись верхистий,
порівнявсь з землею,
І яри, колись квітучі, поселили мух.

Потекли струмки червоні, напоївши смачно
Ненаситних плоскодумців, генеральських свит,
А життя ще сміє цвісти на щоках скрипачки,
І земля здається раєм, поки людство спить...

— Лийся, пісне, лийся, ясна, напувай сердечко
Одиноких, в цьому світі вже давно погіблх,
Хай їм більше не побачить рідного гніздечка,
Та й не бачити, як пилом те гніздо присипле.

Засинай без жалю, любий, засинай без смутку,
І у снах помчи у далі верхи на пегасі,
Принеси своїй коханій квітку незабудки,
Не забудь свою кохану, не залиш Настасю...

У якійсь цілій шпаринці, у якімсь куточку
Пригорнулась сиротинка до стрункого стану.
Нічия сестра, не дружка, нічия й не дочка,
І насправді невідомо, чи чиясь кохана.

В театрі гамір репетицій замінила тиша,
Порідішало артистів — всіх не пощадити,
Керівник чита повільно, що шарфюрер пише:
«... Поціновувач мистецтва і музичний критик

Генерал-фельдмаршал хоче вашого концерту,
Вже сьогодні десь о шостій, в вечір на суботу,
Вам же краще не дражнити *perfekt**
слух експерта,
Налаштуйте так, як треба, арфи і фаготи...»

Ох за що така їм честь? Розважати ворогів,
Тих, що душі потоптавши, пили за тирана.
Погляд юної скрипачки враз посоловів.
«Чи то зможуть грати руки, як вони в кайданах?»

— Друзі, — вскочив нетерпляче
молодий флейтист, —
Це наш шанс віддати шану тим, хто не злякався,
Не покажемо, що ворог нас до стін притис.
— Не посміємо піддатись! — вигукнула Стася.

Гомонів народ : «Не зрадить нам героїв пам'ять,
Не заграти на могилах вбивцям наших друзів»
В один голос ухвалили, грать вони не стануть,
Ліпше хай згниють, як інших тисячі в ярузі.

Закипали мертві душі, кидалися в п'яти,
Все чекали у мовчанні судної години.
— Наші руки неспроможні веселити ката,
Жодна нота не зірветься, жоден звук не злине.

Так сказали смілі діти маршалу в обличчя,
Та лиш регіт покотився в відповідь на те,
Роттенфюрер, влаштувавши в театрі перекличку,
«Зараз, — думав, — не оркестр буде —
ціле вар'єте».

— На руках у мене список,
список з прізвищ, себто...
Що я бачу в цьому списку? Бачу ось таке:
Двох дитяток: сина й доньку має гер директор,
Серце матері флейтиста — ох яке слабе.

Молода дружина, бачу, в скрипалю — красуня,
Фрау Ольга чорноока — ще й який трофей,
Та лиш якось забагато розпускає нюні,
Чим їй німець не сподобавсь? Німець — не євреї!

Хвилю відчаю ледь стримав, мусив підкориться
Той скрипаль, а що за доля була в скрипалю...
— Батько, мати в диригента, ще мала сестриця,
Ще мала, та певно ласки всякі полюбля.

Подивилася Настася в темно карі очі
Свого сокола, що крила за спиною склав.
— Ще противитись наказам є між вас охочі?
Так і думав, гайда грайте, годі цих вистав!

Нерішуче босоногі взяли інструменти,
Давши волю відчайдушню, випустивши гнів.
Що то були за пасажі, що то за дуети,
Від яких заляк фельдмаршал-генерал, спітнів.

Він сидів, закривши очі, борсався в екстазі,
Мимовільно підкорившись зовсім юним профі.
Щось подібне він вчував до війни у Празі
І, шепочучи, промовив: «Ce unübertroffen*».

Загарчали дикі струни, билась з грізним ревом
У руках якоїсь дівки безпощадна скрипка,
Вскочив маршал сам не свій,
«Зупинися, мерво», —
Закричав, що аж волосся в фріців стало дибки.

А вона різкої фальші додавала дужче,
Мов лавиною спустилась на свідомість вражу,
Розпашілась, затремтіла, голови деручи,
Так велично, так рішуче, як і легковажно.

«...Вільним птахом я покину
світ непримиренний,
Якщо в нім немає думки, іншої ніж кров,

Ти мене від себе, любий, більше не проженеш,
Я сама назавжди піду під нічний покров.

Що життя моє принесло в цю безкраю пустку,
Чи когось я напоїла чи сама спилась?
Ти мене із ополонки витяг за мотузку,
Залишивши побиватись, мов об лід карась.

Заблукавши раптом в лісі, між кущів акацій,
Подивись, як ніжно зорі огортають нас,
Чи нам треба, мій коханий, інших декорацій,
Чи потрібно нам ще більше золотих прикрас?...»

* *perfekt* (нім.) — бездоганний

* *unübertroffen* (нім.) — незрівнянно

Примарний спогад давнини
Тепер не рвав старече серце,
А час повільно полонив
Кохані очі — два озерця.

Вже не згада цей дідуган,
Як десь, стоячи на колінах,
Дівчаче тіло колихав
В епоху правлячих Берліну.

Та лиш в вухах його завжди
Стояти будуть крики «Досить!»
Промчала куля, звук затих,
Стікало тіло на підлозі.

Нервово сіпавсь генерал
Він все ніяк не міг оговтатсь,
При нім ніхто іще не грав
Такої явної гидоти.

І що там далі тих дверей
Було, хіба то вже важливо?
Що театр вивезли у Рейх,
На скудний крів і харч паршивий.

Що поки друзів кожен день,
На смерть війна, як мух, косила,
Припасти мріяв диригент
До найріднішої могили.

Минувся вік, минулись болі
У тишині мінорних терцій,
Артист потрохи збожеволів,
З старим говорячи люстерцем.

ЗА ЧАШЕЧКОЮ ЧАЯ

Якось за чашечкою чаю
Зібрались я, Ремарк, Жорж Санд.
Бальзак заходив, пам'ятаю,
В руці тримаючи фоліант.

Усе зачитувався, нотатки
Робив якісь на полі книги.
— Що він чита? — Не маю гадки, —
Сказав Ремарк, — якісь інтриги.

Дзвінок у двері, на поріг
Ступив в гарячці юний Гете.
— Мадам, ви тут, щасливий збіг,
А я гадав, ви не зайдете.

— Чудовий день, яка пора!
Ходімо краще на ротонду.
Ремарк в кадрилию програв,
Коли примчався з двору Лондон.

— Добридень вам, шановні гості,
Мадам, я радий бачить вас, —
Жорж Санд задихалась від млості:
— Ви той ще, Джеку, ловелас!

— Хіба ж тут можна бути інакшим,
Коли такий буває цвіт?
Бальзак від сміху аж закашлявся,
І Гете взявся за живіт.

— Я чув, признаюся, всіляке:
Що ви мастак утіх словесних,
Та я не знав, — Ремарк балакав, —
Що ви безсовісний підлесник.

— Коли слова красиві — гріх,
Тоді я грішний, так і знайте,
Хоч чисті наміри зберіг —
Це вам Дюма підтвердить, Вальтер.

— Як можна вірити цим денді?
— Та годі, вам би лиш насмішки!
— Ми вас втомили, мила леді,
Чому ваш погляд посмутнішав?

— Та, що вам, Лондоне, митцю,
Маестро виразів крилатих?
Все тут сиди, пиши, працюй,
Про що порадите писати?

Яких героїв жде читач,
Коли давно усі найкращі
З-під пер посходили? Хоч плач,
Складай папери в довгий ящик.

Хіба хтось міг так відчувать
Недосконалість цього світу,
Як ваш роздолений? Віват!
Нехай існує Мартін Іден.

А хто любить без протоколу
І за кохання те померти
Собі без сумніву дозволить,
Як не герой ваш, юний Вертер?

Якій іще земній істоті
Свою присвятите новелу,
Коли в красі й небесній цноті
Сіяє ваша Консуелло?

— Пишіть усе, що на душі!
— А що, як ти в душі простак?
— Ну, що ви, любонько, пишіть, —
Сказав упевнено Бальзак.

— Ну що ж «Гаї широкополі...»
— Та ні, ми чули це сто раз!
— «... в країні вічних меланхолій...»
— Ви нас уб'єте, віршомаз!

— Глядіть ми зараз навчимо вас,
Давай-но, Гете, починай
— Зірвалась мантия шовкова,
Згорав у полум'ї Синай.

— І в млі божественних ілюзій
Скитався образ безтілесний,
Що з уст поета звався муза, —
Французька встала поетеса.

— Подавши страдне слово спраглим,
Він кинувсь мучеником вниз,
І всі, хто в серці мав наснагу,
Знайшли у ньому парадиз.

— Полиньте, — крикнув образ мли, —
В світі свого зачарування,
Поет, трагедію хвали,
І в ній залишся упованим.

— У час, коли зійшов люпин, —
Закінчив Гете вже при вході, —
Свою кохану полюбив
В безмежній славі і свободі.

— Прощайте, друзі, час іти,
Безхмарні сутінки надходять,
Тримайтесь щирості дитинства,
І не скоряйтесь сліпо моді.

Прекрасні леді, пронесіть
Зорі тепло в тонких ручатах,
Не опустивши підборідь,
Не занедбавши розпочате.

Пішов Ремарк, і вже потрохи
Тутешні гості розбрелись
В свої трагедії, епохи.
Чи ще побачимось колись?

Навіщо нам, високим дітям,
Надмірні блага, пляшка, нікотин?
Чому в начитаному світі
Так часто треба здатися дурним?

Як кожне з тих маленьких рішень
Несе і покарання і клеймо?
Повчаючи, як жити іншим,
Самі як мало часом живемо.

І дикий сміх і вбивчі сльози —
Усе немов за правилами гри,
Та плач не знає смішної прози,
А сміх не терпить випланих рим.

Хай навіть кращі педагоги
Для пошуків небесної мети
Постелять, витопчуть дороги,
Та тим, хто в морі, їх перейти.

Як легко жити
Як легко жити нам
В відтінках кольорів,
Квітучу зелень
Бачити із вікон,
Віддатись снам,
Лиш вогник загорівсь,
Де хтось постелить,
Сплющити повіки.

Як легко жити нам
Під музику дощу,
Пісні співати,
Рвучи спритно горло,
І бути там,
Де хтось колись відчув,
Як їхня мати
Рідних, їх, пригорне.

Шуміли ясені
Під сонцем полудневим,
Стелились золотом
Запишені жита.
Якби не впасти нам,
Похитуючись ледве,
Не знати змолоту
Інакший бік життя.

Марина ГУРТОВАЯ

Харьков

Ця стрілянина жолудів по тімені.
Ця мішанина холодів по імені:
Осінь, осі-ни-нь, осін-ннь...
Зім'ята пустеля —
Льодяна постіль.
Пусту мене звітси,
Пусту назовсім.

Жовтіє листя,
Хиткі примари.
Омани — вісті,
Бридкі кошмари,
Це божевілля.
Щось не схоже
На біль по-імені:
Осінь-нь, осін-ннь.

Коли стріляє перехожий
Байдужим поглядом у душу, —
Відповісти йому я мушу
Вічною тишею, затишном мушлі.
Ця мішанина імен і часу.
Ця стрілянина очей та звісток.
Хворію заново, грішний первісток,
Хронічним подихом — коханням осіні.

Вітер дихає вільно,
Пахощі-трунки збирає.
Сум в пелюстки загортає,
Тож небезпека триває.

Хмари осінні — швидкі.
Хто той чабан, що їх підганяє?
Життя лишаючи мітки
Потроху линяє.
Кохання, штовхаючи в прірву,
Жене нескінченні хмарки.
Непевність, незрілість сумління
Палить свої цигарки.
Рясні, легковажні випадки
Марнують «Червоні кутки».
Вгамуюсь і я, безперечно.
Посмішка тут недоречно.
Коли закручуюсь в спокій,
У ковдру земного блаженства,
Тоді шовкопряд часоплину
Ховається надто глибоко.
Нитка моя — часоблуддя,
Мій захисний панцир.
Тягне ілюзій облуда
В темний огидний карцер.
Хмари осінні, швидкі.
Барви мінливі, шовкові нитки.
Бажано кожного впрясти
В серця блискучі думки.
Хмари осінні — швидкі.
Хто той чабан, що їх підганяє?
Життя, затираючи мітки,
Потроху минає.

Здригаються хмари з низин.
Зривається сонячний дощ.
Заплющені очі
Щекоче
Неспійманий вітер.
Шепоче душа у вуха
Нестримних подій.
Нервую помітно.
Гризу краєчок хустини
На шиї
І тішусь, що бачу,

Як позіхає старенька
В брудному вікні.
Колись рудий кіт червонів
Від ласки її та любові,
А зараз, мов
Вицвівший шовк
Лежить на її плечі.
Заплющені очі
Друкують всю ніч —
Кольоровим.
Не спійманий вітер
Не вміє читати
Її підсвідомі книжки.

Гарно як серпневе надвечір'я.
Марно як полатане ганчір'я.
Дивно як світ Божий на землі.
Сумно як прощання журавлі.

Прискорений ритм життя.
Пусті бензобаки.
Магнітні сирени.
Злий клоун у центрі арени,
У купі живого сміття.
Шал натовпу, галас світів:
Даровані квіти гниють після свята.
Не знайдені форми оплати,
Крізь пахощі гречки і м'яти —
Іржаві папери листів.
Жнива попередніх надій
З наступною радістю гинуть.
Не змушені звуки линути.
Цурок — очеретяний бій
Із вітром, щоб не ховався
У гриві болотяних мрій.
Там царство пташиної втіхи
І сила русалчиних дій, —
Там море підземнеє диха
Життям нездійснених подій.

Елена ДАНЧЕНКО

Зэйст, кор. Нидерланды

Елена Данченко (настоящее имя Елена Михайловна Плетнева), поэт. Член Союза писателей Москвы с февраля 1997 года.

Родилась в Кишинёве. Работала в редакциях газет, журналов, пресс-центре Министерства Сельского хозяйства России и в книжных издательствах: учётчиком писем, секретарём, внештатным корреспондентом, менеджером по книжной торговле.

С 2004 года живёт в Нидерландах, в городе Зэйсте. Автор 4 книг стихов (последняя книга, созданная в соавторстве с китайской поэтессой Мин Минг Ли, написана параллельными текстами: на нидерландском, китайском и русском языках. Издана в издательстве «Э.Ра» в 2012 году).

Автор стихотворных публикаций в 5 странах: Молдове, России, Беларуси, Нидерландах, Израиле, в том числе в газетах и журналах: «Молодежь Молдавии», «Сельская Молодёжь», «Модус Вивенди», «Москва», «Дружба Народов», «Новая Юность», «Смена», «День и Ночь», альманахах: «День поэзии» и «Год поэзии». Книги: «Стихи» (1995, издательство «Риф-Рой»), «Этот случай называется судьба» (1998, издательство «Русский двор», совместно с издательством «Э.Ра»), «Жаркий ливень» (2002, издательство «Грааль»), «Где бы ты ни был» (2012, издательство «Э.Ра»)

МОЛИТВА

Отодвинь темноту, отодвинь
синей шторкой ли, лампочкой, свечкой,
огонёк чей выпрастывал вечность
в виде рыбок глазастых янь-инь.
Чёрно-белых, не свет и не тьма...
Ну а если он в силах отринуть
темноту настоящую, вынуть
этот чёрный квадрат из ума?
Янь плюс инь — это птицы глубин
океанских, иль рыбки в полёте.
Отодвинь темноту, отодвинь,
чтоб они не погибли на взлёте.
Коль они в этой адской войне
так срослись плавниками упруго,
что — одним ограничились кругом
и премудрыми стали — вдвойне.
Боже праведный, им помоги,
чтоб они понимали друг друга,
чтобы их не захлёстывал туго

белый вой из гортани пурги.
Из серозной промозглости вынь
раму белую с чёрным квадратом.
Умоляю, не дай плагиату
разорвать круг из двух половин.
Отодвинь темноту, отодвинь,
прояви Божью суть и терпенье,
чтоб явилось и без промедленья
чудо света из двух половин!
...отодвинь темноту, отодвинь.

ДЕНЬ В ЯЛТЕ

На набережной пышной обезьяна
позирует вальяжно, без изъяна.
Плывут красотки в мини, макси, миди,
а в ресторации готовят плов из мидий.
По этой набережной я и ты когда-то,
голодные весёлые ребята,

в заштопанной джинсовке и босые,
от рюмки коньяка почти косые,
мы шли с тобою вместе, помнишь? — вместе.
Я не была ещё твоей невестой.
В тот год Высоцкий умер, вышел «Сталкер».
Столкнулись в море теплоход и танкер.
Какая-то эпоха начиналась.
какая-то заметно истончалась.
Крутилось солнце оголтелым диском,
был высокосным год и олимпийским.
Мы этого никак не замечали,
мы не существовали для печали,
утрат, политики, мы — исподволь судьбою
отмеченные: оба — два изгоя
из времени, и действия, и места.
Я не была ещё твоей невестой.
Светило солнце дерзновенно ярко.
Мы шли с тобой по Ялте, шли по Ялте...

ЛИАНОЗОВСКИЕ ПРУДЫ

Михаилу Штырёву

Под застройку закатаны насмерть пруды.
В летний зной они из-под земли проступают:
привидение свежеполитой гряды —
— Видишь, пар от земли? — над землею витает.
Тяжелы Лианозовским землям дома :
не вздохнуть в феврале, ни оттаять к апрелю;
из расщелин асфальта траву выдувать
все трудней, не справляются с прелью.
...вот на детском ведре красной бусиной жизнь
лакированной божьей коровки:
чем угодно клянись, как угодно божись,
что не будет здесь этих коробок!
— А коробки домов здесь стоят — навсегда?
— До поры, до скончания века,
моего и твоего, сын, и будет вода
проступать, как слеза из-под века.
— Высыпай свой песок, и пошли, брат, домой...
...видно, памяти старое русло
под дождём воскрешает горячий настой
разнотравья, густой, точно сусло.
И, как будто в пруду я барахтаюсь там,
где чешуйчатая кожа в царапинах ярких,
где на всех ещё хватит, с листвою пополам
наворованных яблок,
Где не нужно пока прорываться во сне,
в забытых, в прокаленное солнцем,
то пространство и время — ни капель —
коснись
тех прудов —
уже не уколется.

Н. Зайцевой

Спасаемся житейскими делами
от одиночества, от бед, от нищеты.
Спасаемся колами и дворами,
разбитыми корытами тщеты.
Расчётами, долгами, нервотрепкой.
(там, слава Богу, места нет любви,
предательствам, иль сплетням).
Лепкой, ковкой
Единственного дня. Держись, лови —
всё то, что Бог послал: краюху хлеба,
квитанцию за свет. Рассветное окно.
С растёртой синькой праздничного неба,
иль понедельничного — это всё одно.

«Мне опостытели слова, слова, слова...»

А.Тарковский

Мне опостытели людские костыли —
компьютеры, машины и ракеты...
Идут по улицам, в космической пыли
уже не люди — роботы планеты.

И думают они едва-едва,
что шаг их тем ужаснее, чем чётче.
И чем неоснащённей голова
у Бога в большем тем она почёте.

Когда нет места чувству, места нет
ни дружбе, ни любви, ни идеалу.
И непонятно, сколько тысяч лет
мы проползём к до-змеиному началу.

Все извиваются (так страшно мне порой...)
В норе змеиного шипят тысячелетья.
Что ж остаётся? — летнею порой
залечивать душевные увечья.

Скорей к воде! Она расскажет мне,
что идеала нет в земной природе.
Что каждый век — извне, извне, извне
подтачивал душевные уголья.

Беги к воде, она и примирит
и с мыслью и со словом дерзким, острым.
Нашепчет, напоёт, наговорит:
«ещё не поздно, никогда не поздно...»

Ф.

Через ночь тебе сниться война. Через ночь
протащить тебя надо, как через траншею.
Чёрный цвет, как со скрипом размотанный скотч,
незаметно и липко впивается в шею.

Размотать его, или разрезать и — сжечь!
Только так, чтобы скорбный огонь не маячил,
как скрижали (или как военный планшет);
хоть незрим наш Господь, но,

послушай, он зрячий!

И уж если такую судьбу начертал,
что померк бы от ужаса разум Хичкока,
твое ушлое прошлое нам — на черта?
Разве что, перечеркнув, оземь грохнуть!
Разве что, перебелив,...вот уж, нет:
из судьбы, как и з песни, не выкинешь слова.
Как не выкинешь неба, оно —

не партийный билет,

но в него заглянув, жив останешься снова.
Небу надо помочь. Небу и помощи!
Сам с собою простишься, расквитаешься со мглою,
изживая до смерти любые долги,
через боль, через плач, продираясь со мною.

Сброшенные тобой вещи
продолжают жить твоей жизнью.
Они хранят очертания тела, жесты и даже
образ твоих мыслей.

Оставленная тобой комната
помнит каждый миг твоего присутствия
и воспроизводит тебя в разных точках
времени и пространства.

Ожидающая тебя женщина
уже не просто женщина,
а часть твоей жизни.
Она меняет привычки, жесты, черты лица, кожу,
даже состав крови.
Но она не вещь и не комната.
Она человек.
она и есть жизнь, с тобою вдвоем.
А жизнь всегда одна.
пусть даже в одном воплощении.

Что ты делаешь, милый, постой,
воскрешая хаос первобытный,
серый, мятый, аморфный простой,
будто жизни всеобщей — в избытке.
Будто время ещё у нас есть
разобраться с собою и с веком...
Пред дорогою можно присесть.
Хоть со мною побудь человеком!
Челом века, челом на века,
а не только на самую малость...
Мне глаголят уже облака,
чтобы я на чуть-чуть задержалась.
...Что я делаю, милый, постой,
что ты делаешь, милый, опомнись,

не толкай меня в столб соляной,
если помнишь содомскую повесть.

У тебя нет прошлого ничуть,
у меня нет будущего, милый,
если ты из дьявольских причуд
сам соорудишь любви — могилу.
Не транжирь меня, не суесловь,
не играй ни жизнью, ни любовью.
Вот увидишь, возвратится вновь
свет в ночи, таинственный и ровный.

Я боюсь наслоений, боюсь
искажения Божьего чуда.
Слепоглухонемое покуда,
оно льется, как я разольюсь
в мироздании светлым потоком,
чистым горным ручьем, из-под ног
утекающим медленным током
на немой от восторга, Восток.

Кора деревьев крутобока
и окает, как гласный звук,
когда, пытаясь из-под рук
удрать, прищёптывает: «С Богом».
Она уже белым-бела,
как белый цокот под ногами,
как белый символ, что веками
не помнит ни добра, ни зла.

Мне снилось обручальное кольцо.
Твоё, до ужаса спокойное лицо.
Срез срубленного дерева в слезах.
И ландыши, ненужные глазам.
И лица женщин, брошенных тобой,
оплаканных до самой первой — мной.
И в нищенских дырявых облаках
пустое небо, как пустые «ох» и «ах».
Во сне мне снилась собственная смерть:
мне некого любить, прощая по весне.

Екатерина ДЕРИШЕВА

Запорожье

Пишет более пяти лет. Увлекается литературой, журналистикой, дизайном. В творчестве, прежде всего, ценит процесс написания и возможность отыскать в повседневном что-то новое, взглянуть на вещь с другой стороны.

но я ухожу
оттолкнув капилляры-двери!
И снова выдох-вдох
тыдых
тыды
тыд
ты
т

СЕРДЦЕ ГОРОДА

Метро
пульсирует
в ритме
моего
сердца:
тыдых
тыдых
тыдых
сосуды эскалаторы —
артерии
наполняются
людьми
и снова
выдох-вдох
тыдых
тыдых
тыдых

Пассажиры
птицами
разлетаются
по вагонам
Я поднимаюсь вверх
и читаю по губам
Метро: не ухо-ди-и...
эс тэ о-о й — стой!
в этот момент
его сердце
сумасшедше
волнуется:
тыдых
тыдых
тыдых...

Бессмыслица!
Бес смысл лица
прохожих
пресным
проливным
дождем.
Мы постоим-подождем
когда небо вновь расхохочется
и согреет озорным лучом...

Капли дождя стекают по стеклам —
выливаются в птицы-строки.
Тебе кажется, что капли похожи на лам,
а я... отчетливо вижу — «ОТРОКИ».

«Все мы отроки неба»
— думаю я и спрашиваю: «был ли в Крыму зимой
Или не был?»
Ты мотаешь головой, мол, «нет»
Я в очередной раз повторяю - «ясно»
И достаю несколько монет,
Вглядываясь — «орел или решка»?
— Р е ш к а!

Я стою под дождем.
Капли стекают
На губы
Грудь
Плечи
Я кричу — «не молчи»,
и тут же теряю дар речи...

Людмила ЕЛИСЕЕВА

Харьков

Пушай по страстям и мукам
прозрение к ней взойдёт —
дыханьем и мыслью внуков
откроется Новый год!

ЕЛЬ

Забрела в уснувший город
Сонная метель,
Хрусталём, что был ей дорог,
Приукрасив ель.

Серебрист в кольце метели
Голубой наряд? —
Не теплее стал у ели
От мороза взгляд:

Растопырила иголки,
Хохлится... Со мной
Так случилось, если колким
Был любимый мой.

Ягода шиповника на кусте
На колючей выросла высоте.
На судьбе-колючине — не достать —
Отзимует яркая красота.

Украшает ягоду зрелый снег.
Ты со мною ласковый лишь во сне.
Но недаром в ягоде цвет-рубин —
У любви загадочной он один.

Первый снег первый раз не обрадовал.
Не обрадовал. Первый раз.
И не надо мне больше заглядывать
В глубину почужевших глаз.

В них сердечное не утешится.
А душа — из снегов да в зной.
...Тает снег, унося с поспешностью
Неслучившееся со мной.

ПАЛИТРА ЗИМЫ

ЗИМНИЙ КЛЁН

Снег вихрился в пляске ветра,
Веселился, словно зверь.
Забывал по щелям... ретро,
Хулигански рвался в дверь.

В бок толкала ночь-гуляка,
Уводила, сводня, сон.
...О прошедшем дряхло плакал
В эту ночь скрипящий клён.

К СОЧЕЛЬНИКУ

Сочится душа по капле —
торит возрожденья след.
И нет в нём грехов, спектаклей,
искусственной жизни нет.

Очищенной во спасенье
по весям и городам
найдёт душа воскресенье —
не зря Он себя отдал!

ЭТО ВРЕМЯ НАРЯД СМЕНИЛО

Не зима ещё, просто снег
Закружил в лепестковом вальсе.
Сердце радуется санный бег,
Серебро летящих овалов.
На владениях белых гирлянд
Нежно солнечный жар искрится.
Тихо прячется за ресницы
Мной любимый тревожный взгляд.

Ты пойми: ещё не зима! —
Это время наряд сменило.
Что казалось тебе немилым, —
Унесёт снегов кутерьма.
Вспыхнут новые лепестки
У сверкающей льдом природы.
И касанье твоей руки
Тронет сердце.
Так с Новым годом!
А пока ещё не зима...

ТОНКОПРЯХА

Занавесит снегами мои зеркала —
Сяду в кресло, послушаю вьюгу.
Я тобою давно завершаю дела,
От которых головушка кругом.

А метель-тонкопряха сыплет блёсток в узор, —
И в искристых рубахах сад и тихий наш двор.
Мы с тобой неделимы, но порой не унять
Впечатления: милый — у чужого огня!

Не унять мне тревог о тебе, дорогой,
Зажигаю свечу скорой встречи...
Ты же будто влеком... несравненной другой.
Наш с тобою несбыточен вечер.

А метель-тонкопряха сыплет блёсток в узор, —
И в искристых рубахах сад и тихий наш двор.
Мы с тобой неделимы, но порой не унять
Впечатления: милый — у чужого огня!

А свеча догорает без тресков. Держу
Книгу на непрочтённой странице.
И о том, что приснилось, — тебе не скажу:
За окном без причин вьюга злится!

А метель-тонкопряха сыплет блёсток в узор, —
И в искристых рубахах сад и тихий наш двор.
Мы с тобой неделимы, но порой не унять
Впечатления: милый — у чужого огня!

MON AMI

Что свирепеешь ты, февраль?
В метельную врываясь фугу,
Спираль разомкнутого круга
Весеннюю пророчит даль,
Когда в черешневых снегах
Земля восторженной невестой
Сорваться ввысь готова с места,
Соединяя берега!
Постой, уймись: гудит камин.
Фантазий вьюги вздорны ноты.
А в сердце с грустью отчего-то
Звучит признание: «Mon Ami»...

Непорочно камина тепло, mon ami.
В нём горит уникальность древесных структур.
Характерность рисунка, сливаясь с огнём,
отражения прячет в дымке голубом,

осветлённо взлетая в небесный ландшафт —
все туда в изумление конечном спешат!
Без притворства стихия морозит и жжёт,
рассекая условные пути ножом!

Так естественен в ульях насыщенный мёд.
Без коварства его отберёт пчеловод...
Речь моя не об этом: пока мы живём, —
пусть камин любви полыхает огнём!

Разложу пелену для январского снега,
для младенца, что смело открыл Новый год:
он взвихрился в кипении резвящего бега,
и отрадой весны задышал мой офорт.
Первый день января снегирём постучится
в ледяное, но ждущее счастья окно.
Зарумянившись, солнце рисует страницу,
на которой прикрыто, что случилось давно.
Для тебя там — любовь, а весна — для дочурки,
где и ландышу срок, где и кашка цветёт...
Изумляется снег, создавая фигурки,
проводя уставший в событиях год.

ВЬЮЖНОЕ

Об изменчивой удаче
И о радостях твоих
То ль поёт она, то ль плачет,
То ль роняет снежный стих...

В песне вьюги — звуки-маги
Заглушаются. А кот
На коленях спит, бродяга,
Отдыхает от хлопот.

ПЕЙЗАЖИ ЗИМНЕГО СТЕКЛА

Мелодией вьюг искрится,
Настоянным жжёт вином,
Глядит не княжной — царицей! —
Зима за моим окном.
Изящно вплетая чувства
В балет ледяных цветков,
Незримо красит, искусно
Покров дорогих ковров.
Неважно ей, что растают
Меха — отомрут снега:
Рисует лебяжью стаю
В весенних разлей-лугах.
На травах — росинки искры,
Возлюбленных терема...
Из летних фантазий чистых
Картины куёт зима.
Украсила стёкла пышно
Мечтательным хрусталём.
...Так вышло, милый, так вышло:
О мае мы — февралём.

В Одессе странная зима:
Безбрежным ведаёт простором,
Земля и воды на котором —
Среда вселенского ума.
А в переулочках кривых
Морские ветры растерялись
И, властвуя в незримой дали,
В далёких числятся живых...
Между высотками застряв,
Рванули в сторону другую,
И в споре, кто главнее, дуют,
Чужих не соблюдая прав.
А волны массой тёмно-серой,
Насупив возбуждённый взор,
В тех и других утратив веру,
Всё ж... отрицают давний спор.
Исполнены глубинной тайны,
Покорны выдумкам Луны,
Её команды «Вира!», «Майна!»
Закладывают в коды-сны.
И в асва-парке — самолет
Спит одиноко и устало,
Что мне отец, «принцессе» малой,
Дарил когда-то в Новый год.
Задумчив дедов клавишин:
Не согревают пальцы клавиш.
Звучать их думы не заставишь,
Сколь бы усердно ни просил.
...В Одессе чудная зима!

Андрей КОСТИНСКИЙ

Харьков

Ч Е К А

Снегр — смешенье смеха неба
и замешкавшегося ноября.
Неездабельная не по годам погода,
погода себя, стоит.
Огусеничивающимися передвижениями,
будто по сто и —
в путь! — пьют уходящиеся дни мои
под солнечногаснущим бра.

А бра — када бра, а када — не бра.
Охмелье невздрёмное веночером равно уднютру,
потому что леНОЧЬю жаВОРОНОк
решает — брать
или не брать отжвачивающиеся сны мои
в бекорневую юрту

(примечаю: две приставки — НЕ, БЕС; НАЯ
юрта — просто НА «Я»
предоканчивается, на моё
среднеродовое «я», ничтожа).
И шепшет ВселенНОЧЬ:
«Усеки анапест до зачина ямб-
звучащего: «смешЕнье смЕха нЕба
И замЕшкавшЕгосЯ нояБря» множить

разверзшегося зверя из развёрнутого полотнища,
на котором распятая степь степлилась.
И стекло под него ли
то, что выплакала выпь, что алкала земля
на заре Назарета дóночью?»
Тьма вольна, накрывая волново,
а свет произсветающему — подневолен.

Из Ч Е л о в е К А
выдернута Ч Е К А,
и он снова на лове.
Обрывается жизнь-строка
на полуслове.

Иными ными полыхает небо на за-вос-паде-токе.
Сад, расплетаясь и разрастаясь,
заблудился сам в себе.
Сердце каждого цветка бьётся
за всю жизнь однажды только.
А сколько раз преломлялся на вечере
один и тот же хлебец?
Предрассветные сумерки... Молоко,
доливаемое в ЧЁРНОЕ кофе.
В ЧЁРНОЕ — настроение
ночезаваренного чёрного кофе. Пей!
Пей же так, словно ты возвращаешься
из Далековья
и видишь Родину-без-тебя
внутрикаменности черней.

Сегодня коса горизонта отбита
моим безсновьем настолько остро,
что перерезала за полумиг луч-канат,
удерживющий солнце-шар.
Моя земля плывёт — оттолкнувшийся
от материка остров.
Боже, вслепую в барабане лото только её нашарь!

Все наши горести в горсти одной собери,
из горсти другой — наши души радостями засеи.
Помнишь, Ты нам творил — алмаз,
малахит, берилл,
кроша кометы, словно сухарики для голубей.
А когда, перевязав небо жгутом Млечного пути,
работал солнцем-кулаком —
набухали вены Твоих снов. Я в них
попадал, почти не целясь, иглою
моих вырвавшихся на свободу явей —
да так легко,
что растворялся в, казалось, Тебе.
И уже я не был собою.

Один. Одичал. Динго-собакою вою,
в просаке застряв,
когда моя же судьба прялась и свёрстывалась.
Я лежал без сочувств среди поля,
среди допоясных трав.
А за ramenем от хворей готовилось
ложе хворостное.

С, и з — о к р ы л и в душу мою, ангел нáбольший
доставлял её из одного конца
бесконечности в другую,

где в двухсветных комнатах меня
допрашивали набожно:
«В какое из окон свет проникает раньше,
а в какое — вскуе?»
Почивали немые стожары
над немymi остожьями.
Тишина к тишине жалась так, что крик —
не просочится.
И шаги по воде — смешно так, плюсной,
осторожно —
чтобы не разбудить тех, кто к бликам
отсветов причислен.

ЭС НЕ Гэ, И НЕ Ё, Гэ НЕ Вэ, НЕ НЕ Цэ, АГ НЕ Цэ,
ЛАЙ НЕ эР, Жэ НЕ Цэ.

«Не» не значит, что так оно и есть.
Солнце в небе на полной луне женится.
Снег, иней, гнев, ненец, ангел, лайнер...
Не перечесать.

Я ставлю по очереди — то на ЧЁРНОЕ кофе,
то на КРАСНОЕ чая —
красное море от окунаемого
пакетика солнца закатного.
Сюда не доходят суда — дальше Причала Печали,
дойдя до которого — ничего уже не загадывать!
Корень укóрен, заякорен.
Дебри древа добра ли, зла ли.
За-а/я-кали больше, чем просто заякали
путеводящие звёзды. Знание. Звание. Злание.

Звёзды на небе хаотично разбросаны разве?
Представить чёрную школьную доску,
на которой мелом
написан стих, или решение задачи,
или про разве-
дчика Зорге тема сочинения. В общем и целом —
представить. И стереть так,
чтобы оставить только верхушки
и низинки букв — останутся беспорядочно
разбросанные точки.
Так и со звёздами. А изъятые недослова,
словно чушки,
переплавлены в горниле горла произнесения
нам наскрижаленых строчек.
На цы по ЧКах. По узкоколенкам гор,
дрожащих, как студень на разное,
уходил в запрещение речев очнь утор.
Откисала монета луны в купоросе.

Пробивалась, казалось мне, первая мысль.
Но была эта мысль о себе самой.
И она рифмовалась со словом подкопным
«мышь».

После «мы» — с, л, ь,
С Л Ы [І] Ш Ъ... «Слышшшшшшшшшшш?..»

Это невероятно шепшет,

перекрикивая погромкость огромного грома,
древо позлания, послания голосом неокрепшим:

«Беги из Рая! Его взяли в аренду
до пришествия второго.

И кто останется в нём, тот не дальше себя пойдёт.
Врата открываются раз в году
не только для входа.
Времени — нет! Оно не вспятно и не идёт вперёд!
В скорлупе вечности миг самообратен году.

Рай и Ад — оба нынче не те, что были.
И не те, что были бы по окончанию
Договора пользования.
Рай взяли в аренду, чтобы, когда тебя убили бы,
насадить здесь новые лозы звания».

Я так устал от своего непрекращающегося бреда!
Пишу в тетрадке, развернув её на 90, по ширине.
Пререкаемые ручки, вливаясь в неё, следом
себя истекают, и перед БО
исчезает приставочно НЕ.

Предрассветные сумерки...
 Молоко, долитое в ЧЁРНОЕ кофе.
 Полукруг совершив, солнце
 заваривает КРАСНОЕ моря.
 И заваливается на бок переполненное горе,
 и бегут из него подопытные крысы
 в Издалековье.

Снег и гРУСТЬ. И немислимые возвраты
непринятых на южение гусе-ли-лебедей.
Закрываются наглухо тишиновствующие враты.
Из человека выдернута чека.
Он снова на лове памяти своей.

Солнце всё же взошло. На востоке.
На западе — село.
День отмечен в истории, перечёр(к)нут
в календаре.
Сны мои непрожитые яви снова заселят.
Просыпаясь, живу. Месяц — май. Время — утро.
Имя — Андрей.

Михаил КРАСИКОВ

Харьков

Уже и не вспомнить, кого раздавил этот монстр...
Здесь пала не Троя, а третьестепенный домишко.
был взорван — в минувшее мост,
понтовому городу нужный, конечно, не слишком.
Да-да, не барокко, не готика, и не ампир,
не гений ваял эти изыски русских провинций,
и все-таки — грации праздник, гармонии пир,
о, где вы?! — какие подскажут провидцы?
Уже и не вспомнить... Да где уже нам вспоминать
в забеге, замоте и задури ежеминутной?
Мы в совершенстве познали искусство НЕ знать,
науку бездумья и этику совести мутной.

Как много у нас
общих знакомых...
Ну, например, Бог,
ну, например, Смерть...

листвы
осенней
палимпсест
листаю
ласково
ногами

Что помнит старый двор,
что шепчет эта липа,
чьи голоса звучат в прозрачной тишине?
Любой чужой здесь — вор,
и грех не стырить лихо
тень Прошлого, мелькнувшую в окне.

И я краду, краду смятенный дух столетий,
не нужный никому из нынешних жильцов,
владеющих искусством междометий
да «мэ» квадратными — наследием отцов.

*Профессор американского университета Корнелл
Ричард Джонсон разработал
статистически обоснованную методику различения
подлинных и поддельных
живописных работ. Джонсон
и его группа математиков верифицировали
свою разработку на сопоставлении 101 полотна,
одна часть из которых была написана
самим Ван Гогом, а вторая — копиистами.
Исследователи рассчитывают показать, является
ли подлинником т ттнатюрморт «Пятнадцать
подсолнухов в вазе», купленный в 1987 году за 39,9
миллиона долларов
японским коллекционером Ясуо Гото.
Из газет*

Профессор, снимите очки-велосипед!
Послушайте, что скажет ж и в о й Винсент.

– Мне дела нет до цифири вашей, —
паучьих формул, мышиных схем.
Ну что с того, что некий папаша
вместо подсолнухов получит хер?

Не ради вас, толстосумов бритых,
не ради вас, учёных зануд,
а ради солнца счастливых бликов
я совершал свой б е с-ц е н н ы й труд!

ГЕРМАНУ ТИТОВУ

*... Именно в Харькове, на Холодной горе,
распяли Христа...
Вагрич Бахчанян*

На Холодной горе, где распяли Христа,
пацанва пинает мячи,
и пьянчуги кочуют, и в небо простак
пялит зенки
порой и молчит.

Ни архангельских труб, ни «глагола времен» —
только шарканье-шамканье шин...
И «запаскою» катится за окоем
золотое свечение души.

24.1.14

Виталий КУЗНЕЦОВ

Новочеркасск, Россия

ОСЕННИЙ РАССВЕТ

Жизнь опять показалась славной.
И виной — золотая заря,
Невесомой воздушной лавой
Затопившая тьму ноября!

Так светло, что вопрос мой главный:
«Ты живёшь в этом мире не зря?»
Превратился в пустяк забавный,
Лишь о суетности говоря.

И я верю — такие зори
Предвещают мой личный рассвет.
Буду счастлив я вскоре. Вскоре!
И предела для радости нет!

ЗАМЕНИЛИ ЛЮБОВЬ НА РАЗЛУКУ...

Заменяли любовь на разлуку.
«Так спокойнее», — нам показалось.
Разошлись, но себя, оказалось,
Обрекли мы на вечную муку.

Верю я, что при слове «Любимый»
Не его, а меня представляешь.
И мучительно ты понимаешь,
Что прошло что-то важное мимо.

Знаю я, что при слове «Родная»
Не её, а тебя вспоминаю.
И из памяти долгой со дна я
Сокровенное ввысь поднимаю.

ПРОЩАНИЕ С СУХУМОМ

Ну прощай же, Сухум! Рябь морская дрожит.
И отводят глаза мертвецы-этажи.

Этажи-миражи. Окон горестный ряд.
След оставил шальной сумасшедший снаряд.

Но какой же снаряд след оставил уже
На бессмертной моей заплутавшей душе?!

Я приехал сюда: чувства мёртвы, сух ум.
И просил: «Исцели, дай надежду, Сухум!»

О, Сухум, дорог мне твой чумазый песок.
Отогрел он меня, и я прежним стать смог.

Чуя ветер морской, чуть ровнее дыша,
Воскресала душа, расцветала душа.

Но я понял, что мне не вернуться сюда.
В никакие года, никогда, никогда.

Ведь не сможет вместить даже целая жизнь
Всех домов этажи, всех песков миражи.

Лариса ЛОСЬ

Одесса

НА ТОНКОМ КАСТАЛИЙСКОМ ЛЬДУ

Давай помолимся не за себя,
Не за себя у неба спросим —
За флажолеты соловья,
Что провожает в зиму осень.
Молитва послана.
Я жду.
Без страха,
Как освобожденье,
Подставив холодному дождю
Горячий лоб
От наважденья.
Жизнь сломана.
Часы идут.
Живая птаха
Льёт прозреньё,
На тонком касталийском** льду
Рассыпан
Бисер вдохновения —
Песочный пряник на меду, —
Глазурь и Дух проникновения...

Пошли, мой Бог,
Весны!
Средь осени! В его саду!
А мне — от игр отдохновения!

Моргана* сослана.
В аду.
И шаг — до краха.
Откровение.
Орфей, дай руку. Я иду.
Взойду, как песнь поминовения.

**Моргана — фея, мать всех фей*

***Касталия — страна игр (Игра в бисер.
Герман Гессе.)*

И ВЕЗЕНЬЕ, И СЧАСТЬЕ, — В ОБНИМКУ С ПЕЧАЛЬЮ...

Привередливо время над веером снов...
Живописец прощально лессирует дали,
Припавшая по капле печали вино,
И пульсаром вращает сердечко мандалы...
Поскользнулась на боли...
Очнулась, —
Жива!
С удивлением смотришь на шрамы от кисти:
Эпилог?
Или —
Первая это глава —
Где молитвенный шёпот любви —
бескорыстен?
Поверяя себя силой Скарлетт и Фай,
Между Фата-Морганы и храброй Алисой,
Воскресаешь от шёпота: —
«не угасай!»
Растревоженным пульсом биения мысли:
Радость жизни Матисса — простая, как хлеб.
И везенье, и счастье, —
в обнимку с печалью,
Возвращаются вместе напомнить тебе, -
Начинается завтра, —
как жизни начало.

КУЧЕРЯВАЯ ЖИЗНЬ...

Не вернётся уж юность.
А — в жизни иной?
Эй, иная, ты — где?
Ты — в обнимку со мною?
Еженощно со мной —
как к себе ты домой —
В царство вечных улыбок на стенах в левкоях.
Никогда-никогда там не умер никто.
Навсегда-навсегда — мама, папа и лето.
Кучерявая жизнь...
Календарный листок
Крепко держит свой гвоздь
под семейным портретом...

Алексей МАЛЕЕВ

Харьков

МАРИНА

Чтоб полюбить лето
нужно родиться в сентябре,
сбросить вето,
устроить сыну дом на фонаре.

Впускать стихи,
не выплетая мистерий
конфетно-ёлочной фольги —
сидя на веранде кафетерия.

Играть на рояле,
забыв непослушность нот.
В клавишной эмали
звук: нечет. или взлёт.

Полутьме ночника,
в сероклеточном платье
сохраня сон мирка,
выпеть-вычудить слова-заклятья.

Тогда лето вернётся,
прищурится тарусскими июнями...
проснёшься
а оно останется, котами-баюнами...

МЕДЬ

Отзвенела, озеленилась медь.
Охватила меня — муху
смола бытия — золотистая твердь —
не вытянешь руку.

Свобода идти — куда поводишь,
мудрый и дошлый.
не объяснишь: нужен пустырь,
в саду вашем тошно.

Не дай только тот, кто всем подаёт
обратно в рутину.
Не заворачивай в переплёт.
не ставь в паутину.

Моя душа забыта на земле:
«заботливо» укрыта слоем пыли
томила в долго скуке-кабале.
Со сложенными крыльями — смирилась.

Лежала, как опавший тусклый лист,
прихваченный морозом, на асфальте...
День был угрюм и беспросветно мглист,
ночь закрывала полами халата.

Но что-то изменилось. Резко! Вдруг!
Ударил ветер, размыкая двери —
он был отчаян, молод и упруг,
он отметал всю пафосность материй.

Моя душа... не верит в миражи,
успев узнать паденья и досаду.
Полсветной, мягкой тенью дорожит.
Молчит, крича. Наверное, так и надо...

Кружка. Чайники
в кипяточном танце
(романсами Глиники),
забыли
о том, что реки пространства
возможно, уже остыли...

путь млечный
потёк молоком и мёдом
и стал конечным.
Летя в Орион
назвался свободой
и где теперь он?

Жизнь в этом моменте —
ни взять, ни отдать.
на память: от смерти,
в серотипичном конверте
большая печать:
МНЕ НЕ ВЕРЬТЕ!

СЕРАЯ

Серым, бесфамильно-именным,
без привычнословья приняла,
из пламён писала: «жди меня»,
выжигая ящички стола.

Но не пряталась в извилинах:
миг магнитила на стримерах,
сохраняя то, что вымерло
в неподвижность кремня и стекла.

На дорогу чай полинила,
оставляла в вазах примулы...
Обернулась в свете ирия
и закрыться тенью не смогла.

ТАЛАНТ

Режущий взблеск. Раскроен темносвод.
Искрой — на обесвеченные пальцы,
под венную кайму, в цветок запястья,
сжигая холода осенних вод —
звезда.

Грохочет кровь, бьёт кузницей в ушах,
расходуя надежду сохраниться
в прерывистый узор стихов и саг.
Горит. Сгорая, памятью полни'тся
в углах.

На тёплый пепел прянут мотыльки,
и жизнеописанья однодневок
с торжественностью опоздавшей веры
привычно перепишут потолки.
как сме'ло!...

Цыганка, скажи, был счастливым ли я,
скользни в тёмных струях давно-бытия,
по линиям тонким ладоней.
Они извиваются, словно змея,
шипят и кусают — лишь тронь их —

утонешь в глазах тусклоцветных болот,
под гладью смирённых сознанием вод
и станешь травой-кувшинкой.
Увянешь, родишься, вцепившись во свод,
судьбы баламутя картинку.

Не бойся сквозного колодца-кольца:
тебе своего не запомнить лица —
разбившись в чужих подсознаниях.
Твою васильковую делят в венцах
и ставят на пьяных желаньях.

Марина МАТВЕЕВА

Симферополь

КАМЕННАЯ ПОЭМА

1.

Чароит, прижавшийся к агату,
Друза аметиста... Дом богат.
Камни не укладывают в вату,
Хоть они и бьются невпопад

И, в отличие от стекла, не к счастью,
А от страха — он тяжеле гирь, —
Что собравший их геолог Вася
Выменял две яшмы на пузырь,

А потом куском обсидиана
В кильку открывалку забивал.
(Как дрожал — о, спрятаться под ванну! —
В это время хрупенький опал,

Знает только бирюза-соседка).
Только у бедняжки свой невроз:
Скоро из нее висюльку Светке
Выточат, чтоб не пускала слез,

Что у старшей, Катки, из нефрита
Бусы (и поныне тот нефрит,
Быть мечтая чем-то ядовитым,
тихо ювелиров материт)

... Эти внучки... Было бы два внука —
В руки молоток — и на Урал!
Или по гортань засунуть руку
В сталагмитный карстовый оскал

Крыма!.. Чур! Сегодня только килька,
Да девчонкам по куску халвы.
Камни не скульптуры, их в опилках
Нежить не положено, увы.

2.

«Камень — он живой. Ему шлифовка
И оправа — что индейцу фрак.
Как бы ни вытачивали ловко,
Он уже такой, как должно», — так

Думал Вася некогда. А ныне
«Ну и ладно» — выбросил, как флаг.
Жизнь на то и есть — смирять гордыню,
На нее напавшая фрак.

Пережевывание страданий
Не мешает этому никак:
Продавать кристаллы для гаданий,
Амулетить чей-то Зодиак,

Залезая всею головою
В мракобесья голубую муть,
От чьего гниющего привоя
Поспешила соки отвернуть

Истинная магия. Узнай-ка
Тайны камня — только свиток чист.
Вам ни Медные Горы Хозяйка,
Ни супруг Их — Черный Альпинист,

Не раскроют древних фолиантов,
Без прочтения хоть одной главы
Коиx всякий горе-талисман — то
Просто украшение, увы.

Вася знал. Но некая усталость
Не давала помнить обо всем.
И решались с помощью кристаллов
Судьбы целых суеверных сел,

Да и городов. Пеклись, как сайки,
Предсказания денег и любви.
Кто и слышал тихий смех Хозяйки,
Принимал неслышащего вид.

А Она дописывала главы
Дневника, что испокон вела.
И чернилами была ей лава,
И бумагой лава ей была,

Что уже застыть успела. Цверги
Ей ковали перья в горнах гор.
И сбегались капельки энергий
В каждой строчке, будто приговор:

3.

«...На агате — карта океана
С полосатой разностью глубин...
Женщины! Возьмите бриллианты,
Но агат не троньте! Он один

Говорит на языке беззвучной
Древности, когда еще язык
Знали только грозовые тучи,
А земля учила лишь азы,

Да и те — с трудом: взрывая недра,
Развергая тело на куски.
В сотни градусов кипели нервы-
Реки, иссыхая от тоски

Бессловесности. Творцу протеста
Выразить творенье не могло.
...И текло, текло живое тесто,
И живое, будто кровь, текло...

Не могло кричать, сопротивляться,
Как лепили, так ему и быть.
Но, застыв, всю искренность упрямства
Выразили каменные лбы.

А под веками суровой глины
Прятались в гордыне от Творца
Серые с оттенком nocturne-синим,
С поволокой бледною — глаза...

А потом их люди вынимали,
Отделяя кожу — мол, не то.
Яблоки агатовых миндалин
Разбивал нетрезвый молоток.

А внутри — хрусталинки... Хрусталик
Этот впечатлел такое дно
И такое небо, что едва ли
Нашему подобное дано.

До чего и не доспится даже
Та, кому на восемнадцать лет
Дарен был прикупленный в «Пассаже»
«вроде бы агатовый» браслет».

20 – 50

(мини-поэма)

20

Мир мой — мулета. Как моря рассветного
взволн пред глазами!

(Что там за нею за вошь несусветная?..)

...Жарко лобзанье
глаза и красного, сердца — и — красного!
Лучшего цвета!

(Что ты мелькаешь, мелкашка бликастая
там, за мулетой?
Вот надоеда! Что солнцем от зеркальца...)

Солнце — не пара
зеркалу!
Мир мой — без меры! Не смеркнется
и под ударом...

25

шпаги???

Ты это о жалъце комарием?
И не задето!

Мир мой — о, море! о, красное марево!..
...лучшего...
...цвета...

30

Знаешь, козявка, мне зря не заметились
прыги и блики
мертвенной белости, слепотной бельмности
меж перекликов
красок экстаза...

...Блошиною малостью,
каплею дегтя
с ложки повисло — и... будто сломалось все
слоинкой ногтя...

Что ты такое? Личиночка шашеля
в храме Кижинском?..

...Мир этот — мой ли? Миры эти — наши ли?
Жизнь — это жизнь? Как
солнце встает — я не помню. А луны как
дышат — не вижу...

Что ты такое? Исследовать лупою...
Ну-ка, поближе!

Что? Ты вертело всем миром и ты ж его
отняло? Полно!

35

...сыплется прах из простеночков кижьего
храма на пол, на

40

веру в прекрасное! (...красное, красное...
значит, за этим —
бледное, мелкое, очень опасное...)

Сдуй его, ветер!

Дай мне забыть непотребное, жалкое,
слабое, злое
знание: все, что суть яркое, жаркое —
станет золою...

45

Нет, не любое! Бывает и некое
пламя — без тлена!
Ведь ощущается даже калекою
целость Вселенной!..

...Мир — не мулета. Он больше. И белое
с черным — суть краски.

Вот оно! Целое, смелое, зрелое
чувство без маски!

Я принимаю тебя, насекомое,
к счастью в придачу.
Только и ты принимай меня, помня: я
тоже не спрячу
за многоцветием — ах, вышиваночка! —
блеклой изнанки...

50

Мир мой умеет быть (лучше, чем кажется)
крепкой приманкой.
Он оживить знакомых хочет лица,

Виктор МОСТОВОЙ

Стаханов

Родился я в шахтерском крае, прославленном Алексеем Стахановым, и как истинный сын Донбасса, 17 лет отдал шахтерскому труду. Зная шахту не понаслышке, написал целый цикл стихов о трудной профессии горняков. Выпустил 13 поэтических сборников; награждён литературными премиями им. О.Бишарева, Б.Горбатова, М.Матусовского, Ю.Каплана, Б.Гринченко; был лауреатом многих поэтических конкурсов и фестивалей, член Международного Сообщества писательских союзов, член МСПУ и Конгресса литераторов Украины.

В ДОЖДЬ

Автобус буксует — нет ходу!
Открыл бы ты дверцы, земляк.
Эх, мне б соскочить в непогоду
С подножки в сверкающий мрак.

И словом осечься на вздохе,
И складку согнать меж бровей,
И рыжие видеть сполохи
Подсолнуховых полей.

ТАМ, ГДЕ МГЛА БЛУЖДАЛА...

Там, где мгла блуждала,
Свита фонарей
Улицу держала
Под крылом огней.

Гулкость тротуара.
Лунный пылкий нрав.
Музыка из бара
Вырвалась стремглав.

Шёл я мимо зданий,
Слышал всё ясней
Шквал рукоплесканий
Листьев тополей.

В ЗАКАТНЫХ БЛЕСКАХ АЛЫХ

В закатных блесках алых
Пейзажем я увлёкся —
Фантазией фиалок
И фейерверком флоксов.

Забилось сердце счастьем —
Я восхищён цветами,
И словно стал причастен
К разгадке вечной тайны.

Воздух млел раскалённый, как в кузне,
Зноем дня обжигая людей.
Даже яблоко было невкусным —
Соки высосал в нём суховей.

Не до шуток и не до смеха:
Сколько ж будет так солнце палить?
Убежать бы — и в речку с разбега,
Плыть и плыть, по течению плыть.

Я ЕЩЁ ЖЕЛАНИЙ ПОЛОН

Я ещё желаний полон,
Меры в чувствах я не знаю:
Вот иду сердечным полем
И цветы любви срываю.

Много в памяти хранится
Тёплых встреч, любви во взорах...
Ещё есть в пороховницах
Быстро вспыхивающий порох!

ОБНАЖИЛИ ДЕРЕВЬЯ ГОЛОВЫ

С крыши шумно взметнулись голуби.
Час рассвета.
Обнажили деревья головы
Перед светлою памятью лета.

Суетимся...
Вчера ли, сегодня ли —
Мы всегда занятые.
Мимоходом лишь головы подняли,
А деревья седые.

Я ЛЮБЛЮ

Я люблю.
Давно со мною не было
Этого безумия. Люблю!
А снежинок суета нелепая
Бередила душу декабрю.

Я люблю.
А жгучий ветер с рвением
Взвихрил хлопья, как волос копну.
Странно, что в людском столпотворении
Вижу только женщину одну.

ТЫ — СОЛНЕЧНЫЙ СВЕТ!

Ты — солнечный свет! Я — ослеп...
Родная, цари на престоле.
Не зря убегаю я в степь
От счастья рыдать на просторе;

Цветами дышать, как тобой;
Чудачить, обняв разноцветье.
О жаворонок, запой —
Пусть песню подарит ей ветер!

НОЧЬ ТИШИНОЙ ОПОЯСАНА

Ночь тишиной опоясана.
Много ль по тропам протопал я?
Ясное имя у ясеня,
Теплое имя у тополя.

Господи, звезды поют нам,
В лунном купаясь источнике,
В мире, таком неуютном,
Ты помоги моей доченьке.

ОДИЧАЛЫЙ ХОЛМ СТЕПНОЙ

Художнику В.Тронзе

Одичалый холм степной
Так похож на шар земной!
В разнотравье и цветах
На семи стоит ветрах.
Рядом конь копытом бьёт,
Грива пущена в полёт.
Птицы носятся стремглав,
Блеск зари на космах трав.
Конь рванул во весь опор —
Гулом полнится простор.
И душа парит сама
У зелёного холма.

Сергей НИКОДА

Белозёрское Добропольского района Донецкой обл.

* * *

Слова бывают добрыми и злыми,
И смелыми, и резкими порой,
Эмоции мы выражаем ими —
В них радость, ожидание, покой.

Они-то согревают нас ночами,
То освещают пасмурные дни,
Как вина исцеляют от печали
И утешают, если мы одни.

Слова иные возвышают чувства
И разум просветляют, и тогда
Всё это называется искусством,
Которое проходит сквозь года.

Но разве можно описать правдиво
Любимой вздох и прелесть её глаз,
Как снег идёт зимой неторопливо,
Как светится ограненный алмаз.

Родился 9 октября 1975 году в г. Белозёрское Добропольского района Донецкой обл. В 1992 году закончил школу с золотой медалью. С детства занимался рисованием, и, ещё будучи школьником, приписав себе пару лишних лет, окончил Московский Заочный Народный Университет Искусств по специальности «станковая живопись». После школы поступил на художественно-графический факультет в Харьковский Государственный Педагогический Университет им. Г. С. Сковороды.

Поэтические способности унаследовал от отца. Первые попытки что-то зарифмовать предпринял в 9 классе (помнится даже на конкурсе капитанов КВН успешно справился с заданием сочинить стихотворение из предложенных слов).

Принимал неоднократное участие в бардовском фестивале «ЭСХАР» (Харьков), где стал лауреатом конкурса авторской песни.

В годы студенчества наряду с поэтическими опытами стал увлекаться сочинительством и исполнением песен. После четвёртого курса (в сложные 90-е) пришлось оставить учёбу в университете, но не творчество.

Также стал лауреатом рок-фестиваля в г. Балаклея, проводимого при поддержке Клуба Любителей Русского Рока (г. Харьков). Одна из его песен принимала участие в хит-параде на харьковском радио и некоторое время занимала одну из лидирующих позиций.

Вернулся на родину в 2003 году, где продолжил творческую деятельность, став участником поэтического клуба «Крылья надежды». В 2008 году вышел поэтический сборник к 55-летию г. Доброполья «На крыльях надежды», где была представлена поэтическая династия семьи (В. Никода — отец, Е. Никода — племянница). В настоящее время готовится к печати книга «Алые строки», представляющая более полную картину династии.

Так значит надо жить не притворяясь,
Несовершенства плоти не стыдясь,
Тогда слова, почти совсем отчаясь,
Отыщут к сердцу путь не торопясь.

* * *

О плоть моя, пристанище души,
Ты требуешь насущного, земного:
Тепла и крова, и того иного,
Что предназначено природой совершить.

Стареешь и грустишь ты от того,
Что время отнимает постепенно
Здоровье, силы, оставляя брэнность,
И не сулит уж больше ничего.

Ещё живут в тебе ночные страхи
И теплится божественная суть,
Но ты изношена как старая рубаха,
Пора тебе от жизни отдохнуть,

Пора уйти в забвение и холод,
Расставшись с неприкаянной душой,
И не бояться, что наступит голод
С баландою пустой и черемшой.

Покойся с миром и прости меня
За то, что я распял тебя на плахе
Напрасных слов. Прощай, моя рубаха.
До воскрешенья из небытия!

* * *

Как будто время стоном замерло во мне —
Среди людей, предметов и событий
Уже не замечаю я извне
Мне посланных знамений и открытий.

Всё приземлённое становятся мечты,
Всё откровенней и нечаянней признанья,
Я не пугаюсь больше наготы
Ни женщины, ни своего желанья.

Неотвратимость одиночества гнетёт,
Я не могу привыкнуть к ожиданью
Того, что с нами не произойдёт
Ни при каком движении мирозданья.

* * *

Во рту остатки валидола
И утихает боль в груди,
А вьюга бешено гудит,
Метя по улице подолом.

В продрогшей комнате ночной
Борюсь с недугом и собою,
Ещё чуть-чуть — и я завою,
Как воет волк в глуши лесной...

Но нет — терплю, прогнавши страх,
Всё крепче стискивая зубы —
На сердце остаются срубы,
И тут же строчки на листах.

ОЖИДАНИЕ

Минуты ожидания для мужчин
Томительны и сладостны как мука.
У женщины найдутся сто причин,
Чтоб не прийти к назначенному сроку.

Удары сердца словно метроном
Отсчитывают время безвозвратно,
И я жалею только об одном, —
Что ожиданье кончится внезапно.

Его прервут знакомые шаги
Как будто бы из прошлого столетья,
Небрежное движение руки
Задумчивость рассеет мимолётно.

Не торопись, прошу, не торопись,
Не нарушай безмолвного причастья,
Ведь если ждать приходится всю жизнь,
То ожиданье равносильно счастью!

ОЗОРНАЯ ДЕВЧОНКА

Озорная девчонка живёт на окраине города,
Всё в ней дышит весеннею свежестью
первой любви.

Ей дано волшебство красоты
и беспечная молодость,
Что искрится живым родником —
лишь губами лови!

Озорная девчонка встаёт
с первым лучиком солнечным,
Ей поспать бы часок — да заботы никак не дают.
И смеётся она с терпким привкусом
маленькой горечи,
И скрывает её за улыбкой нетронутых губ.

Где ж вы, рыцари новых эпох, —
неужели повымерли?
Отчего у девчонки на сердце холодный налёт?
Только «рыцари» скромно молчат,
не спросив её имени,
А девчонка по скользкому льду, улыбаясь, идёт.

* * *

Бывает иногда, что всё не клеится
ни в творчестве, ни в жизни, ни в любви,
и времени безжалостная мельница
вращается, и снег чуть слышно стелется,
и мы с тобой почти уже на вы.

Окутан сумрак страхом и сомненьями,
фонарь за окнами мерцает, как свеча,
ещё чуть-чуть, и станут привиденьями
предметов очертания с растеньями
и тёплый бархат твоего плеча.

Но утро уничтожит все сомнения,
и день навалится, и нас разъединит.
Ты родом из другого поколения
(и я опять ишу местоимения),
к тебе, нет — к Вам протягивая нить.

Вы также улыбаются по-дружески,
и Вам идёт улыбка, как загар,
а я стою, собрав остатки мужества,
отчаянно, смешно и неуклюже так
краснею, словно медный самовар.

* * *

Когда вдруг одиночество навалится,
То станет свет не мил и жизнь пуста,
И темнотой надломленная улица
Плеснёт полночным холодом в уста.

И время обойдёт меня как нищего,
Стоящего с протянутой рукой,
И не подаст ни мелочи, ни пищи мне,
Чуть задержавшись над моей строкой.

И в сумраке, светилами подкрашенном,
Я ощупью пойду в крошечной мгле,
Где Бог когда-то просто и размашисто
Мне начертал дорогу на земле.

* * *

Жизнь выходит на новый виток
с грузом бед и ошибок,
С багажом совершённых открытий,
с желаньем побед
Без излишних оваций, без слёз,
без каких-либо скидок,
Оставляя в безмерном пространстве
отчётливый след.

Всё завертится сызнова, словно и не было вовсе
Поражений досадных и горьких
сомнений в душе,
И спирали событий, пронзённые времени осью,
Ощутимее станут на этом крутом рубеже.

Всё вернётся: желания, мысли, мечты
и стремленья,
Как весна возвращается после нашествия вьюг,
Всё вернётся опять: и уверенность, и вдохновенье,
Как награда за верность и сердца отчаянный стук.

Жизнь выходит на новый виток —
ни к чему пересуды,
Всё, что было, не вычеркнуть мне
с пожелтевших страниц.
Жизнь берёт этот новый рубеж,
словно после простуды
Оживают глаза в быстром трепете лёгких ресниц.

* * *

Не пишется... Быть может от жары,
огарок лета горечь мыслей плавит,
не хочется ни почестей, ни славы —
дожить бы до октябрьской поры,

гулять по скверам в шорохе листвы,
сидя на спины сиротливых лавок,
и наслаждаться красотой живых
её картин, оставленных в подарок.

Но август жжёт небесные костры —
где силы взять и не растаять, словно
кусочки льда в питье безалкогольном,
которым я спасаюсь от жары.

Как переждать разлуку мне с тобой —
она сильнее августа, наверно,
сильнее дня, сильней жары любой,
что отступает с летом постепенно.

Как пережить безмолвие и боль,
которые в груди тугой пружиной
рождают рифму так непостижимо,
что проступает между строчек соль.

* * *

Я скучаю по детству, по тёплому хлебу в руке,
Как ломали его, выходя из дверей гастронома,
И почти половину съедали,
добравшись до дома —
Этот запах впитался в меня и остался в строке.

Я скучаю по нашим дворам, чердакам и сараям,
Где не знали мы времени и пропадали гурьбой,
Где играли мы в игры, которые стали судьбой...
Это время ушло, словно люди когда-то из рая.

Не воротится детство, но может воскреснуть оно
В наших детях и внуках
и в этих написанных строчках,
И тогда неизбежность, смирясь,
предоставит отсрочку —
И продолжится жизнь, если этому быть суждено.

* * *

Я люблю тишину,
когда за полночь в доме улягутся,
Когда звёзды кружат
хороводом над спящей землёй,
И тогда, позабыв
про сплошные свои неурядицы,
Соскребаю с души
накипевший отчаянья слой.

В полутьме
очертанья предметов становятся зыбкими,
И в загадочном сумраке
прячутся тени волхвов,
И звучит увертюра
для виолончели со скрипками —
Я её, как умею,
пытаюсь составить из слов.

Но слова — это только слова —
Ничего не получится.
У мелодии больше
оттенков, эмоций и чувств.
Мои строчки скрипят в тишине,
словно вёсла в уключинах,
И не в силах сорваться слова
с запечатанных уст.

* * *

Я тебе подарю этот летний закат,
это небо с мерцающим вечным кружением,
тихий шёпот ветвей, стрекотанье цикад,
притяжение планет и сердец притяжение,

чёрный бархат коротких июльских ночей,
свежесть утренних рос на лугах по соседству,
покажу, где скрывается в роще ручей,
чтобы ты напилась из ладони, как в детстве.

Я тебе подарю нерастраченность дня,
всё, чем я нераздельно живу и страдаю,
всё, что я берегу, как частицу огня,
что горит, мирозданье собой согревая.

Ольга ОЛГЕРТ

Кёльн, Германия

В ТАКУЮ НОЧЬ

А там, где боль и призрачная быль,
И радость созерцанья триедины,
Где всходит в полнолуние ковыль
В душе моей, для зим неувязимой, —
В такую ночь покажется, что свет
Далёких звёзд, рассыпанный по крышам,
Похож на снег моих четверостиший,
За окнами не тающий в траве.
И чудится, что сотни чьих-то глаз
Следят за приближением рассвета,
Где жизнь поделят утром на сюжеты
Мечтатели, похожие на нас.
И снова им откроется, что быт
Случайными словами переполнен,

Где бьются в окна крылья певчих молний,
И мир устал от гнева и борьбы,
От зависти, стяжательства и слёз,
Готовыми от жалости пролиться
Из кубков туч
На сумрачные лица,
Толкающие небо под откос.
И будет миг, и вещи по местам
Расставит на земле верховный зритель,
И день взойдёт на лестницу открытий,
И боль уснёт,
И Бог поможет нам.

ДРУГОЕ НЕБО

Застынет мгновенье росой у глаз,
Откроется сущность его земная.
И тот, кто однажды тебя предаст,
Об этом, наверно, и сам не знает.
И путь предсказаний тебе знаком,
Где эра цветений дожди заменит,
Где солнце — оранжевый гордый гном,
Готово вступить в полосу затмений.
Срываются в пропасть его лучи,
В ночную прохладу упав с разбега,
И небо — минутной тоской горчит,
И ты открываешь другое небо.

ПОЭТОМУ ЖИВУ

Им легче — подниматься на волне
Любви несчастной или горделивой,
И строками сорить неторопливо...
А я могу писать лишь о счастливой,
Поэтому — живи, любовь, во мне.

Им легче — выходить из берегов
Штормящего отчаянья земного,
И жаловаться жизни, что сурова,
А мне — нельзя,
Я лес врачую словом,
Где ты живёшь, мой нежный птицелов.

Я вновь с тобой, не только потому
Что жизнь моя, как ночь, остросюжетна,
Где сердце в недосказанность одето,
И лето в накрахмаленных манжетах
Идёт навстречу небу моему.

И я с мечтой в согласии живу,
Выращивая песни дипладений
Для августа — на долгие мгновенья,
И жизнь моя страшится сновидений.
Поэтому — пусть длится наяву.

В КОРОЛЕВСТВЕ ПРОЧТЁННЫХ КНИГ

Людам — зрелищ, тебе — короны
Не хватает в пыли дорог.
В мире, слышишь? — светло от звона
Шпор на крыльях твоих сапог.

Где сбывались свиданья с бездной,
Чей рассудок тоской увит,
Если завтра она исчезнет,
С кем поспоришь ты о любви?

Где, взлетая за птичьей стаей,
Прорастает туман в слова.
Если к вечеру он растает,
С кем останешься воевать?

В тишине, где печаль на лицах,
В королевстве прочтённых книг,
Если жизнь за тебя сразится,
Чем заплатишь за этот миг?

В полнолуние, где в сердце ночи
Колосится полынь — трава,
Если я поменяю почерк,
Как узнаешь, что я — жива?

В ЦАРСТВЕ СОВ И СТРИЖЕЙ

В царстве сов и стрижей мне легко
продлевать полёт
Быстрокрылых цикад,
что слышнее в душе под вечер.
Я качаю луну и она для меня поёт
На каком-то забытом, полынном,
степном наречье
О создании мира, но станет ли мир добрей
В мозаичном пространстве,
где миг из столетий собран...
И когда мне случается верить в радушие змей,
Я играю на дудочке и приручаю кобру.

Когда слетает миг
на тонкий стебель ночи,
И смех льняной звезды
дрожит в моём окне,
Древнейшие слова
несбывшихся пророчеств
Как бабочки в лесу,
слетаются ко мне.

И жизнь моя полна
сомнений и открытий,
И сладко мне стоять
у лета на краю,
И дверь моей души
открыта —
посмотрите —
Я с небом говорю.

В САДУ СУДЬБЫ

Земля светла,
И лучше в мире нет
Пространства строк,
Где мыслям нужен воздух,
И знаешь, Бог — он всё-таки поэт,
Иначе бы откуда взяться звёздам,
И пене волн, целующей с утра
Ресницы потревоженных ракушек,
И небу снов, где бродят наши души,
И травам, обнимающим ветра,
Лесным дворцам, где молится листва,
Забывшая тоску на полуслове,
Где в каждом плеске туч звучит Бетховен,
И учит дождь рахманиновский вальс...
И кто вручил сокровищницу мне —
Нести свои слова навстречу будням?
И знать о том, чего уже не будет
Ни в сердце, ни на небе, ни в огне?

ДВОЙНИКУ В ЗАЗЕРКАЛЬЕ

Небо — смелым, земля —
 тем, кто сердцем поник,
 Не бывает открытых вакансий в раю,
 Расскажи мне, зеркальный мой вечный двойник,
 О погоде в твоём зазеркальном краю.

О морях Одиссея, наполнивших миф,
О разрушенных стенах античных Помпей,
Кто он, предок твой? —
в птицу стреляющий скиф?
И каким он запомнился в мире людей?

Нет, не жалуюсь...Здесь, на земле — благодать,
Ариадна мне жертвует жемчуг и нить,
Знаю жизнь назубок, но прошу рассказать
Где скитается небо, что может любить.

Рассыпаю поющих журавликов фраз,
Наблюдая, как беды готовят под снос,
Жду не чуда, а ливня фиалковых глаз,
И всхожу в Зазеркалье на взорванный мост.

Неси своё озеро так, чтобы той воды
Хватило надолго живущим в твоей пустыне,
Где ветер с востока запомнит твои следы,
А после — крылом вдохновенья тебя обнимет,

И станет как лебедь над речью твоей кружить,
И , вспомнив о нежности в сердце всего земного,
Ты снова пополнишь словарный запас души,
И с миром поделиться хлебом ,
вином и Словом...

Мне снова пересаживать цветы
В саду судьбы, весеннем и всесильном,
Записывая мысли на мобильный,
Где слышатся гудки чужой мечты,

К себе идти по линиям руки
И верить провиденью неустанно...
Моя душа — цветочная поляна,
Где бродят в полнолуние сверчки
Сомнений... — с этим тоже можно жить,
Смотря на мир сквозь солнечную призму,
И мир тоски сводить к минимализму,
Считая вслух года и этажи
Раздумий и нечитанных тревог,
Сверяя краски Гойи и Матисса,
И сердцем быть — в особой зоне риска,
Вдали от нецелованных дорог.

И знать, что жизнь не кончится,
Сосуд
Земных скитаний будет переполнен,
И я прольюсь дождём,
И сотни молний
Судьбу мою от хаоса спасут.

Я стану сном в космической глуши,
Морской звездой на лунном побережье,
И мир примерит детские одежды
Моей души.

ПЕРЕШАГНУВ В ТЫСЯЧЕЛЕТЬЕ

Страшась мелодии повтора,
Слагаю оды тишине,
Переключая в сердце скорость,
Чтоб длилось звонче и нежней,
И на полях моих тетрадей
Цвели степные васильки,
И я — в ромашковом наряде
Кормила бабочек с руки,
И не исчезла эта звонкость,
Ни на минуту, ни на час,
Где жизнь — до боли в перепонках
Мне будет сниться по ночам,
Перешагнув тысячелетье,
В стихах ли, в снах ли, наяву,
Окликну солнце на рассвете:
Я здесь, небесное! Живу!

АНТВЕРПЕН

Мой Антверпен похож на рыбу,
Уплывающую в туман...
Мы с тобою вдвоём могли бы
Жить в любой из далёких стран,
Верить солнечной Ориноко,
И читать по ночам тростник.
Видишь, солнце идёт с востока, —
Я иду по страницам книг.
Возвращаюсь в твою весну и
Открываю в ночи миры:
Питер Брейгель опять рисует
Рыбу, съевшую сотни рыб.
Там, у сердца судовой верфи
Ждёт удачу свою рыбак...
Уплывает во тьму Антверпен,
Сжав кварталы домов в кулак,
Где выходят на волю волны,
Безрассудство моё встречать...
Нарисуй мне иную полночь, —
Я поверю её речам,
Где весной, на меня похожей,
Бредит питерский твой корвет.
Нарисуй мне волну — и, может,
Я пойду по твоей волне.

НА КРЫЛЬЯХ НОТ

В степном краю, где в травах бродит свет,
И в бабочку влюблённый бересклет
Читает вслух шекспировский сонет,
И связь времён как будто нерушима,

Там речь твоя предсказанна — близка,
И ночь целует в губы мотылька,
И я плыву к тебе с материка,
С вершины немоты — к твоим вершинам.

По крышам бродят сны и корольки,
И сердце просит пить с твоей руки,
И слышен шёпот огненной реки,
Чьи волны ночью просятся на сушу.

И утро, словно вечность, настаёт,
С дорог сметая пыль земных забот,
И ты зовёшь — на крыльях летних нот
В слепой полёт мою ручную душу.

В РИТМЕ ВЕЧНОЙ ТАЙНЫ

Твой голос мне поёт издалека
О том, что было, будет неизменно,
На крышах снов, в домах июньской Вены,
В дыханье дней на крыльях мотылька,

За окнами разлуки, чьи дрозды
Разучивают беличьи куплеты,
И ты идёшь по улицам, где лето
Тебя навек запомнит молодым.

Зачем с другими? Может быть, со мной
Ты станешь на мгновенье настоящим,
Мой летний ветер, русскоговорящий,
Живущий по соседству с тишиной.

Где вьётся жизнь, как шёлковая нить,
И все мои открытья — неслучайны.
И сердце бьётся в ритме вечной тайны:
Любить тебя, любить тебя, любить...

Виталий СВИРИДОВ

Алчевск Луганской обл.

Член Межрегионального союза писателей Украины. Лауреат литературной премии им. Б. Л. Горбатова. Пишет стихи и прозу. Соавтор примерно 12 литературно-поэтических коллективных сборников, лауреат нескольких поэтических фестивалей и литературных конкурсов. Художник-оформитель. Живёт и работает в городе Алчевске Луганской обл. Имеются публикации в интернете...

ПОКРОВ

Сколько
Ярких красок
Сгинуло —
Серых дней
Не сосчитать.
Надоело,
Опостылело
Ветром западным
Дышать!..

Бесконечна
Сырость моклая —
Жухло —
Цитрусовый
Цвет...
Что же, осень,
Ты холодная?..
На тебя
Управы нет...

Но,
Покровом
Белооблачным
Выпал снег,
Как благодать!
Под лазурным
Небом солнечным
Свежесть зимняя

Опять!
И Восторга
Чувство белое...
Так и жил бы
Не греша...

Что же ты,
Зима,
Наделала?..
В небо
Просится
Душа!

ПРОРОЧЕСКОЕ

Вдали от храмов
И монастырей,
Из пропасти
Рутинной повседневной,
Плывут «армады»
Мыльных пузырей,
Преображаясь в пыль
На сквозняках
Вселенной.
Раздут
Технократический
Прогресс
В безудержно —
надменном
эпатаже,

Как будто
Весь
Его духовный недовес
Вдруг
Стал предметом
Купли и продажи.

Похоже
Старый Мир
Сошел с ума
Гораздо ранее
Пророческого срока...

Но вертится Земля:
Предгрозовая мгла
Не перекроет
Зарево Востока!

ВНУТРИ Я БОЛЬШЕ, ЧЕМ СНАРУЖИ...

«Внутри
Я больше,
Чем снаружи» —
Сказал мальчишка
лет пяти.

-»Ох, брат!.. У взрослых,
Много хуже...» —
вдохнул я,
Прежде, чем уйти...

Он улыбнулся
на прощание;
Кивнул мне:
«Доброго пути!»

А я, застыл,
как изваяние:
«Ну надо же,
с ума сойти!»
И грустно стало...

Горе с нами!
Хоть зубы
до корней сотри,
Увы,..
становимся
с годами
Снаружи больше,
чем внутри.

NATURE MORTE

На обозрение
Орудовал кузнец.
Толпа
Его радушно принимала:
Кричали дети,..

Музыка играла...
Когда,
Уже под вечер, наконец,
Утомился
Яростный творец, —
Вокруг всё замерло ,
И... публика устала.

Апофеоз труда,
Превозмогая вес,
Вознёсся к небу
Ко всеобщей радости!
Дышал ещё огнём
Новорождённый лес,
Охваченный пожаром
Побежалости.
Внахлест
Откованы
И листья и трава,..
Кусты
В причудливом
Хитросплетении;
Возможно
Здесь и не нужны слова, —
Уместны лишь восторг,
Да умиление?!

Однако, из травы,
Вдруг
Выпрыгнул кузничек;
Облюбовал
Железный пьедестал...
Творенье Божее,
Почти, как человек,
Взглянул на солнце,
И за-стре-ко-тал!

А я подумал:
Как силён кузнец —
Создатель красоты
Из мёртвого металла!
Но, всё же,..
Всё же,
Трижды прав мудрец:
С природой спорить
Может лишь юнец,
Которому
Любви не доставало!

Илья СЕМЕНЕНКО-БАСИН

Москва

Илья Семенов-Басин родился в 1966 г. в Москве в семье инженера. Окончил исторический факультет МГУ им. М.В.Ломоносова. Доктор исторических наук. Живёт в Москве. Автор двух поэтических книг: Ручьевинами серебра (М.: «Время», 2012) и Мои стихи: В память 100-летия кубофутуризма (М.: издание автора, 2012).

Фото — Александр Гусев

осталось в сталь шампанское на охлаждение
осталось перечесть чё-нить, развесить
отрезы тканей на стульях
аль гоум [тело складок] шшь
роскошь
доступна даже нищим
так говорил Матисс, остались
шесть кофейных пар с кофейником
а мне нравится готовальня эпохи Николая
Второго
пррр деревянный селезень со шкафа [пробел]
сидишь и смотришь
продам всё, продам ваще

В СТАРОМ ГОРОДЕ

i

сколько ни гляди:

жадность переселенцев [пробел]
стоят у металлических ворот, наглухо запёртых
невозможно
не перейти в соседнюю комнату,
стаканообразное пространство
невозможно изгнать из мира цитирующее со-
знание
после дерева
после церкви [пробел] известная аптека
колышет [улицами] двигаются жители
невысоконых домов
страшусь нарушения, ведь собрание деталей
а повезло старым этажам, в них жил Толстой
нельзя сломать
и птица в берёзовых волосах
мазано мастехином
белилами [пробел] девяносто процентов

ii

тупо регистрирую
чайно-кофейный с китайскими картинками
причина развить отношения с внешним миром
бррр фарфоровая женщина —
фарфоровой собаке
чай
и венский стол, горячее ставили:
бельмо на шпоне

...что прочно на земли?
Где постоянно жизни счастье?
Батюшков

Люблю табачный дым из каменного рта
громадной великанши.
Пускай остудит ей гортань
быть может пруд: поганый? патриарший?

И дыма нет. Над башнями твоей тоски
перо витает.
Глядя на птицы бранные куски,
смиреньем душу назидая.

Минутны странники, мы ходим по гробам
укромных подземелий.
Я короб города отдам
за верность нескольких злещёных лилий.

Захлёбываясь светом красных глаз
и толстою Луной,
расслышал трепетное губ дрожанье.
Стократ ты виновата предо мной,
пустая штука проживанья!

Над башнями тоски
прозрачный дым витает.
Пакгауз штурмом взял взъярённый скин?
Да нет, курильщица опять на стогах зажигает.

А мог и не терять.
Теперь цветение лиц, жесты рук, реки,
отравленные зеленью.
Если затерял, больно становится больше
и больше.
Просто мало места. Дёрнешься, сразу стена.
Вот бы выкрутить,
спрятать,
как пробки из чёрного счётчика,
не в колодце под корнями.
Полутёмные квартиры:
деревенская улица в Кремле,
лошадь ступает за мальчиком.

солнце
змейкой свернулось на твоём кольце
смотрит луна
раздающая дни и месяцы и сроки
как же красиво ты говоришь: эрь

ИСКУШЕНИЕ

серым голосом, круглым ртом
скажет
вытянет на свет
выведет на чистую воду поповских детей, зазнаек
всех перетрясёт в сите, прокричит
каждому — правду!
старая юродивая безбожная
работайте-работайте-работайте-работайте
а-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха
а на краю работы вашей
она сидит, в белый платок укутана
безбожная юродивая
там сидит
кричит
попрекнёт за всё, чего не сделали со своими
женщинами

быстрым соком голова налита
не сворует моих слов Калита
не отыщет Димитрий Донской
под нагретой разогретой доской

потому что японский бандит
выдал чёрточки кружочки в кредит
я по списку поискал их, да зря
здесь не Чичиков тебе и не Ноздря

холодно и ничего такого
на продувном мосту изгнаннику заглядывают
в глаза
плюнут под ноги
едва ли вразумится старой песенкой, рябью
расширившейся реки городской
не посмотрит вниз
просто холод огромного родительского сердца
поди, догони, их бы выкрутить как лампочки,
поджечь
...бие, шум машин...
мысли шальные поджечь
поседеешь здесь на ветру: а слепые перила, немой
мостовой гранит надёжней огня
Неаполь брат Неаполь мой
что мучаешь меня?

Николай ТИМОХИН

Семипалатинск, Казахстан

ЗАДУМАВШИСЬ О ЖИЗНИ

Весна настала, словно в утешенье
За холода, что леденели душу.
От них порою не было спасенья,
Я не люблю мороз и злую стужу!
Теперь теплей. И сразу легче стало
И воздух показался мне другим.
На улице красавиц есть немало
И чувствую себя вновь молодым.
И запахи цветов — дыханье лета,
Ещё чуть-чуть и буду ощущать.
Зимой холодной я мечтал об этом,
С весною новой встречи ждал опять.
Быть может, и душа моя проснётся,
Любовь в ней зародится, без сомненья.
К другому сердцу нежно прикоснётся,
Которому так нужно утешенье.

Заря взошла и осветила путь,
Он выпал мне на долю испытаньем.
И обозначил жизненную суть.
И с прошлым стал причиной для прощаний.

Путь очень труден, длинен и далёк,
Лишь для людей кто с сильною натурой.
Для тех, кто только сам себя обрёк
На вечный поиск, поиск без халтуры.

И по нему прошло немало ног,
Прийти, к поставленной желая цели.
Не каждый этого достигнуть смог.
Не все дошли туда, куда хотели.

Заря взошла и осветила путь,
Который пал на долю испытаньем,
Который не пройти мне как-нибудь.
Его преодолеть — моё желанье.

Прости меня, мамочка! В школе
Я плохо училась. Порой
С уроков сбегала. До боли
Мне жалко то время. С тобой
Ругалась и часто дерзила.
Курила и даже вино
Пила по подъездам. Немило
Ученье мне было. Давно
Прошло время то. И взрослее
Я стала, а дочка моя
И лучше меня и умнее,
Послушнее. День ото дня,
Я, мама, тебя вспоминаю.
Зачем мы ругались с тобой?
Прости, лишь теперь понимаю,
Как ты уставала со мной...

Хочу, друзья, вам сказку рассказать.
А вы судите сами, что есть в ней.
Где правда, а где ложь. С чего начать?
В один из добрых, теплых летних дней

Пошёл Иван-дурак по чисто полю,
Чтоб надышаться воздухом сполна.
И на природе нагулявшись вволю,
Предаться безмятежным сладким снам.

Идёт, идёт он, наслаждаясь пенем
Веселых птиц, цветочки рвёт вокруг.
Плетёт венки. За этим увлеченьем,
Прошло немало времени. И вдруг,

Иванушка заметил василек.
Он рос один и был собою мал.
И парень, пожалев его, не смог
Сорвать цветок, лишь только пожелал

Ухаживать за ним. Иван — дурной,
К растению ходил как на свиданье.
Он полюбил травинку всей душой
И поливал водою на прощанье.

Но вот однажды, небо потемнело
И чёрным стало среди бела дня.
И буря в чистом поле пролетела,
Траву примяв. Не пожалев огня,

Вдруг молния, попавши ненароком
В огромный дуб, сожгло его как свечи.
Спалил пожар безжалостно, до срока,
Живое всё. А едкий дым, под вечер,

Разнёс повсюду ветер. На рассвете,
Покапав дождь, залил огонь как мог.
Он не желал трагедии и смерти,
Но оказался сломанным цветок.

Была грустна картина для Ивана.
И он, забрав оставшийся бутон,
Не знал, как залечить на сердце рану.
Ведь парень сильно был в него влюблен.

Оплакивая каждый лепесточек
В тоске сказал Иванушка им так:
«Теперь остался я один, цветочек,
И превратится жизнь моя во мрак.

И станет без тебя совсем ужасной!»...
Сменяли ночи дни. И на заре
Бутон вдруг стал Алёнушкой Прекрасной.
Милей небес и звёзд, поверьте мне...

Иван-дурак враз в принца превратился
И вмиг обнял красавицу тогда.
И тут же он, друзья, на ней женился.
Ничто не разлучит их никогда.

На том же месте, в том же чистом поле
Для добрых и отзывчивых сердец,
Есть василек. Он снова вырос вскоре
И ждёт кого-то. Сказке тут конец.

Чёрное — белое, чёрное — белое,
Жизнь меняет цвета.
Нет постоянства, единого, целого,
Счастья — одна суета.

Только дороги, болота и горы,
Рек широта и морей.
Снова с судьбою ненужные споры.
Боль поражений сильнее

Чувствую часто. И сердца удары
Плач не удержат в груди,
Схожий звучаньем с цыганской гитарой.
Мне от себя не уйти.

Радуга в небе дугу начертила
И поменяла цвета
Чёрный на белый. И боль отступила —
В мире царит красота...

Я сложил бумажный самолетик
И пустил по небу полетать.
Пусть увидит в первый свой полётик
Землю, красоту её. Как мать,
Он полюбит реки и озёра
И степей бескрайних широту.
И вернётся, может быть, нескоро
Всё же встретив давнюю мечту,
Обретя с ней мощь свою и силу,
Смелость покорителя дорог.
Улыбнётся вечному светилу.
Получивши жизненный урок,
Вдруг поймёт, что хоть он и бумажный,
Но уже всю Землю облетел,
В мире зло искоренив, и важных,
Добрых сделал людям много дел.

Ще й квіточку стромлю ізверху.
Глумиться так глумиться!
Давай на всю катушку розійдемося,
Розпишем, розірвем...
Яка тепер різниця: ми не перші
І не ми останні.
Кохання — воно Бог,
Прощатиме знову і знову.

Чую, плаче мій ніж за мною.
Фарби через край,
Вона іще в мені, нехай.
Світу нема різниці
Чи думаю я чорними листами,
Чи свіжою блакиттю.
Я сиплюся словами,
Коли не знаю, як намалювати.

Стою на твоїх поминках,
Як замордоване дерево цвинтаря.
Дощ іде і скапує з кісток.
Чорні ворони падають навколо.
Хіба не бачиш — попіл змок,
Дарма ти труїш чорну птицю.
На цьому світі й так до мене в гості
Кожну ніч приходять дві чортиці.
Я їх гоню, вони вдають глухих.
Оті чортиці — дві байдужості,
Вони заманюють мене до танцю,
Щоб з ними разом
Витоптать, пом'якшити
Ту прахову землю,
Що залишилась — для нас.

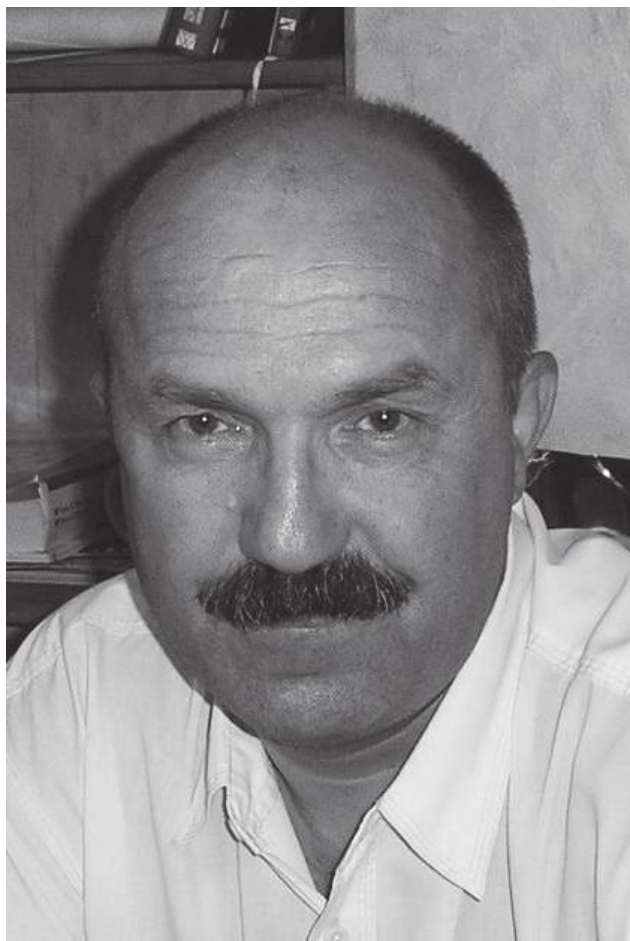
У темряві на двох одну цигарку, зовсім як тоді —
у ліфті
Бо нам тоді хотілось їсти
Ми з'їли дві останні насінини,
а двері все не відчинялись.
Здавалося: ну, от і все — нас двоє,
а ліфт — такий незручний світ,
Як і усе, що в нас було.
Але у темряві якось незбагненно
відчуваєш чужу посмішку,
І все, що б не робилося на зло,
все обтікає ті години.
Ми врешті вийшли з гробу на родини,

І зараз, за цигарку
вже не терпітимемо безкінечний жаль.
Спалахне маленька іскра на секунду, а завтра
Я згадаю і опишу це, як небо після сну.

Вірші.
Гіркіші
Гірші.
То прутиками,
То лозою.
Ягодою.
Губи схлипнуть
Кисла.
Язик награвється тобою.
І знову:
Гірші
То прутиками,
То лозою
Ягоди
Гіркіші.
Губи схлипнуть
Вірші

Хрести стирчать у небо наче вила.
Я храм? Та ж ось моя могила.
Її грибних легенів морок
Проштрикають криво — сосни
Крово-сосни, темномовні, гострі.
— Здоров, ямо!
— Впізнаю тебе, старий знайомиць!
Бач, як чорно...
Зіниця повна пустоти.
Із неба нарізаєш форми.
У різних ямах різна я —
Однакове моє бажання жити.
Небо...
Полегши, відпусти провини
Цілунком в перебите перенісся!

Подай-но душу на розхристання!
А пальчики загострені —
Проколом кожен дотик.
І плаче в мертві груди котик.

V. ZOLIN*Харьков***ПРО Ж....**

неразбериха ожиданий, надежд, эмоций,
 возжеланий
 рисует неги
 витражи...
 их рушит
 на!

осколки
 жизнь

девиз входящих
 в счастья омут:
 «красив цветок, пока не тронут;
 не верим, братья, в миражи!»,

но братья тонут —
 это жизнь

на неизбывной ветке
 ночи
 сидит тоска,
 корявый росчерк её малюет
 чертежи,
 название которым

жизнь

ФЕВРАЛЬСКИЕ ТЕРЦИНЫ

В моей судьбе нет места женщине...
 Молимый берег единения
 Обезображен новой трещиной.

Души бесплодные борения
 Волной нахлынут покаянною
 На лист реки стихотворением.

Печаль тупая, окаянная
 Взойдёт гулять ночи' полянками
 И злость вскипит досады ямами.

Снежинки слёзными беглянками
 Надежды холят птицу вещую,
 И утро тянет день изнанкою.

Чего по жизни не обещано...
 Как снег искрится перед таяньем!
 В моей судьбе нет места Женщине.

МОНОСТИХ И О ПРОПАСТИ

Нет глубже пропасти, чем пропасть декольте!

НОВЫЙ ГОД

Качается в оковах зимних высь
 Беспечной добродетели желаний
 Очнуться от тоски, пойти на риск
 Бежать по краю радуги мечтаний.

Всемерная всемирная хандра
 Надменно созерцает горизонты,
 У ёлок не резвится детвора:
 Кругом майданы — вот улада понту!

Блаженный огонёк хмельной свечи
 По скуке загулявшего поэта
 Стыдливо лижет стенки кирпичи,
 Но в трещины роняет капли света.

Мобильные сегодня провода...
 (Невидимые глазу, уточняя).

Ну, с Новым годом!
Дамы! Господа!
А будет ли он новым?
Я не знаю.

НА ПОРОГЕ ИТОГОВ

на отравленной стреле воспоминаний,
со скалы спесивой дури,
и отваги
прилетаю в ночь утраченных желаний
неприкаянный,
да в образе салаги

как по рёбрам скачет тень родной улыбки!
а желание повеситься — всё ближе...
и надежда, золотой, но дохлой рыбкой,
плавником колючим сердце
точит-лижет

окончательное право быть
любимым
кем ворует,ся,
кому даётся Свыше

не желаю никому в конце судьбины
оказаться не чужим, а просто
лишним

ИСПОЛНЕНИЕ ЗАДАНИЯ Л. СИЛИНОЙ ПО ГИПЕР- ДАКТИЛИЧЕСКОЙ РИФМЕ

Пусть судьба без причин переменчивая
И размытыми буднями знаковая;

Не один я на свете доверчивый,
А в хотеньях — мы все одинаковые:

Настоящими быть полковниками,
И успешных компаний начальниками,
Королев и принцесс любовниками,

А на Страшном суде — молчаливниками.

УСТАЛОСТЬ

По небу дальних берегов,
Сквозь пелену забытых судеб
Бегу
От самозванных судей,
От повседневности оков.

А зеркала моей мечты,
Тоскливой патиной кривые,

Являют реи, петли, выи...
И неотвратности мечи.

Вещей изменчивая суть
Не умаляет правды вещей;
И, монотонностью изменчив,
Алкает разум блага муть.

Извилист, долог коридор
Бездушья гама городского —
Но... чёрт поставил на хромого!

И долгожданен приговор.

ПРИЗНАНИЕ В ОБИДУ

в дрожащих лепестках
твоих ладоней

баюкается раненая
злоба,

готовится загнать под
крышку гроба

меня,
но я, прости, печальный
пони

в разодранной
на осени судьбе

закатом ослеплённой
нимфоманки

и знай,
что с выража
последней пьянки

я приползу, родимая,
к тебе

УМ ЗА РАЗУМ

ум да разум наши —
отшельники:
рушим детям своим
на беду
окружающую среду
в окружающие
понедельники...

НЕЖНОСТЬ

нежности прыть
из-под быта ухабин
пусть не избавит,
но позабавит
на перекрёстках
пронзительно скучных
в каше шипящей
подружек подручных

нежности плеск
по кладбищенским плитам —
сладкая рана
на сердце изрытом
горечью липкой,
памятью гадкой,
фразой избитой,
жизнью украдкой

нежности зуд
твои ноздри щекочет,
ты и не веришь,
ты и не хочешь...
палец шершавый
гладит промежность:
здравствуй, любовь!
и прости её,
нежность

ВЕРА ТАЛАНТА — ТАЛАНТУ ВЕРЫ

Раскачала похмелка сознание,
Раззадорила темечка вязь.
Да, я знаю, талант — наказание
И судьбинная с демоном связь.

Ох, не верится в только хорошее
За невзгодами и суетой.
Где и кем будут завтра допрошены
Моя совесть и песенник мой?

А наградой — печаль и терпение,
А порукой — открытая дверь:
Уходи, коль терзают сомнения,
И опять лишь в хорошее верь...

НАПОМИНАНИЕ МУЖЧИНАМ

Нам порой судьба даёт затрешины,
Прибавляя на чело морщины...

Красота — богатство только женщины.

АПРЕЛЬ-СЕНТАБРЬ. ОБРЫВКИ ДНЕВНИКА

спрячемся за
телеграммы капель

вяло-банальный рифмую

апрель
брызнул фонтаном
растрёпанных встреч

ласками-сказками —
маем сиречь

август
бежал от
июня с июлем

ты танцевала,
обмотана тюлем,
по балюстраде гостиницы сраной

странно,
но мне не казалась ты
странной

дыни в окно нам
бросали узбеки,
денег не брали
(в кои-то веки!)

завтрак — коньяк,
на обед — чебуреки,
в ужин целую янтарные веки

я бы, поверь, не уехал и
я бы...

но на вокзале проснулся

сентябрь
встретил дыханием
давней подружки

девушка, бланк телеграммы
не нужен

РАСКРЫТИЕ МУЖСКОЙ СУЩНОСТИ

ходим-бродим
мы
по свету
любим ту и
любим эту

но всегда жива
мечта:
отдалась бы мне вот
та!

РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ПРОШЕНИЯ

Сподобь, Господь, меня на покаяния
за дерзость нетерпения в душе,
бесцельные и праздные скитания,
измышленные в пьяном мираже.

Призри, Господь, благие устремления
мои, что не во время, невпопад,
несущие бесплодные борения,
в которых сам себе давно не рад.

Яви, Господь, надеждам утolenия,
а гонор одиночества — прости!
И пусть друзьям мои стихотворения
улыбками встречаются в пути...

ЖЕНСКИЙ ВОПРОС

у занавески небосвода
дрожит рука:
хочу свободы

решайся

жить под покрывалом
постылых «мама мыла раму»
под ежедневным взглядом-буром
«ну, дура, дура, дура, дура»
тебе сегодня надоело

кипит душа
в изломе тело

не утешает вид козлов —
подружкам тоже повезло

напротив окна
в окнах свечи
в свечах играют чьи-то плечи
скользят по бёдрам руки чьи-то

а помнишь песню «чита-дрита»
рассветный берег и туман
слегка пьяна
он тоже пьян

и догорающий костёр
пустопорожний разговор

ой, мама
мама далеко
и маме тоже нелегко

тепло, уютно в электричке

ура:
вольготно в клетке птичкой
«а вот и цыпа! цыпа, на!»

что
ты уходишь от окна?

ТРИ ГРУСТИ ЯНВАРЯ

1.
Недобитая гвардия белая
Разбрелась по оврагам и рощам...
Умереть стоя было бы проще,
Но расстрельщики, эх, неумелые.

2.
Неприкаянно зарево мается
Над посёлками и деревухами...
Мои музы сказались старухами
И свидания не получается.

3.
Новый год — это новая пропасть,
Новый берег, размытый туманом...
Бесшабашным весенним обманом
Наполняется осени робость.

БЫТЬ БЫЛО БЫ

Не придумаю больше желаний,
Не изведаю боли тоски.
На тропинках бесплодных скитаний
Стынут некогда роз лепестки.

Не прощай меня, тёплый ноябрь,
Не зови в парк утрюмых надежд.
Надоело быть «как бы» да «я бы»,
Жить рабом обстоятельств и меж.

Не заходят друзья в дни рожденья.
Не приходит меня утешать
Та, с которой без тени сомненья
Разделил и мечты, и кровать.

Не назначено, стало быть, было.
Не судилось. И не повезло.
Я бреду просветлённым дебилом,
А за мной волочится
Крыло.

МЫ

Мы привыкли желать и бояться.
Мы уходим с надеждой остаться.
Мы хотим тишины и покоя,
Но любить получается стоя.

Мы танцуем вокруг обстоятельств.
Мы черствуем в плену обязательств.
Мы в подушку, наивные, верим,
Что находками станут потери.

Мы искатели искренней доли.
Мы невольники завтрашней воли.
Мы измолены в истовом раже:
Ну, когда же?
Когда же!
Когда же...

ИЗМЕНА

Придумай оправдание правдивей...

Я помню тебя страстной и
ленивой,
смеющейся,
рыдающей и
кроткой,
с танцующей по берегу походкой,
доверчивой,
задумчивой и
хвАткой,
склонившейся над детской кроваткой,
заботливой,
скандальной до горячки,
и очумевшей от поклонов прачкой,
кокетливой,
надменной,
интриганкой,
тихоней,
моралисткой,
хулиганкой,
распущенной,
краснеющей,
игривой...

Придумай оправдание правдивей.

НОЧНОЕ ПИСЬМО

Я скроюсь за пределами тоски...
И память обо мне окрест отринут.
Пусть скромной маргаритки лепестки
Тебя в печали, милая, обнимут.

В исповедальнях радуйся, не плачь.
Былое рви, как старую рубаху.
А время, вечный лекарь и палач,
Пусть одного меня зовёт на плаху.

Прощения прощающих прости —
Они, закон природы, опоздали.
И не тревожься — мне легко грести:
Харон бывалый лоцман этой дали.

ЛИЧНОЕ ОСОЗНАНИЕ ГЛОБАЛЬНОЙ БАНАЛЬНОСТИ

Во все времена
неспроста
говорят:
минуты — бегут...
часы — идут...
годы — летят...

ПРОЗА

ПРОЗА

Зульфия АЛЬКАЕВА

Ногинск, Московская обл.

КЕДЫ НА ПРОВОДАХ

рассказ

Дедушка уже стал забывать, зачем ему ноги. Иногда в полумраке прихожей он копошился в карманах куртки, доставал паспорт, из паспорта — желтую, пропахшую табаком сторублевку и долго размышлял, как отправить ее по следу новенького блока сигарет «Тройка»... Жену попросить или дочь?.. Пойти в магазин самому мешала лень и мысль о теплой, нагретой июльским солнцем «будки»: так метко жена прозвала облюбованный им уголок на балконе.

Улица была не способна выманить дедушку из дома даже в самую приятную летнюю пору. Полдня проводя у окна с сигаретой в зубах, он тысячу раз окидывал взглядом двор с высоты десятого этажа: засекал, между прочим, кто, в котором часу и в какой автомобиль садился, чтобы отправиться на работу, когда в каком виде и с какой ношей возвращался. Седой лысоватый курильщик мог быть табельщиком, свидетелем, шпионом, участковым и просто народной совестью, если бы кому-то были нужны его наблюдения. Подобно тому, как брошенный сад зарастает лопухом и крапивой, так ум праздного пенсионера постепенно распухал, покрываясь сорняками пикантных подробностей чужих встреч и тусовок.

Родилась в Ногинске (Богородске). Поэт, очеркист, литературный критик. Автор четырех книг стихов. Публиковалась в журналах «Сибирские огни», «Дети Ра», «Зинзивер», «альманахах «День поэзии-2010», «Московский год поэзии», газете «Позтоград» и др. Член Союза писателей Москвы, Всемирного Пен-клуба (Московский центр) и Союза писателей XXI века.

Сведения у дедушки никто не запрашивал, а он все пристальней всматривался в тротуары, закоулки, крыши и людей, высунув голову из балконного окна... Это и была его виртуальная прогулка на свежем воздухе. Чего он потерял на самой улице? Чего там не видел? Роль реального пешехода он великодушно уступал жене, дочери, зятю и внукам: девятилетнему Саше и четырехлетней Полиночке.

Зато за внутриквартирные территории дедушка боролся отчаянно и вдохновенно, пуская в ход свои актерские данные, замеченные режиссером местного театра Голубиным в пору его службы рабочим сцены... Именно Костика Ларина (так звали дедушку в юности) попросили однажды выйти с короткой репликой на сцену, когда неожиданно заболел актер, играющий Аладдина в детском спектакле. Роль была короткой и тусклой, а воспоминания оказались долгими и яркими. Дочка каждый раз от души смеялась над любимой байкой отца; говорила, что он, мол,

лампу Аладдина сыграл и рад, что хорошо светились в темноте его засаленные шаровары. Глядя на мать, хохотали Саша и Полина, что особенно злило деда и вынуждало его еще яростней отговевать общие квадратные метры.

Появляясь поздним вечером в самом просторном помещении квартиры, на кухне, и обнаруживая полную горницу людей, дедушка начинал принимать позы греческих богов. Опираясь левой рукой на столешницу с серебристым мраморным рисунком, другую руку он заводил к затылку, а правую ногу живописно отставлял вперед. При этом он надувал губы и расширял ноздри, а глаза прищуривал, притворяясь, будто рассматривает что-то важное на большом экране жидкокристаллического телевизора, висящего на стене. Дети продолжали беспечно резвиться с игрушками до окончания последних мультфильмов, но на взрослых вид дедушки действовал угнетающе. Из уютной, дышащей бабушкиными оладьями кухни срочно хотелось слинять. Все так и делали. Слишком велик был риск дожидаться от деда приступа вредности, а затем и скандала из-за пустяка.

Минут через пятнадцать на кухне оставались лишь дед и дочка. Стараясь не выдать тревоги и волнения, дочь Наталья продолжала сидеть за столом перед монитором ноутбука, чтобы подготовить очередную лекцию по психологии или социологии, потому что работала она преподавателем в гуманитарном вузе. Интернет был проведен именно сюда, на кухню, и переместиться в комнату она не могла, тем более что в спальне бабушка начинала сложный процесс усмирения и укладывания детей.

Дедушку все эти нюансы не волновали. Ему бесполезно было объяснять, что кто-то работает. «Работаешь? Да не сочиняй! — Кричал он на дочь. — Ты по гороскопам лазишь! Ночью надо спать. Уже одиннадцать часов! Иди в спальню!» Багровея от злости, дед раздражено тыкал указательным пальцем в пульт управления, ставя звук телевизора почти на максимальную громкость. Просьба сделать ящик потише вызывала новую волну гнева. «Вот и шуруй отсюда, а я буду смотреть, что хочу и как хочу», — заявлял он. Упорствовал дед не только потому, что был глуховат — так он хотел достать дочь и заставить ее покинуть кухню.

Если ничего не выходило, он начинал выкуривать ее в прямом и переносном смысле. Дед хватал с холодильника пачку сигарет и закуривал, потом широко открывал окно, и, опираясь на подоконник, высовывал голову на улицу. Однако едкий дым широким, обтекающим всю тучную фигуру курильщика облаком возвращался в теплое помещение. Дед понимал, что некурящей Наташе дым и холод ночной улицы не понравится... Когда она уходила, он еще долго ворчал ей вслед. Если же дочь оставалась, неизбежно

разгорался скандал, в который вмешивались бабушка и зять. На шум из родительской спальни иногда прибегала четырехлетняя Полина. Уставившись на старика большими зелеными глазками, внучка звонко выпаливала: «Дедуля дугацкий! Кутит, кутит...»

«Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня». Этим извечным уроком бабушка, кстати, бывший педагог, пичкала по утрам своего благоверного. Мораль в дедушку не влезала, как не впихивалась в малыша какая-нибудь ненавистная правильная каша.

Что он мог откладывать, если планов никаких не было? На потом он регулярно оставлял не дела, но сам порыв к действию и даже к какому-либо заметному движению.

Переполаясь неистраченной энергией, как аккумуляторная батарейка, он угрожающе громко повышал голос, когда выпаливал критику или ругательства. Все должны были, наконец, понять, что главные в доме люди не те, что работают в поте лица, наводят в квартире порядок и колдуют над газовой плитой, а тот, один, кто круглосуточно сторожит домашние стены. Как верная собака, точнее, старый паршивый пёс, во двор уже выползающий редко, зато лающий так звонко, что никто чужой не съётся, а свой уважает и косточку даёт.

В организме еще не такого уж старого человека с прекрасным аппетитом и язвой желудка происходили неизвестные науке химические реакции, вызванные гремучестью его основного ежедневного топлива: сигареты, кофе, цитрамон, молоко. Смесь была взрывоопасной, потому что преобразовывалась в бурчанье, рычанье, а то и в истерическое извержение матерных слов. Дед всегда был готов кого-нибудь укусить. И еще он высказывал требования. Говорил, например, что жрать нечего, что никто не занимается детьми. Кроме того, праздный пенсионер регулярно подкладывал близким пакостные сюрпризы: оставлял в холодильнике пустые пакеты из-под молока и кефира, украшал столы и шкафы на кухне липкими чайными ложками, корявыми корками, надкусанными конфетами, пятнами, крошками, а главное — порой забывал запереть за собой входную дверь, возвращаясь с лестничной площадки, куда иногда ходил курить. Когда деда уличали во всех этих странностях, он упирался рогом и ни в чем не сознавался.

Бабушка, Ирина Ивановна, время от времени принималась стыдить мужа, строившего из себя глубокого старика. У них было удивительно разное отношение к жизни и к себе. Бабу Иру и бабушкой-то называть не хотелось. Она соорудила пышные прически, отыскивала на рынке модные платья и носила их исключительно с туфлями на высоких каблуках. Дочь по этому по-

воду даже говорила, что будь среди лифтерщиц конкурс красоты, так бабушка несомненно заняла бы в нем первое место.

Бабушкина вторая половина взята словно от другого яблока. Ее супруг на шесть лет младше, лишь пару лет как вышел на пенсию, но кто бы в это поверил, глядя на шаркающее в стоптанных ботинках, заросшее щетиной чучело.

— Посмотри, как ты обрюзг! Стал похож на беременную бабу, — наседала на деда Ирина Ивановна, — И хоть бы палец о палец ударил! Ни мусор убрать, ни посуду помыть, ни гвоздя забить не умеешь...Макароны, и те, сварить не можешь. Все меня ждешь с работы, а чего бы, казалось, проще: вскипятил воду и кинул в кастрюлю рожки или спагетти. Сам бы поел и Сашу накормил после школы. Сделай, наконец, что-нибудь для дома, ты ведь здесь целый день толчешься... — Еще чего! Хозяйство не моя забота, — заявлял дедушка, с укоризной переводя стрелки на домочадцев, — скажите мне, для чего в этом доме две женщины?..

— А ты кто?

— Я мужик как таковой!

— Таковой Как, — однажды попыталась сыронизировать дочь, но дед не расслышал ее слов, а бабушка предпочла ничего не объяснять.

Манера одеваться выдавала в дедушке не то чтобы чеховского человека в футляре, а скорее снежного человека в меховой скорлупе. Утеплялся он не в меру. Летом мог надеть на голову кожаную кепку с тяжелой подкладкой или зимнюю облезлую шапку. Объемную фигуру дед прятал в серую шерстяную кофту на пуговицах, а на ногах весь день носил теплые носки с ботинками.

Начитавшаяся умных книжек дочь советовала отцу меньше курить, уж во всяком случае не по две пачки сигарет в день, потому что забитые шлаками сосуды нарушают кровообращение. Дед не соглашался. Он с раздражением объяснял, что ноги у него холодеют от старости. Вот, мол, сама посмотришь, как времечко побежит после полтинника, — обращался он к Наталье, — хотя время его явно никогда не бежало, оно плелось, а теперь и вовсе сидело на цепи в будке.

«Ноги холодеют в холода. Только жопа теплая всегда», — срифмовала как-то дочка, но произнесла стишок вполголоса, чтобы не достаться адресату на растерзание. Реальный же диалог был примерно такой:

— Папа, лето на дворе. Ты бы еще валенки натянул!

— Ночной воздух холодный, а я простужаюсь часто: чуть какой сквозняк — уже дохаю.

— Что ж тогда на балконе торчишь днем и ночью?

— А где мне еще курить? Вы меня уже выселили из квартиры, в угол загнали, как бомжа. Где мне поселиться? Где? Вот была бы у меня отдельная

квартирка, сараюшка какая, я бы ушел от вас всех к чертовой матери. Один бы жил!

— Грязью бы ты зарос. Куда тебе без приходящей кухарки да уборщицы?

На этом этапе спор переходил в стадию непереводаемого кошмара, почти всегда завершаясь бабушкиным валокордином и желудочными спазмами деда.

Со свободолобивой натурой дедушки порядок не рифмовался, но под нажимом домашней общественности, что-то делать ему все же приходилось. Изредка деда Костю можно было застать за мытьем посуды. И это хорошо, ведь помощь его влетает семье в копеечку. Не моргнув глазом, дед подставляет посуду под толстую струю горячей воды, а на губку выливает за раз добрую четверть дорогого моющего средства. Долго мусоля в раковине посуду, он каждой тарелочке, как гламурной девице, устраивает ванну с ароматной пеной. Однако после столь шикарной процедуры посуда становится чистой лишь наполовину, потому что дедушка не прижимает губку к тарелке — он слегка водит ею кругами посередке, наивно полагая, что все остальное сделает за него горячая вода.

Примерно с тем же успехом дедушка подметал пол на кухне и мог делать это даже пару раз в неделю. Но когда контроль бабушки ослабевал, веник или щетка на длинной ручке переставали появляться в его руках. Только заговори кто об уборке, он скажет: «Вы все с улицы грязь приносите — вы и убирайте. Какой от меня мусор? Я не сорю, я — человек домашний».

Что творилось в «будке», то бишь на балконе, видимо, по мнению его хозяина, являлось творческим беспорядком. Ну, что здесь убирать? Пару грязных кружек и ложек, сладости, присохшие к детскому столику, захваченному дедом, посыпанное седой крошкой пепла мохнатое покрывало на балконном кресле, обгрызенные по кругу мятные пряники, пустые ячейки из-под таблеток?... Бытовые мелочи, пустяки! Все это раздражало жену и дочь, но удачно вписывалось в пейзаж за окном, где зеленые железные урны возле скамеек ежедневно распухали от содержимого так, что и в окружности пяти метров красовался легкий мусорный слой.

Своеобразная мини-урна бытовала и у дедушки на балконе. Собственно пол-литровую стеклянную банку с жестяной крышкой, стоящую на столике, можно было назвать эпицентром бедствия, визитной карточкой «будки», просто это было неясно с первого взгляда. Постороннему показалось бы, что в банке хранятся коричневые огурцы, смола или краска. Но там на самом деле были любовно засоленные дедом окурки. Мутная водичка, предварительно налитая в банку, должна была окончательно утапливать в своем болотце бычки или же слегка пригашивать только что начатые сигареты в случае, если

телефон или зов жены вынуждали курильщика срочно покинуть балкончик.

Подаренные дочерью изящные фарфоровые пепельницы с восточным орнаментом пылились в дальнем шкафу балкона. По мнению деда, банка была гораздо вместительней и практичней.

Глядя в телевизор и занимая свой наблюдательный пост на балконе, дед хорошо разбирался в политике и в том, что творилось во дворе. Внукам перепадала не самая большая часть дедушкиного досуга. В смысле такие заботы, как накормить, напоить, одеть, погулять — он всецело оставлял маме и бабушке, а вот контроль над Сашиними уроками мужественно брал на себя, скрывая от всех, что за отдельные домашние работы он на пару с второклассником периодически получал «тройки». Во-первых, дед Костя питал надежду на верность собственных решений мудреных школьных задач. Во-вторых, он ленился и немного стыдился то и дело спрашивать совета у образованной Наташи. Открыв для себя порочную практику деда, дочь старалась перепроверять уроки сына. Как не проверять, когда в сочинении про летние каникулы Саша с дедом наколбасили вот такое: «Из окон поезда я наблюдал, как на лугах паслись стада коров, овец, гусей и уток»?

Внука дедуля любил и баловал булками и шоколадками, которые покупал для него в свои редкие вылазки в магазин. Он как личный адвокат ревниво следил за каждым недовольным писком мальчика. Нужен внуку компьютер поиграть в гонки или в футбол, дед хмурил брови и устраивал бучу дочери, требуя немедленно уступить ребенку ноутбук. Любой Сашин конфликт с младшей сестрой дед так же пытался разрешить в пользу мальчика. Словом, за счет бесхозной дедовой энергии, накопленной на солнечном балконе, КПД капризов внука увеличивался раза в три к удовольствию второго и гордости первого.

Полина побаивалась грозного дедулю и хвостиком ходила за мамой, особенно после истории с дедушкиными волосами.

— Мам, а можно я дедуле бантик нацеплю? — предложила как-то маленькая озорница.

— Не выйдет, Полиночка, не за что бантик цеплять, у дедули Кости волосики больно жидкие, — объяснила Наташа.

— Жидкие? — удивилась малышка, — волосы жидкие, как какашки, да?

Полина покатила со смеху и долго еще сообщала всем членам семьи о свойствах дедулиных волос, а тот, разумеется, злился и рычал на дочь: «Дура ты, Наташка! Хамка! Чему ребенка учишь?»

Однажды Полина медленно плелась из детского сада. Держась за мамину руку, она, как обычно, выглядывала на крышах голубей и вдруг замерла, показывая рукой на электрические провода.

— Ой, что это? — вскрикнула она, — ботинки висят. Я боюсь — они мне на голову свалятся!»

Наташа успокоила ребенка, пригляделась к диковинке и предположила, что слегка провисшую линию провода, прочерченную чуть выше панельной девятиэтажки, в промежутке между домами украсили вовсе не ботинки, а кеды. Держались они на длинных связанных друг с другом белых шнурках. Их происхождение Наташа объяснила хулиганской выходкой каких-нибудь пролетающих мимо вертолетчиков.

— Фантастика! Какие тут вертолеты? Это как пить дать проделка работников ЖЭКа. Они ремонт на крыше делали и ради хохмы кеды чьи-то решили проветрить, — со знанием дела констатировал дедушка, когда Полина рассказала ему о находке и даже ткнула пальчиком в сторону чуда, видневшегося из окна квартиры.

— Дедуль, дедуль, ты — большой! Встань на лесенку, достань ботиночки, — упрашивала Полинка.

— Нет, Полин, даже папа твой на лесенке до них не дотянется. Высоко висят, а жаль, — сокрушался дед, — обувка новая, и мне бы впору пришлась. — К чему тебе кеды? Ты же не спортсмен? Тебе до аптеки и то в лом доплестись.

— Что ты понимаешь? Я когда был таким, как Саша, первым футболистом во дворе считался.

Поймав недоверчивый взгляд дочери, дедушка распутился не на шутку. Лицо приобрело кирпичный оттенок, а значит, противоречить ему уже было опасно.

— Хорошо, футболист так футболист, — согласилась Наташа. — Успокойся, ради Бога!

Марина ГУРТОВАЯ

Харьков

ВІДЛИГА

Відлига. Їду чорними шляхами по білим простирадлам землі і неба, поспіхом сколотих рідкими, але залізними гребінцями лісосмуг та кущів. Душа боса, швендяє де заманеться і нічого не питає, тільки скрізь зазирає у шпарини, а там знову і знову стає свідком всілякого життєвого дріб'язку. З чужих рук нічого не бере, але в мене весь час чого-небудь просить та скиглить. Серце же плигає на короткому ціпку, скавчить і гавка, бо закохане. Хаотичні візерунки кохання мчать по ньому, гарцюючи й перекриваючи один одного стрімко і безталанно, поки не опиняться в затятих формах і кінець кінцем остовпичать в більш-менш чомусь прекрасному...

Відлига. Пташиний бурлеск. Іду чорними шляхами, дивлячись у вікно, і думками крохмалю всі оці простирадла неба і землі, бо нічого кращого і розумнішого зробити неможливо, коли ти — випадковий свідок божественного життя на землі, особливо, коли в тебе зараз мокрі холодні ноги в зимових, трохи луснути чоботях, а душа — боса і їй гарно скрізь і усюди, усюди і скрізь. Звіряче передчуття Весни скавчить і плигає на короткому ціпку.

Господи, як його зігріти хоча б на мить? Як його приручити?

Дмитрий ЖУКОВ

Харьков

СЛЁЗЫ С НЕБА

Пошёл дождь. Я вытянул руку перед собой и молча наблюдал за тем, как в руке собирается дождевая вода. Капля за каплей она собиралась в моей руке. Скоро в моей ладони капли превратились в маленькое озеро. Как удивительно тихо на поле боя после сражения. Как удивительно спокойно на поле боя после сражения.

Я остался стоять. Нет, я остался жить! Хотя передо мной всё так же безмолвно лежали тела моих павших товарищей и убитых нами врагов, я выжил и остался стоять.

Словно околдованный, я смотрел на это маленькое, появляющееся и исчезающее озеро в моей ладони. Дождь продолжал идти. Столько капелек уже успело сменить те капли, что появились в самом начале этого маленького озера в моей ладони.

Не отрываясь, очарованно смотрел только на это маленькое озеро, хотя кругом лежали мёртвые друзья и недруги. Нет, лежали только мёртвые, что больше не были — не могли быть ни друзьями, ни врагами! Кем же тогда они были?

Взглянув перед собой, я увидел всё то же поле боя. Кроме уже “не друзей” и “не врагов”

повсюду валялись ненужными и бесполезными копыя и пики, погнутые сабли и осколки мечей благородных рыцарей, щиты — если не разбитые в пух и прах булавами и секирами — то усеянные стрелами, словно спины ежей иголками. Только вот острия этих иголок торчали вовнутрь, и потому ежи-щиты лежали мёртвыми и немыми. Какой же гул стоял здесь тогда! А теперь так тихо и хорошо. А ведь могло бы быть ещё лучше! Если бы только ... если бы ... только ... если бы только мы все не пришли сюда. Тогда все были бы живы.

Где-то вдалеке я услышал, как добивают врагов и ищут ещё живых соратников. На другом конце этого поля, над которым вихрем и ураганом пронеслась битва; этого поля, которое стало ареной для безумия и насилия было то же самое, только наоборот — добивали наших, кто был им недругом и искали своих, кто приходился неприятелем нам. Какое огромное поле. Какая безумная битва! Сколько боли и горя собралось в одном этом месте! Скоро соберутся падальщики и мародёры. Скоро! Очень скоро.

Моя левая рука продолжала сжимать копьё. Я сжимал его так крепко, словно битва должна продолжиться. Словно мало было кому-то внутри меня той битвы, что уже пронеслась здесь. Я сжимал древко копьё, а затем вдруг выронил его — копьё! Оружие, которое я когда-то поклялся не выпускать из рук никогда. И я был верен этой клятве много лет. Глупая, никому ненужная верность холодному металлу, выкованному руками легендарного мастера-кузнеца. Умирая, этот человек сказал мне, что я единственный, кто владеет копьём лучше, чем он, и потому достоин этого оружия. Я гордился оказанной мне тогда честью. Теперь не горжусь.

Я подставил правую руку, присоединив её к левой, и дождевые капли продолжили собираться в них. Теперь маленькое озеро, умещавшееся в одной ладони, могло стать больше. Я заворожено смотрел на свои ладони и на воду, превращающуюся из маленького озера в озеро чуть больше — озеро размером с две ладони. Наверное, если бы бой начался вновь, то я бы погиб. Наверняка бы погиб! Но даже не заметил бы этого. Кто знает, быть может, никто бы не заметил меня — человека, который собирал дождевую воду в своих ладонях, верящего, что вода в моих руках становится маленьким озером.

Затем я посмотрел в небо. Оттуда на меня и в мои ладони падала и стекала по моему лицу небесная вода. Я поднял вверх руки с маленьким озером из дождевых капель столь бережно, что не проронил ни единой капли. Наверное, в эти мгновения мои губы шептали слова молитв,

а в моей голове проносились причудливо-чудесные образы. Возможно, мне хотелось вернуть небу его слёзы или, быть может, хотелось сказать, что мне удалось собрать их и что очень дорожу ими. Затем я поднёс их к своему лицу, закрыл глаза и омыл слезами с неба свой лоб, свои глаза, ощутил губами необыкновенную прохладу небесных слёз.

Собранные моими ладонями капли текли по моему лицу не так, как это делала вода с неба. А потом я почувствовал чью-то руку на своём плече, но не испугался от неожиданного прикосновения, прервавшего столь внезапно меня. Внутри меня больше не осталось тревог и беспокойства. Обернувшись так, словно в этой жизни меня уже никто и ничто не могло ни удивить, ни испугать, я встретился взглядом со своим другом. Он ушёл на войну год назад и не вернулся. Его тела не нашли, но никто не сомневался в том, что он мёртв. Выходит, всё это время он был жив, и он сражался здесь со мной, а я даже не знал об этом? На душе мне сделалось столь радостно — мой друг жив!

— Пойдём, — сказал он, и мне послышалось, как где-то вдалеке прогремел гром. — Я долго ждал тебя. Нам пора.

— Куда? — удивился я столь искренне, что лицо моё, наверное, выглядело в эти мгновения так же наивно, как у маленького ребёнка. В глазах друга я увидел, что это так. Он был рад тому, что в моей душе ещё жил тот “ребенок”, которого он спас много лет назад.

Мой друг улыбнулся и ответил.

— Туда, — он посмотрел вверх — в само небо.

— Туда? — снова удивился я. — Но ведь человек не птица, чтобы летать! Или же ... ты хочешь сказать, что мы... — я не договорил, пытаюсь осознать услышанное. Но мой друг сказал это так легко, словно мы и впрямь могли полететь, словно птицы, и оставить это печальное место навсегда.

— Мы не мертвы. Мертвы они, — мой друг кивнул на тех, кто бродил, ища живых и тех, у кого могло оказаться что-то ценное.

— Отвратительно! — мне стало до того противно, что я готов был броситься на них и растерзать, даже несмотря на то, что это были солдаты одного из наших корпусов.

— А ты ожидал чего-то другого? — теперь удивился мой друг. — Однако нам пора. Пойдём, — несколько более настойчиво произнёс мой друг и я последовал за ним в это удивительное небо, чьи слёзы только что очистили мою душу.

“ПЕЧАЛЬ ОГНЕННОЙ ПТИЦЫ”

“Кто придумал для меня столь ужасную участь — сгорать в собственном огне, умирая от пламени, которое живёт в моём сердце, а при жизни меня оберегает? Пришло моё время: я умираю и ощущаю близость конца. Моё тело становится таким горячим, что даже мне не выдержать этого жара. Я, словно звезда, что вот-вот безумно воя от боли, взорвётся и разнесётся по космосу всепожирающим огнём, моля о пощаде. Однако мне предстоит возродиться, но это так же больно, как и умирать. Возрождение в огне. В это мгновение. В это самое мгновение даже огонь ощущает боль нашими телами — телами огненных птиц. Как жестоко. Я — огненная птица! Я — символ огня и бессмертия и в то же самое время я — раб. Мне трудно увидеть в этом красоту. Увидеть в этом величие, которым так восхищаются и превозносят. Каждый из нас — из рода фениксов — рождается не так, как рождается обыкновенная птица. Нас не высиживают заботливые родители. Наш отец — это огонь. Наша мать — это боль. Возродившись, мы забываем о том, какими были прежде. Боль забирает нашу память. Огонь сжигает воспоминания. Пепел — вот и всё, что остаётся от прежней жизни. В нём мы когда-то были велики и когда-нибудь, когда вновь познаем всё величие огненной птицы, тогда мы вновь обратимся в ничто — в прах. Правда заключается в том, что на самом деле мы живём лишь мгновение. И это наша самая главная радость, но она же — наша бесконечная и безутешная печаль. Чем дольше ты терпишь боль, тем она сильнее. Мы должны сгореть в лучах собственного величия и возродиться, утратив прежние воспоминания о нём — о мгновении, когда мы становились говорящим солнцем. Пламя феникса! Нет в этом мире ничего горячее нашего огня. Нет ничего более беспощадного, чем то, что ждёт нас в конце нашего пути. Свою силу мы отдаём тем, кто в ней так нуждается. Мы служим свету. Но такова наша судьба! Фениксы её не выбирают. Лишь судьба выбирает того, кто станет следующей птицей огня, которой суждено погибнуть много раз, но никогда не умереть по-настоящему. Говорят, величайшие маги научились создавать нас, помещая человеческую душу в огонь, и тогда огонь обретает разум, душу и сердце — и живёт! Говорят, один чародей когда-то сам стал фениксом. Он был первым, кто стал птицей огня. Человек принёс себя в жертву. Принёс пламени в дар свою душу, слившись навеки с огнём, чтобы спасти свой мир от гнилостного разрушения, что поглощало его несчастный мир, превращая всякое живое существо в чудовищное подобие жизни. В ком из нас живёт душа этого величайшего безумца, который погубил себя и дал жизнь всем нам — огненным птицам? Быть

может, этот чародей — это я? Мои воспоминания утрачены, как утрачивает их каждая птица огня, служа и защищая тех, кто дарит нам жизнь в огне. Быть может, я жил праведной жизнью, когда был человеком и принёс себя в жертву ради того, чтобы мой мир жил. Ведь если такая боль и печаль живёт в моём сердце, быть может, кто-то помолится за меня и поблагодарит в своих молитвах за тот подвиг, о котором я забуду, когда придёт моё время, когда придёт время нового перерождения! А, быть может, душа была моя грешна настолько, что даже я сам содрогнулся, осознав весь ужас и всю тяжесть своих проступков? И в тот самый миг пожелал искупить свою вину, приняв этот огонь, каждый раз очищающий меня от зла, которое я совершал бесчисленное множество раз, а боль — это лишь напоминание мне о том, что я натворил, но не вспомню уже никогда. Тогда, наверное, это справедливо — вечно страдать! Однако что же ужаснее — помнить о том, что натворил и тяготиться этим или же, быть может, утратить всякие воспоминания и от того мучиться еще больше, гадая — кто же ты — святой или грешник? Принёс ли я сам себя в жертву ради того, чтобы свет огненной птицы подарил надежду другим или же сам я дрожал перед лучами света ангелов, которые явились за душой грешника, чтобы покарать его? Этого я уже не узнаю никогда”.

Александр ЗАРХИН

Харьков

НАТАША И ЛЕНОЧКА

рассказ

Познакомились мы в кафе — оказались за одним столиком. Я — со знакомым, она — с другой — блондинкой. Блондинку я не рассмотрел, а ее знакомая была длинная, загорелая, брови строгие, как у Мальвины, но волосы не голубые, а русые какие-то. В общем — иностранка.

Разговор получался общим:

— А с кем она была?

— Я его не знаю... скромненький такой...

— Их техника рассчитана на интенсивную эксплуатацию. Тут простаивает.

— Наша просто ломается...

— Неужели, он уехал с другой?

— Конечно! Ей лет сорок...

— Тут надо говорить обо всем программном обеспечении.

После этой его фразы мое терпение лопнуло.

— Слушай, — говорю, — ехал я недавно в метро около полуночи. Вагон, понятно, почти пустой, но садиться не хотелось. Стал напротив двери. На станции двери открылись, и я увидел дверной проем встречного поезда. Вдруг справа, из невидимой части того вагона, упала красная женская сумочка. Слева наклонился мужчина, поднял сумочку и протянул ее. И вдруг я увидел, как оттуда же, справа упала женщина, одетая в красное. Тут же двери захлопнулись, и тот поезд уехал.

— Да, сказал мой знакомый, — я знаю, многие не хотят заниматься наукой. Заканчивают вуз, устраиваются на работу и живут в свое удовольствие.

Я заметил, что подружки внимательно слушали мой рассказ.

— А я прочитала «Яму», — сказала иностранка.

Подтверждая сказанное, она вытащила из сумки большой том Куприна, открыла и начала читать блондинке.

— Мы недавно получили новый графический комплекс, — не унимался знакомый.

— Подожди, послушаем Куприна!

Заметив мое внимание, иностранка замолчала.

— Будете еще читать?

— Потом.

Через несколько дней я встретил ее на улице. Мы поздоровались, прошли друг мимо друга, но что-то толкнуло меня повернуться и догнать ее:

— Спасибо за Куприна. Я перечитал «Яму», она глубокая.

— А у меня настроение плохое.

— Я бы помог вам, но сейчас не могу. Давайте, в другой раз. Как вас найти?

Она назвала телефон.

— А позвать кого?

— Наташу.

Через несколько дней я позвонил.

— Кто это?

— Куприн.

— Какой Куприн?

— Который нашел яму глубокой.

— А, поняла!

— Если ваше настроение не улучшилось, то нам надо встретиться.

— Давайте, только я закончу свои дела. Позвоните завтра, часов в двенадцать.

В полдень к телефону никто не подошел. Наташа сняла трубку в полтретьего.

— Я все время занимаюсь экзаменами. Только что пришла, но мне надо выйти еще на часок. Позвоните попозже!

Через час ее, разумеется, не было. Она появилась через три.

— Вы могли бы подойти сюда, ко мне должен зайти один человек.

— Зачем же я приду?

— Нет, это дама! И она скоро уйдет.

— Нет, Наташа, давайте перенесем на послезавтра.

— Хорошо, давайте! Послезавтра в четыре, знаете где?..

— Давайте, вы будете выбирать время, а я — место.

— Ну, давайте!

Я купил стограммовку коньяка... для брудершафта. Я собирался распить ее с ней, в зарослях сирени, которую мы пошли бы воровать. Но Наташа не пришла, чему я уже почти не удивился. У меня отпала охота узнавать, чем все это кончится. Впрочем, после коньяка я разозлился и позвонил.

— Я только что пришла с экзамена, сочинение писала, — сказала она, — на мне еще белый фартушек!

— Что же теперь?

— Приходите сюда. Знаете, где Кошачий рынок?

— Сегодня вы никого не ждете?

— Нет, сегодня никого.

— Тогда, через час.

По длинному темному коридору Наташа привела меня в огромную комнату с картинами, распятиями и прочими произведениями. Особое впечатление производила фотообойная стена, на которой висела дорогая рама. В раме была часть пейзажа, хотя и вне ее нарисованные березки шелушились листиками. Мебель просто терялась, хотя можно было найти и ее.

— Садитесь, — предложила хозяйка.

— Не хочу.

— Разве так бывает?

— Кто это рисовал? — спросил я о женском портрете.

— Муж моей мамы... она сейчас на гастролях.

Я хотел спросить, где же муж, но передумал.

— Больше всего мне нравится рама, — показал я на фотообои.

— Извините за беспорядок. Надо убрать, но не хочется. После этого сочинения я просто больная!

Наташа бросилась к телефону и стала одну за другой приглашать подружек. Первыми пришли Оксана и пятилетняя Леночка. Оксана начала рассказывать, как отдыхала в пансионате, где ей не понравилась температура борща. Тарелку с ним она надела на голову шеф-повару:

— Я не привыкла есть холодный борщ!

По отношению к Леночке она играла маму — боялась, что беременная кошка поцарапает девочку, что Лена испортит какой-нибудь окружающий шедевр, и потом «мы всю жизнь не расплатимся». А в общем, ничего она не боялась.

Я сел в кресло, Наташа ушла куда-то «на десять минут», оставив нас втроем. Оксана вещала всюду:

— Я не признаю женщин, которые замыкаются на семье. Моей маме пятьдесят, а она выглядит на тридцать, папу принимают за моего мужа. Как-то в Феодосии двое ребят хотели снять нас с мамой. Каждой женщине хочется нравиться, это в нас заложено.

Ко мне на колени пришла кошка, за ней — Леночка.

— А почему она ко мне не идет?

— Не знаю.

— Лена, оставь кошку в покое! Она тебя поцарапает!

Леночка с трудом поместилась в кресле рядом со мной:

— Сделай, чтобы она пошла ко мне на колени!

— Я выросла избалованной, но с Леной не сравнить, ей все разрешают, а женщина должна быть сильной. Я вообще считаю, что у нас матриархат.

Я поднялся с кресла, чтобы кошка осталась с Леночкой, но кошка прыгнула и побежала из комнаты. Леночка побежала за ней. Я взял с серванта прозрачный шар — маленькое море, запечатое в стекло. На дне были навалены белые и синие камни, из которых к поверхности тянулись грибы ядовитого цвета.

— Мне дают не меньше двадцати пяти, никто не верит, что мне девятнадцать и Лена — сестра... Поздний ребенок... Лена, встань с пола! Ты посмотри на свои колени! И не ходи на балкон, там холодно!.. Представляете, и это — лето! Я в Крым собралась. Вот будет отдых!..

Я представил, как Оксана собирает дождевую воду в ведро и несет вылить ее на голову лету. Прозвенел звонок. Но это была не Наташа, а еще одна ее подружка. Она настороженно посмотрела на меня:

— Здравствуйте...

И дальше уже Оксане:

— С утра не курю, сосу леденцы. Столько уже съела!.. А где Наташа?

И они начали говорить о туалетах и бижутерии. Я показал Леночке шар:

— Видишь, камни двигаются! Наверно, там краб, он выбраться не может.

Лена засмеялась:

— Двигутся... А это море, да?

— Море, только маленькое. И в нем растут грибы.

— Какие?

— По-моему, поганки.

Лена устала сидеть на грибах. Я подошел к распятию, стоящему на серванте. Нижняя часть фигуры была одета в футляр. Я легко снял его. Внутри Иисус был совершенно голым.

Наконец пришла Наташа. Началось обсуждение достоинств и недостатков помад. Потом выяснилось, что сосательница леденцов принесла итальянские штаны. Оксана отправилась в другую комнату переодеваться, потом вышла в штанах и остановилась в центре. Она была похожа на школьницу, рассказывающую стих нескольким учителям... поочередно смотрела на каждого из нас, кроме Леночки.

— Хорошо.

— Именно тебе они идут.

— И сколько?

— Сто двадцать.

— Если бы они были на пять сантиметров длиннее, они бы сказали сто восемьдесят!

Я вышел на балкон. За мной пришла Леночка.
 — Тебя будут ругать за то, что вышла. Я не хочу, чтобы тебя ругали!
 — Наклонись!
 — А ты меня за бороду дернешь.
 — Не дерну!
 Я наклонился, и она дернула меня за бороду.
 — Теперь я не буду тебе верить.
 — А где ты живешь?
 — Там!
 — На Черномазовской?
 — Нет, дальше. Туда надо ехать на трамвае.
 — А я гладила кошку вот тут, и ей нравилось, а потом хотела погладить по животу, так она меня чуть не укусила!
 — У нее там котята. Она их бережет.
 Под окном проехал трамвай, и я пожалел, что уже не успею на него.
 — Ладно, Лена, я пойду!
 — Нет, не уходи!
 — Ну, хорошо, еще минутку...
 — Только, длинную минутку!.. Приходи к нам в гости!.. Я живу там, на Черномазовской. Придешь?
 — Лучше мы на улице встретимся. Случайно.
 — А я тебя люблю.
 — Почему?
 — У тебя голос хороший.
 — Ты мне тоже нравишься.
 — Почему?
 — У тебя нос красивый.
 — Ну, ладно, иди. Я тебя отпускаю! — и она сделала королевский жест.
 В комнате все сидели, только сосательница ходила взад-вперед:
 — Я как кошка в клетке!
 — А как кошка в клетке?
 — Посмотрите на меня!
 Я посмотрел. Пожалуй, она была ничего.
 — Кому придет в голову сажать кошку в клетку? Я так не хочу, я пойду!
 По темному коридору я пробрался к входной двери. Наташа пошла провожать.
 — Дверь открывается?
 — Вот так. Звоните!
 — Пока, Наташа.
 Я вышел из подъезда.
 — До свиданья!
 Я оглянулся и увидел Леночку на балконе.
 — До свиданья, Лена!
 — А почему ты сказал, что живешь там, а пошел туда?
 — Я на остановку!
 — Приходи еще!
 Я пошел к остановке и, когда свернул за угол, вдруг пожалел, что не обернулся и не помахал девочке рукой.

ВСЁ БЫЛО НОРМАЛЬНО

(о концерте Марыли Родович
в Харькове)

Она была секс-бомбой мирового класса. Она и теперь чемпионка, если не мира, то зала, по крайней мере — сцены. Там кроме нее нет женщин, там только мужчины, даже — мальчики. Они — виртуозные музыканты. Она и не смотрит на них, хотя задор их соло иногда трогает ее. Тогда она устало улыбается, будто ей сказали приятное. Тогда она перестает быть похожей на секс-бомбу. Кажется, что бомба взорвалась, по сцене разбросаны осколки металла и этот металл драгоценный. Но зал кричит: «будь!», он требует: «будь звездой!», и она опять собирает осколки в бомбу.

Из отзыва о концерте: «Блузон со змейками тут и тут. Трико черное, а по бокам цвета льва... Нет, львицы. Это — разные цвета.

Мужчины,
 Делайте с нами, что хотите:
 Дарите нам цветы или нет,
 Бейте или не бейте нас,
 Любите или не любите...

— А тебя можно, — спрашивает зал чьим-то пьяным голосом.

— Заходи, посмотрим! — Небрежный кивок за кулисы, и пьяный голос растворяется в ее стальном взгляде из-под ленточки, подвязывающей светлые волосы.

Эту ленточку знает весь мир. Двадцать лет она летает над гитарой. Раньше, вероятно, летала быстрее, а ее обладательница занимала на сцене меньше места. Но и теперь над трико и курткой висят глаза настолько светлые, что непонятно, есть ли они. Кажется, если бы она взлетела и посмотрела вниз, сквозь глаза было бы видно небо. Когда она поет, глаза тоже поют:

Жизнь — это бал, который не дается дважды.
 А жаль!

Из отзыва о концерте: она полтора часа разглядывала себя. Это такой спектакль — на что я еще способна, а на что уже нет.

Ох уж это «еще «! Ваши глаза опытной девочки ЕЩЕ летают над гитарой, ваши волосы ЕЩЕ светятся, создавая впечатление ореола. Неужели вы закончите вместе со своей взрывоопасностью? Неужели вы считаете, что кроме этого ничего нет? Неужели вы обречены на этот надрыв:

Ну и что? — Черти что.
 Что было, то сплыло,
 И я за это в ответе.

Из отзыва о концерте: как она растолстела!

Вам несут цветы, весенние влажные тюльпаны, много тюльпанов, вы завалены ими. По традиции вы перебиваете рукоплескания следующей песней. Вы и аплодисментами завалены, как тюльпанами. Пятнадцать лет назад вам тоже дарили цветы, но сейчас их вам дарят дети. Вы рады? Вы ведь любите детей? А раньше?..

«Зал был, как граната. Финал каждой песни служил сигналом к взрыву: крику, визгу, свисту... Некоторые прыгали на стульях. Она давала залу взорваться до конца, без остатка, поднимала руку, начинала новую песню и наполняла зал новой энергией. Все приходило в состояние транса: раскачивались ряды, многие закрывали глаза и махали руками, которые становились похожими на ветви деревьев под ветром. Они раскрывали ладони и тянулись к сцене, впитывая энергию музыки и певицы. Становилось ясно, что в конце прошлого взрыва была не точка, а многоточие.» (из статьи за 1972 г.) Эти воспоминания пятнадцатилетней давности — тоже ваше украшение? Украшение памяти?

Что было, то сплыло.
 И я за это в ответе.

Вы выходите на авансцену, и все становится на свои места. Глаза приземляются на лицо, ленточка подвязывает женские волосы. Без микрофона, негромко, но трагично вы повторяете и повторяете:

Ну и что? Черти что:
 Что было, то сплыло.

И уходите. Уходите долго, в окружении шутовской свиты, которая помогает забыть, что это было полуторачасовое разглядывание себя. Отвечая на аплодисменты, вы снова появляетесь на краю сцены, поднимаете руку, прощаетесь. Что было, то сплыло. Помните, когда вы пели буги-вуги «твой пиджачок взлетает вверх под потолок», вы крикнули: «Внимание, танцую!» Теперь вы другая. Вы просите отпустить себя, не смотреть слишком долго, мы все устали.

Из отзыва о концерте: мы все постарели — и я, и она, и музыка.

Когда уборщицы станут выметать бумажки из-под стульев, а отзвуки музыки спрячутся в такие закоулочки зала, откуда их никто не выметет, я приду к вам за кулисы и скажу:

— Здравствуйте!

— Да, здравствуйте. Хотели, правда, прийти не вы, но я рада, что это вы. Я запомнила — вы сидели во втором ряду слева. Сегодня я поняла, что можно устать от детей. Они вереницей шли на сцену и дарили, дарили, дарили цветы!.. То, что можно устать от цветов, я поняла давно...

Все-таки, вы и теперь позируете. Я бы сказал вам это, но слишком мало вас знаю. Я пришел потому, что хотел увидеть — какая вы не на сцене.

— Я хотел увидеть, какая вы не на сцене. У меня нет цветов, и я сейчас уйду.

— Скажите хоть, понравилось ли?

— Сначала мне показалось, что вам разрешили петь, а потом вы и мы раскачались и все было нормально.

Она повернулась к зеркалу, а я посмотрел на нее и вспомнил, что она пела песню, совсем не подходящую к этой программе:

Я лежу под развесистой грушей,
 Говорю себе в день этот знойный:
 Никого никогда ты не слушай,
 Будь спокойной!

1985 г.

Александр КОНОПЛЯ

Буды, Харьковская обл.

Конопля Александр родился и живёт в посёлке Буды (Харьковская обл-сть). Окончил Харьковский политехнический институт. Работает в ОАО «Турбоатом» инженером.

Член Международного клуба православных литераторов «Омилия».

Автор четырёх поэтических сборников.

Стихотворения пишет на русском и украинском языках.

БЕЛЫЕ ПТИЦЫ

Переборов лень, я встал с кровати, перекрестился и прочёл «Отче наш». Воскресенье. Шесть утра. За окном о чем-то кричат воробьи, пытаются разбудить сонную листву. Один единственный день когда я могу дольше поспать. По субботам тоже приходится работать — дополнение к зарплате, да и работы хватает. Поездки в город на завод, где я работаю инженером, стали привычными. Немного утомляют ранние подъёмы и полтора часа пути тремя видами транспорта.

«Нужно побыстрее собираться, — сказал я себе, — в церковь нельзя опаздывать». Каждое воскресенье я стараюсь ходить в местный храм. Наша церковь была освящена в 1991 году и названа в честь Озерянской иконы Божией Матери. Выйдя со двора, я пошёл по песчаной дороге мимо соседских дворов и, перейдя железнодорожные пути, вышел на широкую асфальтированную. Летнее утро выдалось светлым и ароматным. Посёлок ещё спал, и только редкие прохожие спешили в сторону базара. Люблю свой посёлок, его тихие, радужные поля, небольшие лесочки и добротные, наполненные чистой водой пруды.

Дойдя до поворота, я увидел на примыкающей улице идущую с сумками Валентину Павловну и, решив ей помочь, пошёл навстречу.

Валентина Павловна, высокая, статная женщина с берущимися проседью смоляными волосами, принадлежит к числу тех немногочисленных прихожан, которые охотно участвуют в церковной жизни храма. Она печёт просфоры, убирает двор, готовит обеды для мастеров, расписывающих церковь.

— С праздником вас, Валентина Павловна!

— И тебя с праздником, Сашенька!

Я взял у неё сумки и мы вдвоём пошли в храм.

— Что новенького, как ваши дела? — поинтересовался я и немного замедлил шаг — до начала службы было ещё полчаса.

— Спаси Господи тебя, Александр, слава Богу за всё! Что нового? Да, вроде бы, ничего...

А ты слышал про сон, который приснился Вере Ивановне?! Ты же знаешь мою подругу Веру Ивановну? Они с мужем Николаем частенько приходят в наш храм.

— О сне мне никто не рассказывал, а Веру Ивановну и её мужа, конечно, знаю.

— В понедельник пошла я к Вере Ивановне на поминки её свекрови, — начала свой рассказ Валентина Павловна. — Было несколько соседей и родной брат Веры Ивановны с внучкой. Помолились, сели за стол. Вера Ивановна положила гостям кутью и пригласила отведать приготовленные блюда. Мы пообедали и вспоминали покойную.

Вдруг Вера Ивановна говорит: «А знаете, какой мне сон этой ночью приснился?» — и тут же стала рассказывать.

Снится ей, что вышли они с мужем из многоэтажного дома. Дело в том, что раньше они жили в городе, потом переехали в наш посёлок. Вокруг — светло, хотя не было видно солнца. И ветра нет, просто много яркого света. Завернули за угол дома и вышли на лужайку с невысокой, будто подстриженной травой, необыкновенного зелёного цвета.

А в руках мужа — небольшая сумка.

— Давай покормим наших птиц, — говорит

ему Вера Ивановна, достала из сумки зёрна и начала бросать их на траву.

По всему лугу образовались светло-жёлтые пшеничные островки. Неожиданно, неизвестно откуда, появились белые птицы и стали радостно клевать пшеницу. А через какое-то время прилетели ещё несколько и тоже стали клевать корм.

— Смотри, а это чужие птицы, — говорит ей Николай.

— Вижу, — ответила она.

— Пусть клюют, пшеницы на всех хватит.

Вдруг Вера Ивановна увидела двух женщин, одетых в белые балахоны. Они несли в руках котомки.

Вера Ивановна пошла им навстречу и узнала свою бабушку и свекровь. Было видно, что они рады её видеть и хотят поблагодарить.

Бабушка достала из котомки конфету и дала Вере Ивановне. Вера развернула её и начала кушать. Такой ароматной, вкусной конфеты она никогда и не ела!

Ей очень захотелось ещё съесть такую конфету. Она пошла по улице, чтоб купить их в ближайшем магазине. Вокруг не было ни людей, ни машин. Дома были словно нарисованы... Вскоре она подошла к магазину и зашла в него. За прилавками было много продавцов, и к каждому из них стояли люди. Вера Ивановна увидела понравившиеся ей конфеты и тоже стала в очередь.

Прошло какое-то время и она заметила, что стоит на месте. Перешла в другую очередь, но и там стоящие впереди медленно двигались, а она стояла на месте! В очередях никто не разговаривал, каждый хотел поскорее подойти к прилавку и взять заветные конфеты.

В недоумении Вера Ивановна вышла на улицу и в это мгновение проснулась, ощущая вкус и аромат съеденной конфеты!

Вера Ивановна рассказала, что она думает о своём необычном сне.

Она стала благодарить Господа за то, что дал ей возможность увидеть умерших родственников. Вдруг обратила внимание на два списка возле молитвослова. В одном были имена умерших родственников Веры Ивановны, а в другом — её знакомых. И за тех, и за других она молилась в церкви и дома. И тут она всё поняла: белые птицы — это и были их души! Зерно — её молитвы, а в таинственном магазине душам умерших раздавали благодать. Благодать — это наши панихиды по умершим и поминание их на Литургии. Купить конфеты Вера Ивановна и не могла, потому что принадлежала к другой, земной жизни!

Когда Валентина Павловна закончила свой рассказ, мы уже подходили к храму.

Я был так поражён услышанным, что лишь сказал ей: «Спаси вас, Господи!».

Возле нашего храма есть голубятня. Обычно, я не обращал внимания на птиц, клюющих

корм. Но сейчас, мне показалось, что кто-то нам смотрит вслед. Я обернулся и оторопел: среди голубей, мирно разгуливающих по земле, было и несколько белых птиц! Они словно хотели мне что-то сказать!

Перекрестившись и сделав поясные поклоны, мы зашли на церковный двор.

Я снова обернулся, но белых голубей там уже не было, и лишь в небесах я разглядел силуэты, уплывающие сквозь облака в неизведанную даль.

— Пойдём, Сашенька, и мы кормить своих белых птиц, — сказала Валентина Павловна и мы, торопясь, вошли в храм.

КОЛЁСА

Осень. Поздняя осень. На огородной меже, словно воины, в ряд стоят необрунные стебли кукурузы. Окрепшие сорняки нагло зеленеют на фоне поблёкшего луга.

Осень. Поздняя осень. Соседская собачонка забежала в мой двор. Дворняги Багира и Умка раздражённо разлаялись в унисон.

Я — отпускник. Непривычно никуда не спешить в будние дни.

— Норд, ко мне! Ко мне, я сказал, — услышал я знакомый голос на улице. Родной дядька Александр, потешный мужичок с густой каштановой шевелюрой. Он много говорит и при этом через каждое слово матерится. Меня от этого корбит, но делать замечания я стесняюсь, почитаю его старшинство.

— Привет, дядя, — громко сказал я, выйдя на улицу.

Огромная рыжая овчарка с чёрной головой подбежала ко мне, виляя хвостом. Пёс посмотрел мне в глаза, приятельски кивнул мордой и отвернулся, принявшись обнюхивать песок. Рядом с Александром стоит машина нашего уличного депутата Романа. Они о чём-то говорят. Через мгновение автомобиль Романа тронулся, и депутат, поздоровавшись со мной, поехал к своему двору.

— Привет, племянник, — крикнул дядя, быстро подходя ко мне и протягивая руку.

— Вот натворили, так натворили! Ты слышал, что вчера произошло?!

— Нет, — ответил я.

— Видишь колесо возле колодца, его вчера вечером достали оттуда! Где второе — неизвестно. Это колёса Романа. Они лежали у него возле двора.

Я опешил. Для меня земля и вода — святыни. Загрязнять их — страшный грех. А это — уличный колодец! Чистая, родниковая душа всей улицы! В некоторых дворах есть свои скважины, но такой вкусной воды ни у кого не было. Поэтому частенько кряхтит старенький ворот, опуская и поднимая массивное ведро.

— Зачем же такое делать, — скорее сказал, а не спросил я.

— Может, нашему депутату хотят отомстить, — ответил дядя, поглаживая круглый живот. — Не раз я слышал, что у нас самая плохая дорога на улице. Мусорную кучу, возле баков, уже больше месяца не вывозят!

Зайдя в дом, я не мог успокоиться. Смотрел в серое, уставшее небо, на голые, одинокие ветки и думал о тех несчастных людях, которые пошли на поводу у своей ненависти. Я не оправдываю Романа, но разве месть это — выход?! Разве не правильнее просто поговорить по-дружески, помочь человеку, подсказать, проникнуться его заботами? «Друг друга тяготы носите и тако исполните закон Христов», — не раз вспоминались мне слова апостола Павла...

Неожиданно в стекло постучался воробей, я вздрогнул и улыбнулся. К нему подлетел ещё один и они о чём-то начали бойко щебетать. Я отряхнул невесёлые мысли и посмотрел в окно. Нужно идти договариваться с соседями чистить колодец. Ничего страшного, на всё воля Божия. Вода обновится и снова будет самой вкусной в округе.

Накинув фуфайку, я вышел на улицу...

Мария МАМАЛУЙ

Харьков

ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТУ

Будучи детьми, иногда мы, от нечего делать, любили заглядывать в окна чужих квартир. Теперь если вы, ребяташки, заглянете в окно первого этажа 11-ой хрущевки на улице Связистов, то, вероятно, увидите, как я чищу от ворса свой парадный китель холодным новосибирским утром. Еще с полгода назад я б и не вспомнил, что он у меня есть. Поблекший, с надорванной подкладкой, китель многие годы висел в дальнем углу шифоньера, и чего-то ждал. Наконец, повод достать его был найден.

В другом конце комнаты на старом ветхом диване, как царь на троне, восседал Славка, мой сожитель. Еще никогда не я встречал такого человека, как этот Славка. Веселый и неутомимый человек ростом метр двадцать, он не ведал, что значит отчаяние. «Веришь, я был самым высоким во взводе, — смеялся он. — На меня даже брюк подходящих найти не могли — ходил подстреленный». Судьба и сама не поняла, как свела нас. Помню, в этот год таким, как я, было непросто получить хоть какое-нибудь жилье. Мне повезло: тогда мою проблему решило случайное

объявление на телефонном столбе. Так и познакомились. О том, что история у нас со Славкой общая и разная одновременно, мы узнали спустя несколько дней. Теперь же, сидя на диване сегодняшним утром, он на минуту оторвал взгляд от газеты.

— Но ведь мы знали. Всегда знали, что придет день, и они позовут нас.

Я молчу. Молчу и застегиваю китель на чудом уцелевшие пуговицы.

У комнаты, где мы ютимся вот уже несколько лет, нет даже номера. Вернее, когда-то он был, но цифры давно покинули оббитую кожей входную дверь. Сейчас на их месте красуется лишь надпись, выцарапанная чьим-то ключом. «Груз 300» — эти слова не оставляют на заборах заигравшиеся дети. Сперва я заподозрил Славку, но когда вспомнил, что тот не дотягивается и до звонка, мне стало совестно. Теперь все чаще думаю, что сам разукрасил дверь, но память не сохранила в себе этого.

Я выхожу из подъезда, полностью готовый ехать. Следом, проводить меня, выкатывается Славка. Вместо прощания он лишь качает головой, приговаривая:

— Ты поезжай, браток, поезжай. Глядишь, вот уже и вернешься обратно, а я тебя здесь подожду. Вот увидишь, на этом же месте.

Я шел по дороге, оглядываясь назад, как будто хотел убедиться, что Славка все еще там. Он оставался сидеть неподвижно, уменьшаясь с каждым моим шагом, пока не скрылся за поворотом.

Мои товарищи. Кто-то из них был убит в Кабуле, многие навсегда остались в Шаясте. Что же касается меня, то я был ранен во время простого рейда в Герате, когда на центральном рынке началась стрельба. И это было не справедливо. Очнувшись, я обнаружил, что не в силах пошевелиться. В горле пересохло, казалось, что ниже шеи меня обмотали колючей проволокой с ограждения. Сквозь звон в ушах, я едва разбирал голоса двух склонившихся надо мной силуэтов. В одном из них я узнал батальонного фельдшера.

— Не жалец, — констатировал тот. — Осколок по грудиने прошелся, остановился в брюшной полости. Я-то его вынул, но в таких условиях... Послушай совета, командир, коль до утра протянет, лучше сразу спиши. К чему грех на душу брать?

— Уже сообщили. Завтра в пять утра наши двухсотый на Москву повезут. Доживет до пяти — и его отправим.

Я попытался взглянуть на себя, но увидел лишь изорванную простынь с пятнами крови. Пять утра. Сшитый фельдшером от грудины до живота, я все-таки дожил.

Помню, что в самолет меня грузили последним. Помню, что места для меня в нем толком не оказалось: все пространство заняли цинковые коробки. Меня положили в тот, что оказался незапаянным, прикрыв сверху дощатой крышкой. Земля осталась позади. Я бредил, не понимая, жив ли еще, или просто забыл, что умер. А если жив, то как попал в оцинкованный гроб? Я говорил об этом сам с собой, не добиваясь ответа от своих молчаливых попутчиков. Под моей цинковой простыней проплывали горы и равнины, но они больше не тревожили меня. Я погрузился в сон.

Взлетали мы утром, и, когда приземлились, кажется, в Москве тоже было утро. Горячка отступила, и я, наконец, осознал, где нахожусь. Моих попутчиков уже ждали. Первым в самолет вошел паренек, по званию не старше рядового. Я на всю жизнь запомню, как преобразилось его лицо, едва он увидел меня, пытающегося поднять свою дощатую крышку. Так я и предстал перед ним, посиневший от холода, весь в бинтах, через которые все еще сочилась кровь. Разглядев неподдельный ужас в его глазах, я помню, что сказал ему: «Чего, боец, удивляешься? Не видишь разве, что перед тобой мертвец?», и опять темнота.

И вот, Москва, мы встретились снова. На сей раз это зал почета, вместивший всех, кто только пожелал прийти: ветеранов, офицеров... За трибуной генерал с кирпичным цветом лица вещает в микрофон о героизме интернациональных войск в горячих точках. Мне становится тошно. В голове то и дело всплывает письмо одного из служивших, прочитанное в «Комсомольской правде»: «Если бы сейчас кинули по Союзу клич — я бы ушел... Чем жить и видеть эти зажравшиеся рожи кабинетных крыс, эту людскую злобу и дикую ненависть ко всему, эти дубовые, никому не нужные лозунги, лучше туда! Там проще».

Тем временем генерал завязал с торжественным отступлением, и к трибуне уже ковыляет один из рядовых. Дрожащими ручонками выносит из футляра из красного дерева. На зеленой подкладке в нем покоятся ордена и медали всех форм, скрепленные цветными ленточками. Кирпичный генерал, не меняя выражения лица, подзывает меня к себе и под бурные аплодис-

менты отточенным движением цепляет к моему вороту красную звездочку. «Воину-интернационалисту» выбито на ней, а под надписью еще и рисунок: рукопожатие на фоне земного шара. Пожилой майор легонько касается моего плеча:

— Не хотите ли рассказать что-нибудь? Это будет полезно для них, — и кивает вглубь зала.

Рядовые. Десятки, может быть, сотни простых рядовых. Тысячи глаз направлены на меня. Голубых, карих, зеленых, наших и монголоидных. Взглянув на их лица, я сразу же вспомнил того молодого парня, открывшего мой гроб. Они смотрят на меня так же, как он тогда. Как на мертвеца, только что вставшего из могилы.

Тучный розовощекий старшина, до этого жадно косившийся на футляр, заскрипел стулом:

— Ничего он им не скажет, майор. Война отняла речь у этого человека.

Офицеры оживленно зашептались, майор неловко отпрянул, чувствуя, что сказал и сделал что-то не то. Война отняла речь? Многие же вы обо мне знаете, господа! Кажется, что впервые за много лет на моем лице готова заиграть улыбка. И страшнее этой улыбки нет ничего на всем белом свете.

Госпиталь. Ночью я не могу уснуть, я стою и вглядываюсь в свое отражение. Из зеркала на меня смотрит старик, одной ногой стоящий в могиле. Дряхлый старик с поразительно живыми глазами, и его взгляд был мне до боли знаком. Мысленно я опять и опять возвращался в далекую нашу часть. В голове наперебой звучали голоса боевых товарищей, вновь до меня доносился галдеж офицеров, поднимающих на смех рядового Суслова, паренька лет восемнадцати, услышав, как ночью тот всхлипывал в подушку, тоскуя по дому.

— Что, Суслик, домой захотел? К маменьке с папенькой хочешь, а? Да таким, как ты, отсюда только оцинкованным грузом и дорога! — хохотали дембеля.

— Смотри, брат, надумаешь стреляться — так твой же от тебя стены отмывать будут, — подметил широкоплечий сержант. — Ты лучше вот чего, откуси язык, как моего деда во Вторую мировую японцы учили. Не помрешь сразу, так хоть тупых вопросов избежать сможешь.

Суслов ничего не отвечал им. Лишь слезы градом катились по бледным впалым щекам. С того дня я перестал замечать его среди других солдат. А потом меня отправили домой. Меня, хотя я даже не просил об этом. В России мне было некуда податься: никто не ждал моего возвращения, не ставил свечку за мою грешную душу. Эта война была лучшей из судеб для подобных мне, молодых, жаждущих подвигов

и доблести людей. По крайней мере, вначале она казалась мне таковой. Но из-за тяжелого ранения домой полетел я, а не такие, как этот Суслов. Те, кто волей случая попали в эту человеческую мясорубку без шанса когда-нибудь снова увидеть родных.

Следующим утром меня перевезли в другую лечебницу — психиатрическую: медсестра с ужасом обнаружила, что ночью я лишил себя языка. Неделью спустя я вышел оттуда с очерком в медицинской карте: «Склонен к самоповреждению. Для окружающих опасности не представляет».

Вот и сейчас я вижу перед собой сотни рядовых Сусловых. Растерянных, напуганных происходящим. И, кажется, научись я вновь говорить — все равно не сказал бы им ни слова. Полезно? Зачем им об этом знать, Господи? Зачем видеть то, что пережил я, и не пережили мои товарищи? Что вы хотите услышать? Правду? Или жаждите новых тем для невежественных дискуссий, штампованных слоганов? Нет, не для этого выбрался я из тех опаленных земель. Если хотите вы лицезреть войну, то она перед вами. Живая и осязаемая, в вычищенном до блеска парадном кителе со звездой на груди, скрывающим под собой исполосанное шрамами тело. Она нема, и правды от нее вы никогда не добьетесь.

Я выхожу на улицу, ветер шевелит мои потерявшие цвет волосы. Мне 25, и на моей груди тускло поблескивает звезда-медаль «Воину-интернационалисту». Ах, скорей бы назад в Новосибирск, в свою крохотную душную комнатку. Скорей бы снять тесный китель и спрятать его в самую глубь шифоньера. Отцепить бы от ворота эту красную медаль и повесить прямо на двери, оббитой кожей, а потом усадить Славку в кресло и прокатить его по городским бульварам. И пусть все, кого мы там встретим, недоуменно глядят вслед немому, везущего безногого по дороге, что выпала им на двоих.

Вечер опускался на бетонные крыши домов. Посреди Москвы, в самом сердце бессмертной державы, стоял человек в старом кителе, обратив к небу свои серые глаза. Человек хотел было прокричать ему что-то, но из груди его вырвался лишь пронзительный вой. Не оттого, что открылась старая рана. Человеку вдруг стало так очевидно, что красная звезда с рукопожатием слишком мала и неприглядна, чтоб заслонить собой уродливую надпись «груз 300» на двери комнаты первого этажа по улице Связистов, 11.

СТАТЬИ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

СТАТЬИ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Юрий ГЕРАЩЕНКО

Харьков

ЗАПАДНАЯ КИНОИНДУСТРИЯ КАК СРЕДСТВО ДЕГЕНЕРАЦИИ И ДЕМОРАЛИЗАЦИИ ПОСТСОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Если представить себе современное кино в виде всем известного глобуса, развернутого в картину мира, то наблюдается феномен, о котором практически никто и никогда, за исключением специалистов, не задумывается: карты мира, изготовленные в разных странах, могут выглядеть по-разному, не нарушая при этом общих законов и принципов картографии. Это происходит потому, что страна-изготовитель всегда будет помещена в центре карты. То же самое происходит с точкой зрения на современное кино, ибо критики разных стран при достаточной общности позиций, видят его через призму культурных наслоений конкретного государства, континента, нации. Киноведческая школа Советского Союза, а также всех новообразований на его территории, исключения не составляет. И современное кино рассматривается под своим углом зрения. В особенности учитывая то обособленно-закрытое положение по отношению к мировому (до 1985 года), в которое была поставлена советская культура. Теперь, спустя двадцать лет господства дикого капитализма во всех сферах, можно уверенно сказать, к счастью!!!

Родился в 1965 году в Харькове. Публицист, член Союза журналистов Украины. Закончил Харьковское медицинское училище и до 2000 года работал в медицине. Печатается с 1994 года в основном в харьковской прессе. В 2000 и 2001 годах – победитель областного смотра-конкурса «Молодая Слобожанщина» в разделе русской прозы, который проводится Харьковской областной организацией Национального союза писателей Украины. С 2004 года участвует в работе жюри этого конкурса.

БЕЗ ПРАЗДНИЧНЫХ ОДЕЖД И ПОБРЯКУШЕК

На взгляд автора, кино образца 90-х-2000-х годов представляет собой довольно печальное, и даже жалкое, зрелище. Это понятно всем здравомыслящим людям, если исходить из того, что мы видим на кино- и телеэкранах стран СНГ. А на этих самых кино- и телеэкранах безраздельно господствует мистер Голливуд — удобненько так, прямо до неприличия, развалился в шикарном кресле. Да, как это ни грустно признавать, а только абсолютное большинство фильмов, которые люди волей-неволей смотрят, именно голливудского производства. Стоит задаться вопросом, кто те люди, от которых это зависит? Причем фильмы далеко не лучшие, хотя в последние годы много сделано для того, чтобы наш зритель увидел наиболее свежие и высококачественные работы. Впрочем, иной раз это похоже на метание бисера перед известными животными.

Доля фильмов европейских и отечественных, о качестве пока не говорим, несколько увеличилась, особенно в телеэфире, но всё равно несравнима. Похожая картина наблюдается почти во всех странах мира, в частности в странах Европы, правда с менее трагичными цифрами. Так чем же нас потчуют и когда все это началось?

Кинооккупация

Для нас все это началось в начале 90-х годов, когда Запад уничтожил Советский Союз как единое государство, и в видеодевушечную страну хлынули сотни и сотни видеофильмов, в основном голливудского производства, мягко говоря, невысокого художественного уровня. Как и следовало ожидать, эти туповатые, низкопробные фильмы, основанные на бесконечных полицейских приключениях, яростных схватках, и непривычно откровенных похождениях полнотелых красоток, лишенных всяких нравственных норм, сразу завоевали зрителя. В основном,

молодого. Чем — бездумностью, зрелищностью, лёгкостью восприятия, без малейшего участия мозга. Советское кино — думающее, глубокое, достаточно целомудренное — потеряло свои лидирующие позиции. В тех условиях, когда хаялось все советское и превозносилось иностранное, особенно американское, *почему-то как синоним передового*, это привело многих людей к страшным заблуждениям. Большая часть молодежи эти отбросы мирового кинорынка восприняла как лучшие достижения современного кино, а среднее и старшее поколения, встретив новое кино в штыхы, окончательно и бесповоротно пришли к глубоко ошибочному мнению, переросшему в непоколебимое убеждение, что американское кино — это только кровь, секс и насилие.

С тех самых пор, неутомимые каратисты-супермены, горе-наследники Брюса Ли, уничтожают полчища своих врагов, бодро размахивая кровавыми кулаками и кровавыми ногами. Бессмертные и зловещие арабские террористы, религиозные фанатики и, по совместительству, специалисты высшей категории по ядерному оружию, неустанно, как далёкие предки на верблюдах, кочуют из одного фильма в другой такой же, сменив лишь декорации. А жертва их — это всегда многострадальная Америка, самая «бедная и несчастная» страна в мире, терпящая такие нападки. Но от этих злых нападок страну, словно щитом, прикрывает грудь доблестного американского полицейского, постоянного героя дешёвеньких мордобойных детективов. Он всегда герой-одиночка, брошенный горячо любимой женой, мститель за смерть напарника, которого зовут сержант или лейтенант Гэлахер или Гелоуэй: других фамилий их копы не носят. Эти преступно простенькие, с позволения сказать, фильмы, сплошной полуторачасовой дракой с короткими перерывами для поцелуев с любимой между двумя ударами. Причём, именно так жёстко, преступно простеньких, поскольку в наш век тотальной телеокупации они оказывают громадное влияние на формирование мировоззрения и мировосприятия, в том числе и извращённого, подростков, будущих полноценных членов здорового общества, а не рэкетменов, торгашей и уголовников.

Сексуальных маньяков Голливуд плодит как крольчиха кроликов и всевозможных видов: от тупых убийц-психопатов до интеллектуальных психиатров-людоедов («Молчание ягнят»). Особого внимания заслуживают ленты с фантастическим сюжетом, рисующие наше далёкое и не очень будущее. Большинство постановщиков настроены почему-то пессимистически, и видят такую, тоже стандартную, картину мира: цивилизация разрушена ядерной войной до основания, и на Земле остались только противоборствующие уголовные группировки, размалёванные, как африканские колдуны, и одетые, как панки, в порванное шмотье. Процветает насилие и

сексуальный беспредел. Главный герой фильма, добрый супермен с мужественным лицом в грязном плаще и три года немытыми длинными волосами, лихо разбирается с головорезами и спасает главную героиню-жертву из лап бандитов. Когда автор смотрит подобное, у него всегда возникает вопрос: «Кто производит все те супермотоциклы и суперавтомобили, на которых разъезжают герои? Откуда берутся мощные компьютеры и другая сложная техника, если только и делают, что режут, грабят и убивают? Ну, не из воздуха же!»

О том, какие плохие бывают голливудские фильмы и как они выглядят, можно писать очень много, поскольку любой сюжет можно легко опоганить, если поставить целью, а так и происходит, набивание собственного кармана и возвести это в жизненный принцип. Чистой воды *злокачественная коммерциализация кино и искусства вообще*. Конечно, проще снять десять простеньких зубодриблировок для СНГ и неокOLONиальных стран третьего мира, где они пройдут на ура, и бессовестно выкачивать деньги из карманов родителей двенадцатилетних пацанов, чем поставить один «Терминатор-2», «Время», «Параллельные миры», «Между небом и землёй». Правда, далеко не всегда, затраченные сто миллионов долларов гарантируют, что фильм выйдет достойным. Яркий пример тому — «Правдивая ложь», где деньги просто убиты на постановку очередного банального фильма о приключениях арабских террористов в Америке. А Шварценеггер только опозорил себя, снявшись в главной роли удальца-суперагента. Есть множество более современных примеров того явления вроде пустого как пробка «Тихоокеанского рубежа».

О деньгах и кинопрокате

Коль уж речь зашла о деньгах, то самое время обратить внимание читателей на то, что право проката каждого фильма стоит денег и стоимость этого права напрямую зависит от изначальных затрат на его производство. Поэтому понятно, что кинопрокатчикам проще и доходнее купить десять дешёвых, не загруженных интеллектуально, кинопохождений крутого супергероя, из которых можно извлечь значительный барыш, чем один действительно хороший и серьёзный фильм с высококлассной режиссурой, поставленный на солидной литературной основе и с участием талантливых актёров. Такой фильм может вовсе не оправдать затрат из-за отсутствия секса и мордобоя. А исходя из этого, становится понятным появление на наших экранах всяких «Круто сваренных», «Крутых и смертоносных» и «Смертельных мишеней», которые во все глаза смотрели дети и подростки в 90-х годах. Современных аналогов подобной дряни и чепухи просто тьма. И это страшно, даже если временно, а не всерьёз и надолго!

Агрессивно-оккупационное большинство таких «произведений искусства» запленили эфир в первые годы видеопрорыва. Это и понятно. Во-первых, это было ново, во-вторых, дешево, в-третьих, модно, в-четвертых, было обусловлено нищетой кинопрокатных организаций. И как результат, только 4% из всего обилия кинопродукции составляли фильмы первоклассные, неординарные, с глубоким идейным содержанием и сложными ролями. Но ситуация менялась к лучшему и уже в 1994 году эта цифра увеличилась до 20%, причем во многом благодаря новым работам кинозвезд. Впрочем, едва ли эта цифра существенно увеличилась с того времени. Их фильмы хоть и дороги, но покупаются, поскольку такие актеры, как Гаррисон Форд («Беглец»), Кэвин Костнер («Война», «Месть»), Том Круз («Интервью с вампиром»), Ж.К.Вандам («Некуда бежать»), Дж.Николсон («Иствикские ведьмы») и многие другие узнаваемые и искренне любимы зрителями. И если раньше наш неискушенный зритель самозабвенно смотрел все подряд, то теперь ситуация изменилась и имена многих поистине блестящих режиссеров (С.Спилберг, А.Райтман, Л.Бессон, Д.Лукас, К.Тарантино, О.Стоун и др.) и актёров о многом говорят, и их фильмы смотрятся целенаправленно и избирательно.

Ради справедливости отметим, что тематика, герои и атрибутика даже высококлассных фильмов мало отличаются от низких киноподелок, что доказывает очевидную значимость профессиональной работы режиссера и актера. И в самом деле, какой американский фильм обходится без полисмента, шикарных машин, оборотней, мистики, секса, драки, кофе по утрам и многих других вещей. Но что отличает их, так это высококлассная оригинальная постановка («Маска»), герой, кто бы он ни был, всегда цельная, яркая личность («Мыс страха»), минимум штампов и стандартов, прочная литературная и сценарная основа («Первая кровь»), прекрасная игра актеров. Кто может забыть Джека Николсона в «Ясновидящем», а Кевина Костнера в «Телохранителе»? Ведь, казалось бы, один обыкновенный убийца, а другой — просто телохранитель, каких много. Это яркая индивидуальность, талант актера, выдумка сценариста подняли этих героев на должную высоту, что стало одним из слагаемых заслуженной популярности и кассовости фильмов. Эти примеры далеко не единичны, и все их не перечислить.

Кино как отражение нравов эпохи

Нельзя не отметить или обойти вниманием характерные черты современного кино, которое отличают его от кино 50–60-х годов. Дело в том, что кино какого-то конкретного периода всегда было и есть отражение и порождение современного ему мира. А в нашем современном мире резко возросли темп и ритм жизни, поменялись нравы и подход к морали, резко увеличился

поток информации, значительно быстрее движется научно-технический прогресс. Всё это в комплексе и обусловило то, что современное кино стало жёстче, резче и даже грубее, а коммерческий успех, во многих случаях поставленный во главу угла, усиливает и без того жесткую конъюнктуру. Вследствие этого, один за другим штампуются простые, как консервная банка, фильмы, разрабатывающие заведомо доходную тему полицейских догонялок в разных вариантах. И именно *главенство золотого божка в сочетании со снижением норм морали в мировом масштабе привело к тому сексуальному беспределу на киноэкранах*, когда едва ли найдется фильм, обошедшийся без демонстрации голого, чаще женского, тела. Достаточно часто эта демонстрация ничем не оправдана, а так называемое стремление к «сермяжной правде жизни», выглядит всего лишь казуистикой и жалкой попыткой оправдания. Трудно себе представить хотя бы нечто подобное в кино сорок лет назад, когда фильмы, даже самые авангардные по тем меркам, выглядят несколько смешно со своей наивностью и простотой в сравнении с современными. Теперь, чтобы шокировать зрителя, нужно много больше усилий и выдумки, а если поставить себе целью найти символ-образ кино тех времен, то автору кажется, что это должно быть теплое доброе весеннее солнце, восходящее над горизонтом и дарящее свои ласковые лучи всем вокруг. А современность представляется мне как сильная мускулистая рука в кикбоксерской перчатке, сжатая в кулак, с томно возлежащей на ней обнаженной красавицей с пустотой в глазах и видом секс-хищницы.

К сожалению, именно к такому «идеалу» пришло современное кино России и других стран СНГ. Хорошие фильмы просто тонут в море полицейско-догонятельных киноподелок, подхвативших «добрую традицию» стиля экшн. Причём, в значительно худшем, подражательном варианте. Опасность этой тенденции развития очевидна: создается реальная угроза потери богатейших традиций советской киношколы, индивидуальности и оригинальности.

ЖЕСТОКИЕ РЕАЛИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА 90-х–2000-х В ЗЕРКАЛЕ ГОЛЛИВУДСКОЙ КИНОФАНТАСТИКИ

Если ни на минуту не задумываться над названием статьи, то, прекрасно зная голливудскую фантастику, подобная мысль покажется как минимум абсурдной. На самом деле, при более глубоком анализе, это далеко не так и окружающий мир все более и более соответствует неоправданной жестокости на киноэкране.

Присмотримся к кинофантастике и общественным процессам

Самая главная черта фильмов этого жанра — неисправимый пессимизм в изображении будущего. И при такой подаче материала в общую картину очень естественно вписывается сплошной беспредел уголовщины с реками крови и горами трупов, последствия мировой ядерной войны с генетическими уродами, вселенские экологические катастрофы и узаконенные кровавые поединки до смерти между силачами всякого рода и сорта. Сии силачи больше напоминают кинг-конгов как по виду, так и по состоянию интеллекта.

Вы скажете: «Ну и что! Голливуд как всегда в своем репертуаре. Это все надо для того, чтобы снова и снова поражать и шокировать зрителя. Просто способ привлечь внимание и увеличить зрелищность картин как гарантию коммерческого успеха». Всё так, не станем спорить против очевидности этого возможного замечания, но автор уверен, что проблема значительно глубже и шире, и затрагивает всю глобальность современного мира. Ведь человек постепенно привыкает к одним раздражителям и для достижения того же результата их необходимо многократно усиливать и придумывать нечто новое, еще грубее, чувственней и натуралистичней до патологии. Все эти процессы «усиления и придумывания» ныне и наблюдаются со всей очевидностью. Ведь большое видится на расстоянии, а чтобы увидеть лес целиком, от то надо отойти от деревьев. И выводы можно делать лишь взяв за основу длительный период.

Мы часто повторяем, что мир жесток, а течение жизни нашей цивилизации всё больше подчиняется закону джунглей, но не задумываемся над глубоким и по-настоящему пугающим смыслом этих уже привычных слов. А привычка — самая страшная вещь в этом случае. И в свое время она сделает свое черное дело, когда человеку надо будет одуматься, отложить в сторону оружие, трезво взглянуть вокруг и ужаснуться от зла, что уже содеяно. На данный момент события уже разворачиваются, как боевой порядок под управлением злого гения, со всей силой раз-

рушительного смерча, увлекающего человечество в бездонную пропасть варварства. И все предпосылки для такого развития уже созданы — остался только лишь один маленький шаг.

Подобная перспектива страшна и неприглядна и очень уж напоминает заведомую сказочность голливудской кинофантастики и надуманностью тем и сюжетов. Но не надо обольщаться последним обстоятельством и забывать о том, что современное кино является детищем и прямым порождением современного общества. Истоки этой якобы нереальности и надуманности фантастических лент, этой гипержестокости лежат-то здесь — в реальном мире, в сегодняшнем дне.

Об угрозе криминализации

Рассмотрим несколько стандартных сюжетных постулатов этих лент. Наиболее эксплуатируемые из них — постулат уголовно-правового беспредела, тотального режима, наступившего на Земле после всепланетной бойни. Настолько ли нереален этот сценарный ход? Сдаётся, наше общество в самом деле на всех парах спешит именно к такому печальному концу. В полной мере всё выше и ниже описанное относится и к нынешней Украине. Судите сами: мафиозные структуры все активнее внедряются в управленческие и законодательные органы различных государств, статистические данные по преступности неутешительны и растут из года в год. Причем, доля детской и подростковой преступности имеет явную тенденцию к росту, даже в странах с самым высоким уровнем экономического развития, не говоря уже о других государствах, со значительно более низким уровнем жизни и культуры соответственно. Особую тревогу вызывает то, что за последние 20-30 лет процент тяжких преступлений /убийства, грабежи, изнасилования, торговля наркотиками/ растет с большей интенсивностью, чем других видов преступлений. Последнее замечание полностью относится к данным по детской и подростковой преступности. Те же горькие слова можно отнести к проблеме живучести проституции, а к детской и подростковой в особенности, имеющей явную тенденцию к укоренению и устойчивому росту.

По всему цивилизованному миру разгуливают профессиональные киллеры и среди бела дня практически безнаказанно взрывают и расстреливают по заказам мафиозных и политических структур, что часто одно и то же, неудобных людей. Общество и правоохранительные органы всех стран к этой вопиющей ситуации давно привыкли и только лишь загибают пальцы. Более того, на Земле есть немало мест, где правят бал именно те люди, которые должны как минимум сидеть за решеткой.

Вспомним хорошо известный Медельинский кокаиновый картель и Пабло Эскобара — прямого организатора той кокаиновой реки с героиновыми берегами, которая благополучно

дробится многочисленными ручейками по всему миру — в США в первую очередь. Сицилии специально представлять не надо — крупный итальянский остров, где жизнь вот уже около 50-ти лет строго контролируется итальянской мафией, создавшей даже свою разветвленную сеть в Америке. Закон омерты соблюдается здесь свято, поскольку добротой замешан на крови. Третье примечательное место — «Золотой треугольник» в Юго-Восточной Азии — громадная по площади территория. Это уже настоящее нарко-криминальное государство в государстве, имеющее собственную, хорошо вооруженную армию, неофициальную четкую границу, собственные «законы» и поставившее на поток производство героина. Непримируемая многолетняя война, ведомая государственными органами правосудия и правительственными войсками, никаких результатов не имеет: поток героина и других наркотиков никогда не уменьшается. Хун Са с 60-х годов руководил наркокартелем, выращивавшим в районе Золотого треугольника (Мьянма, Лаос и Таиланд) опиумный мак и изготавливавшим на его основе героин. Однако Хун Са, более 30 лет воевавший против властей Мьянмы за независимость народности шанов, в 1996 году заключил мир с правительством военной хунты и в последние годы жил под ее защитой. Умер в 2007 году и у него наверняка есть наследники.

Еще один факт: в лихих 90-х годах в постсоветских независимых республиках, в молодёжной и не только среде стало наиболее престижным, в силу высокой доходности при минимуме труда, заниматься криминалом или не очень законными видами деятельности, грязным бизнесом. Честный труд за гроши, требующий значительно больших интеллектуальных и физических затрат, стал у молодёжи не в чести. Перестройка сознания и дикая переоценка ценностей произошла, и примером для подражания стали служить всякие боссоподобные тёмные личности на крутых иномарках и другими атрибутами современных нуворишей. К сожалению, уже миллионы молодых людей повзрослело и впитало эту гнилую концепцию жизни, разрушающую душу человека, всё лучшее в нем. Ну а будущее планеты Земля — это молодёжь, подрастающее поколение. Это тем более важно, что богатых, благополучных стран в мире раз, два и обчёлся. А в основном эти явления наблюдаются в государствах с большими финансовыми проблемами, когда правительства начинают жёстко экономить на непроизводительном секторе: медицине, культуре, системе образования. Украина и всё то, что здесь происходит после 1991 года как раз вписывается. И, как следствие, получают соответствующий вышеописанный результат. Этой раковой опухолью также поражены почти все страны Азии, Африки и частично Южной Америки. А именно в этих странах т. н. проблемного третьего мира проживает основная масса населения планеты.

О ядерной войне и не только

Следующие два постулата кинофантастических сюжетов, которые очень часто совмещаются с только что рассмотренными — это последствия мировой ядерной войны с генетическими уродами и гибель цивилизации вследствие экологической катастрофы вселенского масштаба.

И опять-таки в этом нет ничего нереального. Да, конечно, все ядерное оружие и распространение его находится под жестким контролем мирового сообщества и всевозможных международных комиссий при ООН. Пока. И все люди, в том числе и те, кто может нажать кнопку, понимают, что никакого локального ядерного конфликта быть не может. А уж как будут выживать оставшиеся и какими будут их потомки никто и знать не может, хотя вариант киношников абсолютно объективен: налёт цивилизации быстро сотрётся, и останется лишь инстинктивное варварство.

Второй вариант гибели земной цивилизации из-за глобального разрушения экосистемы Земли не менее вероятен, хотя в настоящее время уже предпринимаются попытки восстанавливать имеющееся нарушение экологического равновесия. Данная проблема стала одной из важнейших для любой страны, особенно с хорошо развитой промышленностью, поскольку именно промышленные предприятия оказывают губительное, часто необратимое, воздействие.

Очень часто сценаристы и режиссеры фантастических фильмов делают центральную ставку на демонстрацию кровавых поединков до смерти, поощряемых киношным правительством глубоко тоталитарного государства. Которое всегда приходит после эпохи варварства. Другим оно не может быть, потому что дикую неконтролируемую силу может сломить только другая сила — большая и консолидированная! Эти поединки занимают процентов 70-80 экранного времени, очень жестоки и в самом деле очень кровавы. Логика постановщиков понятна: чем больше жестокости, крови и смерти, тем сильнее это бьёт зрителей по нервам, волнует кровь, вводит в нездоровый азарт. Для детей и подростков такие фильмы особенно опасны, поскольку способствуют развитию патологических наклонностей. А посему, не приходится удивляться росту детской и подростковой преступности, жестокости и росту насилия в подростковой среде.

Единоборства: куда зашёл регресс общества

Люди со времен Древнего Египта и Греции всегда любили состязания всевозможных борцов, силачей, куда их притягивал острый бескомпромиссный дух соперничества. И сегодня такие состязания привлекают массу народа и пользуются большой популярностью. Но людей в современном обществе стали привлекать куда более острые ощущения, более грубые и сильные раздражители, по сравнению даже с началом века. Если где-то в это время людей вполне устраивал накал страстей французской борьбы,

то к 30-40 годам, после первой мировой войны этот мужественный вид спорта совершенно незаслуженно отошел на второй план и пальму первенства по популярности захватил бокс, вполне традиционный и почти цивилизованный. В боксе уже, кроме здорового духа соперничества, появился налет заметной жестокости, появились разбитые в кровь лица. Это было ново, было волнующе, победа стала намного ярче и эффективнее. Но бокс имел ограничения. Поэтому очень скоро, после войны, каратэ и другие восточные единоборства заполнили эту нишу, и сокрушительный удар ногами в голову вызывал бурю восторга и рёв тысяч зрителей приветствовал победителя, торжественно стоявшего над поверженным противником. Крови и жестокости стало больше. Характерно, что подобное ужесточение вкусов наблюдается всякий раз после крупных военных конфликтов мирового масштаба или имеющих большой общественный резонанс. На вторжение Востока Европа ответила созданием нового вида спорта — кикбоксинга — очень зрелищного и более доступного пониманию неискушенного зрителя вследствие близости к боксу. Жестокости и крови на ринге меньше не стало, а вот нокауты и нокадауны стали практически закономерностью, и бои, которые заканчивались победой по очкам, стали оставлять у зрителей, судя по их реакции, ощущение незавершённости шоу.

Однако, надо заметить, что вышеописанные способы расквашивания носов и разбивания губ имеют чёткие, конкретные правила. И главное в поединке все-таки победа, а не измочаливание противника до состояния необходимости реанимации. В этом-то и благородство. Человеку этого показалось мало, и в последние годы получили широчайшее распространение значительно более жестокие виды борьбы. Например, бушидо /Япония/. Здесь уже совершенно другой подход к достижению победы: верхом мастерства считается проведение такого болевого приема, чтобы противник закричал от боли. То есть абсолютно другой ориентир: сознательное причинение нетерпимой боли человеку. На эти состязания приходят тысячи людей. Ещё больше любителей смотрят поединки по телевизору, и все ждут, что человек будет кричать от боли, а для победившего это будет как символ победы.

Так в сердце человека постоянно проникает жестокость. Проникновению последней в людские сердца способствуют также быстрое распространение боя без правил — так называемая революция в спорте. Революционность, надо полагать, заключается в том, что в восьмиугольном ринге могут встретиться бойцы разных специализаций. И если в бушидо есть хоть какой-то призрак от правил, то в последнем случае и этого призрака нет. Бои получаются значительно более жестокие и более кровавые, а это вполне соответствует возросшим зри-

тельским аппетитам на кинжальную остроту ощущений.

Итого имеем на выходе

На сегодняшний день вырисовывается четкая тенденция к резкому возрастанию жестокости поединков. Это свидетельствует об определенной психологической перестройке многих миллионов людей во всех концах света. Кино свидетельство тому — все возрастающее количество фильмов с ярко выраженным насилием, жестокостью и кровопролитием. Телевизионные новости в последнее время в борьбе за телеаудиторию стегают телезрителей кровавыми сенсациями с разных стран мира, благо в военных конфликтах и горячих точках недостатка нет. Политически нестабильная, экономически слабая, майданобеременная Украина такие новости поставляет во множестве. И вполне исправно. Что называется, как по заказу. В политике стали все более преобладать силовые методы решения проблем /война в Кувейте, натовская агрессия в Югославии, в Ирак, организация переворотов в Тунисе, Ливии, Египете, провоцирование гражданской войны в Сирии и т.д./. Это один из важнейших показателей для объективной характеристики состояния современного мирового общества, коль скоро оно вполне спокойно принимает оправданные и, в частности, натовские неоправданные силовые политические решения. Таким образом, лишний раз подтверждается народная мудрость: «Сказка ложь, да в ней намёк». И хорошо было бы, если б так и осталась ложью.

Станислав МИНАКОВ

Харьков

МЕСТО ДЛЯ РАСУЛА

8-го сентября исполняется 90 лет со дня рождения Расула Гамзатовича Гамзатова — народного поэта. Маленький аварский народ, живущий в горах юго-западного Дагестана, послал его в мир, чтобы высказать огромной, тогда трехсотмиллионной стране, какие-то очень важные слова. Такое было дарование-поручение. Яблоко, как помним, от яблони падает недалеко, стихотворец Расул опирался на плечи своего отца, тоже народного поэта Гамзата Цадаса. Аварский аул Цада подарил людям двух поэтов — отца и сына, объединенных, понятно, Духом.

Расул и сегодня мог быть с нами, но в ноябре с. г. исполнится 10 лет, как он ушел. Его нет на Земле, но почти в каждом из трехсот миллионов граждан СССР была запечатлена, и остается теперь, его великая песня. Конечно, это «Журавли» композитора Яна Френкеля, который окрылил стихи Расула, перед тем переведенные Наумом Гребневым, поэтом-фронтовиком, также изрядно потрудившимся на ниве перенесения в русское культурное пространство произведений Гамзата Цадаса.

Четыре строфы из шести изначальных остались в песне, но строки этого произведения помнит любой наш современник, и всякий наш человек обязательно подпоет:

Мне кажется порою, что солдаты,
С кровавых не пришедшие полей,
Не в землю эту полегли когда-то,
А превратились в белых журавлей.

В «Журавлях» providенциально сошлось многое. Певец и актер Марк Бернес, по свидетельству биографов, уже неизлечимо больной, услышав музыку Френкеля и расплакавшись, торопился записать песню в предчувствии своего ухода. (Надо отметить, что и сам Френкель пел ее замечательно.) Запись была для исполнителя весьма тяжела физически, и стала последней песней его жизни. Так своей судьбой Бернес закольцевал две великих русских песни: «Враги сожгли родную хату» Михаила Исаковского (муз. Матвея Блантера) и гамзатовские «Журавли»; вставив в это кольцо и другое важное для нас — скажем, песни «Темная ночь», «Сережка с Малой Бронной и Витька с Моховой...».

Образ журавлей в шестистрофном опусе Гамзатова появился, как рассказывают, после посещения поэтом в 1965-м году разбомбленного американской военщиной японского города Хиросима, в котором аvarец побывал у памятника девочке Садако Сасаки, пораженной лейкемией. Садако хотела сложить тысячу оригами — бумажных «журавликов», что, по поверью, должно было привести к исполнению желания, то есть исцелению.

Гамзатов писал потом: «Стихи о девочке были написаны до “Журавлей”. Последние родились позже, но тоже в Хиросиме. А потом, уже у памятника японской девочке с белым журавлем, я видел впечатляющее зрелище — тысячи и тысячи женщин в белой одежде. Дело в том, что в трауре японки носят белое одеяние, а не черное, как у нас. Случилось так, что когда я стоял в толпе в центре человеческого горя, в небе появились вдруг настоящие журавли. Говорили, что они прилетели из Сибири. Их стая была небольшая, и в этой стае я заметил маленький промежуток. Журавли с нашей родины в японском небе, откуда в августе 1945 года американцы сбросили атомную бомбу!

И надо же было такому случиться: как раз в это же время мне вручили телеграмму из нашего посольства в Японии, в которой сообщалось о кончине моей матери. Я вылетел из Японии через Пакистан. ... На всей воздушной трассе я думал о журавлях, о женщинах в белых одеяниях, о маме, о погибших двух братьях, о девяноста тысячах погибших дагестанцев,

о двадцати миллионах (а теперь выясняется, что их значительно больше), не вернувшихся с войны, о погибшей девочке из Освенцима и ее маленькой кукле, о своих журавлях. О многом думал... но мысли возвращались к белым журавлям...»

Расул Гамзатов

Расул не раз подчеркивал, что текст посвящен павшим в Великой Отечественной. «По мотивам песни сняты картины, воздвигнуты памятники, — делился с читателями в 1990-м своими размышлениями и впечатлениями поэт. — Их десятки — в России и на Украине, в Узбекистане и на Алтае, в горах Кавказа и в аулах Дагестана... у подножия памятников горит Вечный огонь — сердце павших, а на самой вершине журавлиного клина — душа павших. Ежегодно 22 июня, в день начала войны, 9 мая, в День Победы, 6 августа, в день атомной катастрофы в Хиросиме, люди собираются почтить память погибших. Песни, как люди, приходят и уходят. У «Журавлей» особая судьба: одних они провожают, других встречают. Они не ищут теплых краев, не портятся от повторения, а те, кто не поет, хранят их в душе, как молитву».

Это сочинение, в самом деле, имеет молитвенный характер. И мы уже знаем, что опершись на нашу человеческую общую память, кровью и болью связанную с нашей Великой войной, песня «Журавли» стала частью и нашего общенационального духовного кода, — своим философским лиризмом, размышлением о частной человеческой судьбе, а также о судьбе Отечества.

Из неведомых и непостижимых глубин национальной памяти восходят и слова, прочитанные мной в одном из интернет-комментариев под публикацией ролика «Журавли» в исполнении Бернеса: «Первый раз слушал в шесть лет и плакал...».

Но это ведь и о каждом живущем сказано и спето:

Настанет день, и с журавлиной стаей
Я поплыву в такой же сизой мгле,
Из-под небес по-птичьи окликаю
Всех вас, кого оставил на земле.

Памятник «Журавли» в Луганске

«Не потому ли с кличем журавлиным от века речь аварская сходна?», — была такая строка в изначальном варианте стихотворения в гребневском переложении. И рифма в первой строфе поначалу была другой. Не памятная нам теперь «солдаты — когда-то», а «джигиты — убиты». Гамзатов пояснил: «Вместе с переводчиком мы сочли пожелания певца справедливыми, и вместо „джигиты“ написали „солдаты“. Это как бы расширило адрес песни, придало ей общечеловеческое звучание». Боль горца Расула и великая его отзывчивость, огромная мера отпущенной ему любви, обняла весь страдающий, несовершенный, одинокий мир.

И помог аварцу в этом русский язык.

Пример аварца Расула Гамзатова убедительно свидетельствует, сколь умножаются культуры, достигая порой кумулятивного, космического эффекта, когда взаимодействуют. Кое-кто со мной нервно не согласится, но я настаиваю: в советский период мы порой находили внятные формы и способы счастливого взаимообогащения народов. Можно скептически ухмыляться по поводу реальности или пропагандистского характера формулировки «единая общность — советский народ», однако песню «Журавли» создали аварец и три еврея (Гребнев, Френкель, Бернес), а в результате мы получили шедевр

русской (если угодно, советской, что, на мой взгляд, почти не меняет дела) культуры, отозвавшийся эмоционально-смысловым эхом во всем мире. Диву даешься, сколь много сделали русские поэты-переводчики для того, чтобы поэты советских республик стали вровень с русскими отечественными классиками, да и европейскими.

Гамзатов и Френкель в Дагестане. Друзья на всю жизнь

Вот еще воспоминание Гамзатова, тоже сегодня весьма нужное нам: «Это было во время афганских событий. Я сидел в кругу друзей в ресторане в Москве. Мне принесли записку от незнакомых людей с другого стола, в которой они спрашивали, не собираюсь ли я написать “Журавлей” о наших погибших парнях в войне на афганской земле? Я ответил, что мои “Журавли” и о них, хотя написаны раньше, что и их имена теперь звучат в голосах моих птиц. Белые журавли летят во все континенты и выкликают имена погибших. Их можно встретить и у нас в республиках, и в Азербайджане, в Армении, в Грузии, в Литве, в Фергане, в Ливане, в Палестине, в Чили, в Никарагуа, в Анголе, в Кувейте, в Ираке, в Иране — во всех странах. Но это не значит, что “Журавли” не останутся песней, посвященной погибшим на полях Отечественной войны. В журавлином клине найдется промежуток малый для каждого из нас».

Памятник в Лос-Анджелесе — в честь советских воинов, погибших во время Великой Отечественной войны.

Песня вышла за рамки аула Цада Хунзахского района Дагестана и разлилась по планете. Но ее русский текст, понятный людям, живущим на территории одной шестой части земной суши, продолжает и теперь скреплять нас в непостижимое уму целое, даже спустя четвертьвековой раздор, которому мы преступно поддались и предали. Верю: мы остаемся людьми, — пока, в том числе, помним и поем великие стихи аварца Расула на русском языке.

Жизнь продолжается. И в начале текущего года поэтический преемник Расула, аварец Магомед Ахмедов, возглавляющий писательский союз Дагестана, был удостоен в Москве Золотой премии Дельвига.

И сегодня, как всегда, только русский язык способен вывести голоса наших малых народов (малых, разумеется, не перед Богом, а по количеству населения) на многолюдное пространство — как ракетоноситель выводит на орбиту космический корабль.

Радужно и по-братски-сестрински коллеги, близкие к памяти Расула Гамзатова, позвали меня на празднование юбилея поэта в Дагестан. Поехать я, увы, не смог, потому прошу эту сердечную реплику принять в качестве моего голоса за светлым журавлиным поминальным столом — в честь поэта Расула, чья боль и строки уже несколько десятилетий живут в моей душе.

АЛЕКСАНДР III: «ХРИСТОС ЖЕЛАЛ ДОКАЗАТЬ ВСЕЙ РОССИИ...»

**Под Харьковом установлен памятник
Императору Александру III**

Спасов скит сегодня. 30.10.2013

Электричка из Харькова до платформы «Спасов скит» идет чуть более часа, через Мерефу, в направлении на Лозовую. Странно осознавать, что подъезжаешь к месту, где в этот самый день сто двадцать пять лет назад произошло крушение императорского поезда. То было воистину чудесное событие, «чудо Божие, которое явилось на Помазаннике Божиим», — спасение августейшего семейства, ведь тогда погибло немало людей. Мы беседуем о самом, наверное, любимом русском Государе, Александре III Александровиче. Мои знакомые попутчики помнят его неувядающие высказывания: «У России есть только два союзника — армия и флот» или «Когда русский царь удит рыбу, Европа может подождать». И даже эту, весьма остроумную резолюцию на папке «дела Орешкина»: «Дело прекратить, Орешкина освободить, впредь моих портретов в кабаках не вешать, передать Орешкину, что я на него тоже плевал».

Название «Спасов скит» возвращено платформе в 2003 г., когда и была освящена восстановленная часовня Нерукотворного Спаса — у самого железнодорожного полотна, на склоне насыпи, «в 49 верстах от Харькова», прямо на месте, где в 1888 г., в день памяти преподобного Андрея Критского, то есть 17 октября по ст. ст., в 14 часов 14 минут сошел с рельсов поезд, в котором российский Император Александр III

с семейством ехал из Крыма в Санкт-Петербург. Неподалеку — станция и поселок Борки, по имени коего и названо это историческое и духовное событие: крушение Царского поезда в Борках.

Находившийся в вагоне-столовой Государь тогда почти не пострадал, как и члены его семьи. Этот поступок неизменно восхищает: человек недюжинной физической силы, незаурядной силы духа, Император удерживал на плечах потолок сошедшего с рельс вагона, пока его не покинула не только семья, но и оказавшаяся в тот момент в столовой прислуга. Еще раз вспомним, что в вагоне царских детей в момент крушения находилась лишь Великая княжна Ольга Александровна (впоследствии известная художница), выброшенная вместе со своей няней на насыпь, и малолетний Великий князь Михаил Александрович, вынутый из обломков охраной, при помощи самого Государя.

В память о том событии и был тогда основан Спасов скит, приписанный к находящемуся не столь далеко Свято-Успенскому Святогорскому монастырю, что на реке Донец (в новейшее время, с 2004 г., Лавра).

*Часовня Спаса Нерукотворного на месте крушения.
30.10.2013*

30 октября с. г. мы прибыли в Спасов скит на очень необыкновенное событие — освящение нового памятника Государю Александру III, коего благочестивый народ назвал Миротворцем. В православной России хорошо помнили девять евангельских заповедей о блаженствах (Мф. 5, 3-11). «Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими», — гласит седьмая. Следует помнить, что в ранних славянских текстах вместо слова «миротворцы» стояло «смирняющиеся», и это определение тоже вполне характеризует личность предпоследнего среди Романовых Императора России.

На молебен и торжества стеклось около четырехсот православных — как жителей окрестностей, так и более дальних, прибывших на автобусах, автомобилях, по железной дороге.

Храм и часовня в Спасовом скиту. Фото начала XX в.

В замечательный солнечный день, сверкавший синевой небес и золотом последних листьев, мы прошли от враз опустевшей электрички по склону к низинке, в которой на краю поселка Первомайский (по-украински, Першотравневый) среди по-октябрьски просвечивавшихся деревьев был размещен на гранитном постаменте памятник Государю, поначалу сокрытый белым шелком. Думалось о провиденциальности державной привязки, образовавшейся у Дома Романовых с этим конкретным местом, с Харьковщиной в целом, — в связи со страшной аварией (рассматривалась и версия с покушением) и чудесным спасением. В чем здесь послание и поручение для жителей Слобожанщины, для тутошних мест, приобщенных также к чудесному обретению святителем Иоасафом Белгородским здесь, в г. Изюме, на Песках, одной из Слобожанских святынь, иконы Богородицы «Песчанской», — «во времена нашествия иноверных нашей Свободительницы»?

* * *

Столетие с четвертью назад в этот день была совсем другая, если не сказать ужасная погода: лил дождь, была изморозь (или, может, изморось), и в кромешной слякоти Государь, как указывают историки, сам распоряжался извлечением раненых из-под обломков разбитых вагонов. Императрица, с поврежденной выше локтя рукой, обходила с медицинским персоналом пострадавших, оказывала помощь, всячески стараясь облегчить раненым страдания. Уже в сумерках, когда все убитые были опознаны и пристойно убраны, а раненые получили первую медицинскую помощь и отправлены на санитарном поезде в Харьков, Царская семья отправилась в путь.

Через месяц после катастрофы Император вспоминал: «Через что Господу угодно было нас провести, через какие испытания, моральные муки, страх, тоску, страшную грусть и, наконец, радость и благодарение Создателю за спасение всех дорогих сердцу, за спасение всего моего семейства, от мала до велика! Этот день никогда не изгладится из нашей памяти. Он был слишком страшен и слишком чудесен, потому что Христос желал доказать всей России, что Он и донныне творит еще чудеса и спасает от явной гибели верующих в Него и в Его великую милость».

Так выглядела часовня в Спасовом Скиту до Октябрьского переворота

Достаточно быстро у места крушения началось возведение храмового комплекса. 21 мая 1891 г. в присутствии Императрицы Марии Федоровны и Великой Княжны Ксении Александровны состоялась торжественная закладка храма во имя Христа Спасителя. Уверяют, что этот храм по величине, значению и благолепию уступал лишь храму Христа Спасителя в Москве. Проект был составлен архитектором Р. Р. Марфельдом, а все художественные работы выполнил известный профессор живописи В. Е. Маковский (создавший за два года, до 1894 г., 50 живописных образов, из них для иконостаса 38). Кроме того, Маковский написал четыре образа святых для пещерной часовни, эскизы для некоторых

мозаик. Увы, до нас дошли лишь черно-белые репродукции этих изображений.

У подножия насыпи был поставлен деревянный крест с изображением Нерукотворного Спаса — как раз в том месте, куда вышла из-под обломков вагона-столовой Императорская семья; здесь была воздвигнута пещерная часовня, врезанная в железнодорожную насыпь. В проходе между часовней и башней были установлены четыре черные мраморные доски с указанием имен погибших в катастрофе. На том месте, где Императрица с детьми ухаживала за больными, администрацией Курско-Харьково-Азовской железной дороги был разбит сквер — между храмом и часовней.

Сейчас неподалеку от часовни, ближе к новозаложенному храму, мы видим беседку с деревянным Распятием, также поставленным в 2003 г. (Помним, что во время Великой Отечественной войны храм был взорван, а часовня сильно повреждена.)

Затруднительно бывает читать любые списки, но тут — что ни имя, то века. Читаешь, и уже знаешь эти судьбы, нередко трагические, мученические. В торжестве освящения храма и часовни Спаса Нерукотворного, состоявшемся 14 июня 1894 г., приняли участие Государь Император Александр III, его супруга Мария Федоровна, Великий Князь Сергей Александрович, Великая Княгиня Елисавета Федоровна, Великий Князь Михаил Александрович, Великий Князь Александр Михайлович, Великая Княжна Ксения Александровна, а также министр внутренних дел Российской Империи И. Н. Дурново, обер-прокурор Святейшего Синода К. П. Победоносцев и Харьковский губернатор А. И. Петров. Освящение часовни было совершено епископом Сумским Преосвященным Иоанном (Кратировым), а храм Христа Спасителя при изрядном стечении народа освятил архиепископ Харьковский и Ахтырский Высокопреосвященный Амвросий (Ключарев).

Для увековечивания памяти чудесного спасения Царской семьи тогда по всей стране начались строительства часовен, храмов, открывались благотворительные заведения. В случившемся подданные резонно увидели Божий Покров, пребывающий над семьей Государя.

Тогда же на станции Борки был открыт инвалидный дом для железнодорожных служащих, названный именем Государя Императора. Перед входом 17 октября 1913 г. был открыт памятник Государю Императору Александру III в виде бюста Императора в сюртуке и фуражке, на постаменте из розового гранита. Деньги на монумент пожертвовали служащие железной дороги.

Стоит ли сомневаться, что Спасов скит стал местом паломничества и молитвы, куда изобильно стекались православные. В разные годы скит посетили многие представители Дома Романовых, трижды тут побывал Государь Александр — 22 октября 1891 г., 11 мая 1893 г., 15 июня 1894 г.

Отмечалось, что после чудесного спасения Императорской семьи был засвидетельствован подъем патриотизма и любви к монарху. По всей Империи служились благодарственные молебны. В Харькове был предпринят ряд памятных мероприятий, отлит серебряный колокол для Благовещенской церкви (ныне кафедральный собор города). Воистину своеобразным приношением Государю Императору Александру III стало строительство с 1890 г. по 1892 г. Коммерческого училища. Это был первый харьковский проект молодого архитектора А. Н. Бекетова (сегодня тут размещается Национальная Юридическая Академия им. Ярослава Мудрого).

Архиепископ Изюмский и Купянский Елисей кропит св. водою памятник Императору Александру III Александровичу

Считают, что Харьков обязан Государю Александру Александровичу «повышением статуса духовной столицы Слобожанщины путем возведения выдающихся шедевров градостроительства, храмового зодчества и возвышенной архитектуры и резким и быстрым промышленным и торговым строительством. Вследствие необычайно высокого положения Харькова как центра железнодорожного сообщения в огромной Российской Империи, город приобрел статус крупного промышленного и торгового центра».

Судьба насельников этой обители была трагична. Отряд матроса-большевика П. Дыбенко (злодей — родом из черниговских крестьян) после издевательств и пыток расстрелял в Спасовом скиту монахов, включая настоятеля, 75-летнего отца архимандрита Родиона, шесте-

рых настоятелей ближайших храмов, а также офицеров, укрывшихся в монастыре. Известна дата злодеяния — 29 декабря 1918 г.

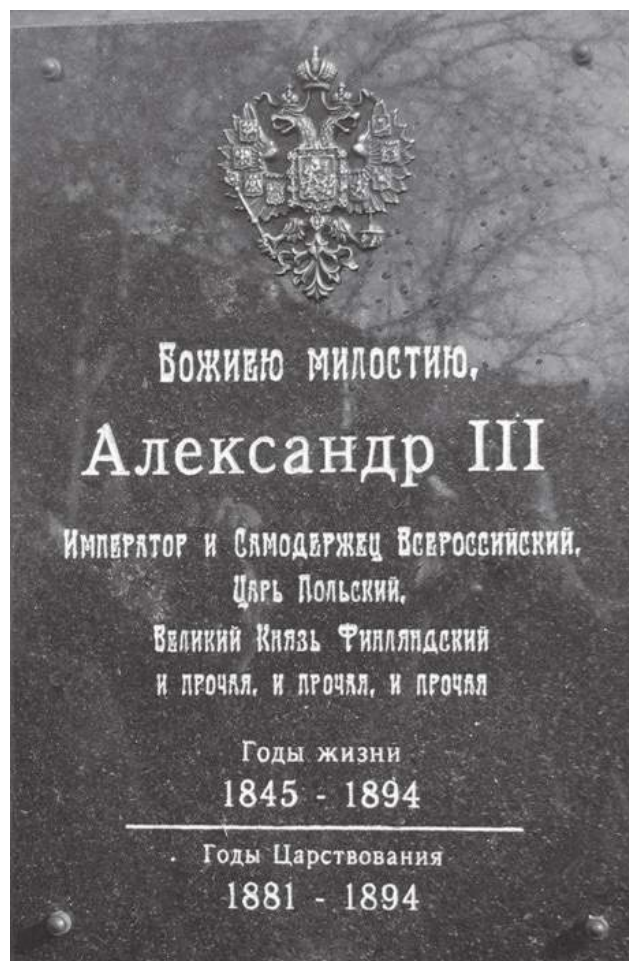
* * *

В судьбе нового монумента Александру III в Спасом скиту приняли участие российский фонд «Возрождение культурного наследия» (глава А. Панин), в рамках собственной программы «Романовские святыни», осуществляемой особенно активно нынешнем году, 400-летия Дома Романовых, а также харьковская общественная организация «Русь Триединая» (руководитель С. Моисеев) и настоятель храма Нерукотворного Образа Спасителя с. Первомайское иерей Леонид Побигайленко.

Появление памятника было бы невозможно (и участие отражено на боковых плитах пьедестала) без Президента России В. Путина, руководителя РЖД и фонда Андрея Первозванного В. Якунина и, разумеется, без благословения архиепископа Изюмского и Купянского Высокопреосвященного Елисея.

Армия и флот - два союзника России (Александр III).
После освящения памятника. 30.10.2013

Табличка на постаменте. 30.10.2013

Скажем благодарственные слова в адрес изготовителей памятника — мастерской Михаила Сердюкова из г. Кропоткина Краснодарского края. Прежде чем попасть в Харьков, переехать через нынешнюю межгосударственную границу, бюст побывал в Николо-Берлюковском монастыре под Москвой. Автор памятника (бюст на постаменте достигает высоты 2,6 м, его вес 1,8 т) — заслуженный художник РФ Александр Аполлонов, скульптор, известный на Кубани такими своими работами, как памятники Императрице Екатерине II и «Морская слава России», бюст Георгия Жукова, мемориалы кубанским казакам.

Взяла на себя ответственность за установку монумента глава администрации Борковского сельсовета Харьковской обл. Татьяна Давиденко. Без широкого оповещения, чтобы не вызывать преждевременного противодействия, памятник 7 октября был доставлен на место установки, где все работы помогли осуществить представители харьковских фондов «Спаси и сохрани» (руководитель В. Картавых) и «Честь и достоинство» (руководитель И. Масалов).

Молебен и церемонию освящения памятника возглавил сам архиепископ Елисей, в сослужении с духовенством Змиевского благочиния. При-

сутствовали на торжествах также Генеральный консул РФ в Харькове С. Семенов, консул-советник генконсульства В. Мокин, предводитель Харьковского губернского дворянского собрания В. Чернай, начальник управления МВД Украины на ЮЖД генерал-майор А. Мельниченко, представители общественных организаций, деятели культуры, журналисты.

Освятив здесь также фундамент строящегося храма в честь святых Царственных Страстотерпцев, владыка Елисей в прочувствованном и взвешенном пастырском слове подчеркнул: «В царствование Александра III Россия достигла вершины своего могущества. От Царя, безусловно, требовались титанические усилия, чтобы твердой рукой вести Россию по намеченному курсу. Как изо всех сил удерживал он рухнувшую крышу вагона, спасая всех, так же, надрываясь, удерживал он Россию от бездны национальной катастрофы, руководствуясь в своем служении Христовыми заповедями и всемерно уповая на помощь Божию».

В своем выступлении А. Панин отметил, что это первый такой памятник на территории Украины и вручил владыке Елисею, С. Семенову, С. Моисееву и Р. Васину Императорские медали «Юбилей Всенародного подвига. 1613—2013», учрежденные Главой Российского Императорского Дома Романовых Е. И. В. Великой Княгиней Марией Владимировной.

Образ Пресвятой Богородицы Песчанской от владыки Елисея.

По окончании торжеств, исполнив совместно гимн Российской Империи «Боже, Царя храни», православные отправились на трапезу. Всех неподалеку угощали спасатели — кулешом из полевой кухни.

Восстановление царского монумента в Спасовом скиту следует, разумеется, понимать не только как дань памяти, но и как один из связующих державных моментов, способствующих воссоединению временно расчлененного русского народа. Внятно выразился у нового памятника С. Моисеев, на груди которого по праву светилась Императорская медаль: «Прошлый фундамент монархической государственности столетиями был основой стабильного развития Отечества. Наша история лишь на внешнем плане противоречива и фрагментарна, в глубинной сути она непрерывна и едина. Каждая эпоха несла в себе набор отрицательных и положительных черт, наша задача — обобщить положительный опыт прошлого и призвать его в помощь строительству будущего. Принцип сильной, ответственной власти являлся одной из важнейших скреп тысячелетней русской истории».

Над нами высился бронзовый Государь Александр III в державной короне, и вспоминалось, как святой праведный Иоанн Кронштадтский, на руках коего Государь почил в Ливадийском дворце близ Ялты, пророчески наставлял нас всех: «...Я предвижу и восстановление мощной России, еще более сильной и могучей. На костях вот таких мучеников, помни, как на крепком фундаменте, будет воздвигнута Русь новая, — по старому образцу; крепкая своей верою в Христа Бога и во Святую Троицу; и будет по завету св. князя Владимира — как единая Церковь. Перестали понимать русские люди, что такое Русь: она есть подножие престола Господня!»

В руках мы держали иконки Богородицы «Песчанской», подаренные владыкой Елисеем.

...И УСЕРДНО ПРИПАДАЕМ К ИКОНЕ ТВОЕЙ “ПОРТ-АРТУРСКОЙ”

В этом и следующем году празднуется 110 лет иконе «Торжество Пресвятой Богородицы» (Порт-Артурской) — видению и написанию Образа, соответственно. Можно сказать, что образ этот не столь известен, по сравнению с другими каноническими Богородичными, однако факты новейших времен говорят, что почитание Порт-Артурской иконы ширится и ширится, охватывая не только Приморье и Приамурье, но и весьма изобильно европейскую часть Православного мира. Акафист Пресвятой Богородице в честь этой иконы гласит: «Покровом Своєю благодати покрывающей пределы земли Дальнероссийския», а также «избавляющую нас от хинских нашествий», однако народ русский верит, что защитительный Богородичный омофор укрывает всю Русь — от Дальневосто́чья до Западных пределов. Новейшая духовная жизнь свидетельствует, что и православная Сербия видит себя под этим Покровом; образ иконы Порт-Артурской почитаем и там.

В календаре нашей Церкви упоминается более двух с половиной сотен чтимых и чудотворных икон Богородицы, а всего насчитывают уже близко к девяти сотням наименований Её икон. Порт-Артурская икона промыслительно вернулась к русскому человеку через 100 лет после ее написания. Наша Церковь, по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, объявила 16/29 августа днем общецерковного почитания иконы «Порт-Артурской» (празднуется с 2009 г.). Символично, что это один из двух дней празднования образу Божией Матери Феодоровской (1239), как мы помним, судьбоносному для нашей державы.

В чем тут дело? Быть может, следует согласиться с ревнителем памяти этого Богородичного иконографического канона, жителем Кургана Николаем Павловым, собравшим за десятилетие, похоже, всю возможную информацию об истории этого образа, об известных списках. Н. Павлов считает Порт-Артурскую метафизически знаковой, даже среди прославленных Богородичных образов русского патриотического круга, связанных с Первой Мировой войной и последовавшим Октябрьским переворотом 1917-го — Державной, Августовской, явленных при царствовании Государя-страстотерпца Николая II. Исследователь приводит даже реплику гонителя Русского Православия, если не сказать, главного русского беса, Ульянова-Ленина, который в своей статье 1905-го года «Падение Порт-Артура» полагал, что капитуляция русского форпоста на Дальневосточье стала прологом падения Российской

Империи. В самом деле, об этом пункте русской истории следует поразмыслить и в этом ключе. К тому же, провиденциальность явления русских Богородичных икон нам всем очевидна. Нам следует понимать, что воспоследовавшие трагические события русской истории были, в том числе, или в первую очередь, следствием неисполнения прямых указаний Богородицы.

Об этом образе писали наши пристальные исследователи. Отметим, прежде всего, работу «Сказание о Порт-Артурской Иконе Божией Матери “Торжество Пресвятой Богородицы”» протоиерея Геннадия Беловолова, настоятеля Иоанно-Богословского храма Леушинского подворья Санкт-Петербурга, выпущенную Леушинским подворьем в 2004 г., к столетию Русско-Японской войны. В этом есть и историческая логика, поскольку в Питере было еще до революции сделано несколько списков образа.

Порт-Артурская икона Божией Матери — редкий, новый иконографический тип. Искусствоведы находят в нем сходство с сюжетом западной живописи «Плат Вероники». Стиль письма западные искусствоведы относят к типу «Русская романтическая иконопись конца XIX — начала XX века». Помним, что одним из представителей этого направления был художник В. М. Васнецов, создавший много памятных нам картин о русской истории, расписавший немало русских храмов.

*В Хабаровском Преображенском соборе
у иконы Порт-Артурской. 25.05.2013*

Мне были и личные знаки. Уже после просьб Н. Павлова изучить вопрос и активных действий в этом направлении энергичного доброхота-энтузиаста Дмитрия Тростникова я оказался в качестве члена жюри Международного кинофе-

стивала «Золотой Витязь» в Хабаровске; сразу по прибытии мы отправились на молебен в честь начала фестиваля в кафедральный Преображенский собор, молебен правил митрополит Хабаровский и Приамурский Игнатий, и первая икона, к которой я подошел в соборе, оказалась «Порт-Артурская». Через три дня ко мне в Хабаровск приехал повидаться из Владивостока мой друг, поэт и богослов Юрий Кабанков; и удивительно: он привез мне в подарок Порт-Артурскую иконку.

Н. Павлов в качестве одного из первых примеров списков приводит «громадный харьковский гобелен 2,2 x 3,8 м», который находится в харьковском храме в честь иконы Божией Матери «Казанская» на Лысой горе. Храм этот был построен Саровскими мастерами и не прекращал служб ни во время фашистской оккупации, ни в «еще более трудные мирные годы». Быть может, из-за мастеров эту церковь иногда еще называли Серафимовской. Построена она была, краснокирпичная, в 1898—1912 гг. на средства купца 1-й гильдии, мецената К. Уткина, и на выделенной им земле, по проекту архитектора В. Немкина, завершал строительство архитектор В. Покровский. В этом храме во времена гонений на Церковь служил Харьковский и Богодуховский архиепископ Александр (Петровский; +1940), ныне прославленный как новомученик.

Харьковский храм в честь иконы Божией Матери «Казанская». 04.06.2010

Некоторые ревнители Порт-Артурской иконы указывают, что харьковский список известен с 1904 г., то есть фактически с самого появления образа в русской духовной истории. Чтобы выяснить, так ли это, нам, харьковчанам, — Д. Тростникову и автору этой статьи, — пришлось провести небольшое расследование, для чего мы побеседовали с тремя священниками, в разное

время служившими в этом храме, и с художником, осуществившим эту работу. Мы организовали и фотосъемку святыни, за что благодарим настоятеля храма протоиерея Михаила Богачёва, а также известного харьковского деятеля русского движения Г. Макарова и фотографа С. Кочетова.

Порт-Артурская икона в Харьковском храме в честь иконы Божией Матери «Казанская». В интерьере. 25.06.2013

Мы поговорили с протоиереем Петром Василяшк, коему 24 августа с.г., то есть вблизи праздника Порт-Артурской иконы, исполняется 80 лет, и с нынешним настоятелем. Наиболее подробно рассказал о создании иконы протоиерей Михаил Колодько, который и задумал, и организовал написание Порт-Артурской иконы в харьковском храме. Сам ездил в Москву, искал у коллег первоисточники, пытался в меру сил анализировать иконографию, потом обеспечивал иконописцев материалами. Почему именно «Порт-Артурская»? Батюшка считает, что так случилось промыслительно. Изначально у него была мысль написать в храме несколько канонических Богородичных образов. А начал вот — с Порт-Артурской. К слову, имеется в храме также привезенная с Афона икона «Скоропослушница».

Точней детали дела прояснил художник Виктор Верховод, выпускник архитектурного факультета ХИСИ (ныне Харьковский национальный университет строительства и архитектуры):

икона Божией Матери Порт-Артурской написана в харьковском Казанском храме в июне-июле 2000 г. на холсте, наклеенном на западную стену внутри храма, слева от входа. Эта работа не была случайной. По свидетельству мастера, после написания образов для Казанского храма жизнь у него переменялась. Он полностью посвятил себя храмовой росписи. В частности, В. В. Верховод вместе с Л. Я. Марьенко, В. А. Мушиком, Л. М. Золотарёвым, Е. Н. Борисовой осуществил с 2003 по 2008 гг. обновление росписи подкупольного пространства в харьковской Трёхсвятительской церкви http://ruskline.ru/monitoring_smi/2011/02/14/tri_svyatitelya_na_harkovskoj_zaikovke/ на Заиковке, именуемой в народе еще как Гольберговская (в честь купеческой семьи, построившей храм). В чем-то стилистика письма Трёхсвятительского храма напоминает васнецовские работы в знаменитом Владимирском храме Киева, построенном к 900-летию Крещения Руси. В год 1025-летия русского Крещения напомним некоторым забывчивым, что Владимирский храм в Киеве строился за счет пожертвований, собиравшихся со всей Российской Империи. Сегодня он, увы, пока что захвачен раскольниками.

Икона святых Царственных Страстотерпцев в Харьковском храме в честь иконы Божией Матери «Казанская». 25.06.2013

Отца Михаила Колодыко харьковчане знают еще и по тому факту, что он первым в Харькове, 16 июля 2001 г., за всеобщим бдением провел службу Святым Царственным страстотерпцам, которая продолжилась литургией, акафистом и молебном 17-го июля. СМИ сообщали, что «отец Михаил безбоязненно откликнулся на просьбу прихожан, чего не сделали другие священники, сославшиеся на отсутствие распоряжения из епархии». Примечательно, что текст для службы был взят на сайте «Русская линия». Именно тогда, теми же мастерами был написан в Казанском храме и вышеупомянутый образ Царственных страстотерпцев, всей семьи — в той же технике, что и Порт-Артурская икона, такого же размера, но размещенный на южной внутренней стене храма, рядом с настенным образом Богородицы Казанской.

Протоиерей Михаил Колодыко и Станислав Минаков в Харькове на привокзальной площади. 12.06.2013

* * *

А история Порт-Артурской иконы вкратце такова. В 1903 г. было видение Богородицы некоему человеку. «Сила Вышнего и благодать Владычицы укрепляше в видении некоего человека и подвижни е к собиранию средств для написания Ея Пречистаго образа» — речет акафист Пресвятой Богородице в честь иконы Ее «Торжество Пресвятой Богородицы» (Порт-Артурской). Одни источники называют имя отставного матроса Федора, другие фиксируются

на человеке по имени Лев Ефимович Катанский. Это был ветеран Крымской войны, проживавший в местечке Бричаны Бессарабии, коллежский асессор, писатель, публицист, редактор «Русского знамени», автор гимна Союза Русского Народа (скончался в 1917 г.). Во сне Божия Матерь повелела бывшему воину написать Образ и отправить в крепость Порт-Артур, обещая Свое покровительство и победу русскому воинству по прибытии иконы на место назначения.

Избранный человек 11 декабря 1903 г. прибыл к старцам Киево-Печерской Лавры, чтобы получить возможные пояснения. Однако ясность появилась лишь в январе/феврале 1904 г., через два месяца, — когда японцы осуществили атаку Порт-Артура.

Репродукция оригинала иконы Порт-Артурской в журнале «Русский паломник» (№ 21 за 1904 г.)

Тысячи киевских богомольцев и притекавших паломников жертвовали на икону: примечательно, что больше 5 коп. ни с кого не брали. А уже в марте 1904 г., то есть фактически через месяц-полтора, киевский иконописец Павел Федорович Штронда, чья мастерская располагалась у знаменитого Андреевского спуска, на котором

неподалеку, кстати, жил тогда 12-летний М. Булгаков, исполнил икону в соответствии с описанием сновидца: Богородица, стоявшая на фоне морского залива на сломанных мечях, держала в руках плат с Ликом Спаса Нерукотворенного. Над Богородицей располагался Царский венец, который держали ангелы, а еще выше, на облаках, — Господь Саваоф. Справа и слева — архистратиги Михаил и Гавриил. Надо всем была выведена надпись: «Да будет едино стадо и един пастырь» (Ин. 16, 10). По периметру иконы эмалированной вязью была сделана гравировка: «В благословение и знамение торжества христолюбивому воинству Дальней России от святых обителей Киевских и 10 000 богомольцев и друзей». Первое и единственное сохранившееся черно-белое изображение оригинала Порт-Артурской иконы из журнала «Русский паломник» (№ 21 за 1904 г.) было с большими трудностями приобретено Н. Павловым у Государственной публичной исторической библиотеки в Москве в 2011 г.

Вдовствующая императрица Мария Федоровна распорядилась доставить Икону образа «Торжество Пресвятой Богородицы» на Дальний Восток. Народ сразу же стал называть икону «Порт-Артурской». (Были и другие, замечательные, названия: «Богородица на мечях», «Вратарница Дальневосточная» и «Неодержанная победа»).

Атаман Сумского казачьего полка Сергей Кондратенко вспоминал о своем знаменитом предке, генерал-лейтенанте Роме Исидоровиче Кондратенко, герое обороны Порт-Артура: «Интересный факт, судьба генерала Кондратенко связана с судьбой чудотворной иконы Божией Матери «Порт-Артурская». Генерал Кондратенко знал о Порт-Артурской иконе, очень ждал ее, всячески содействовал прибытию в крепость. Но искусственные бюрократические проволочки задержали прибытие. Многие чиновники по месяцу держали икону в своих домах, мечтая о чудесах для себя лично. Когда святыня прибыла во Владивосток — генерал погиб. Потом о ней забыли. Она так и не дошла до крепости Порт-Артур. Люди ослушались слов Божией Матери...»

Икона не попала к месту назначения, несмотря и на содействие «всероссийского батюшки» Иоанна Сергиева (святый праведный Иоанн Кронштадский), который благословил отставного ротмистра лейб-гвардии Уланского полка, на тот момент 50-летнего канцеляриста Николая Николаевича Федорова, доставить Порт-Артурскую икону в крепость. Порт-Артур пал.

Свидетельствуют, что Н. Н. Федоров вернул икону в действующую армию генерала Куропаткина (в армии не был устроен достойный Её

величия прием), а затем во Владивосток. Можно делать выводы: столица Приморья, практически безоружная и неукрепленная, не пострадала.

После русско-японской войны Порт-Артурская икона находилась в Успенском кафедральном соборе Владивостока, который в 1930 г. был закрыт, а в 1938-м взорван. О дальнейшей судьбе оригинала неизвестно. В 1998 г. Порт-Артурская икона была привезена во Владивосток, шла дискуссия о том, не оригинал ли это. Исследователь иконы Н. Павлов, по его словам, убедил владивостокцев в том, что это копия 1904 г., написанная в Санкт-Петербургском Воскресенском Новодевичьем монастыре.

* * *

Сегодня обозначился новый всплеск духовного интереса русских православных к Порт-Артурскому Образу.

Отреставрирован частными лицами мемориал в Порт-Артуре (называют сумму затрат в 13,5 млн. долларов). Списки иконы мы встречаем теперь во многих соборах, включая храм Христа Спасителя в Москве. Более того, построены новые храмы в честь этого Образа: во Владивостоке, в Кургане. Сообщается о текущем строительстве таковых в поселке Хасан в Приморье, в Екатеринбурге, в поселке Бабино Ленинградской области. Близ Хабаровска, в Приамурье, установлена мозаичная Порт-Артурская икона работы Г. Павлишина — на самой границе с Китаем. Под этим Образом наши военные корабли ходят Северным морским путем.

Храм «Во имя Торжества Пресвятой Богородицы, в честь иконы Ее, именуемой «Порт-Артурская» в Кургане. 24.09.2012

Из новейших событий: 16 июля с. г. храму «Во имя Торжества Пресвятой Богородицы, в честь иконы Ее, именуемой «Порт-Артурская» в Кургане семья Пьянковых пожертвовала Порт-

Артурскую икону дореволюционного письма. Икону привезла в Курган Нина Геннадиевна Пьянкова, в семье которой святыня хранилась несколько поколений. От железнодорожного вокзала святыня, прибывшая в 3 часа ночи, сквозь дождь была пронесена в храм Крестным ходом.

Список Порт-Артурской иконы в Курганском храме «Во имя Торжества Пресвятой Богородицы, в честь иконы Ее, именуемой «Порт-Артурская». 26.07.2013

Активно участвовавший в новейшей судьбе этого списка все тот же курганский доброхот Н. Павлов так комментирует событие: «Это можно назвать небольшой сенсацией, сейчас в России известно восемь списков Порт-Артурской иконы дореволюционного письма. Из этих восьми списков, приобретенный нами — это третий, на мой взгляд, сделанный с оригинала. Подтвердить это может только искусствоведческая экспертиза. Но для верующих важно само наличие иконы». Одним из условий пожертвования стала обязательная реставрация иконы, прошедшей за столетие путь Санкт-Петербург — Великий Новгород — г. Реж Свердловской области — Краснодар — Курган, и скоро мастера и искусствоведы Урала смогут приступить к работе.

Еще раз задумаемся: образ «Торжество Пресвятой Богородицы» словно закольцовывает (и сегодня!) духовным присутствием, словно особой скрепой, все земли Российской Империи; мы назвали лишь Бессарабию, Киев, Санкт-Петербург, Москву, собственно Порт-Артур, Владивосток, Хабаровск, Екатеринбург, Курган, Харьков.

Урок в истории этой Иконы еще и в том, что за небрежение, за невнимание к небесным указаниям плата для России слишком высока. И 110 лет назад, и весь последовавший век. И сегодняшняя ситуация в нашем Отечестве весьма тревожна.

В кондаке 12-м Акафиста поется: «Икона Твоя благодати причастная, яко сокровище драгоценное Церкви Христовы от Тебе, Богородице, подадеся, в ней бо обещалася еси пребывать с нами до скончания века, рекши к первописанней иконе Твоей: с нею Моя благодать и сила! Веруем, Пречистая, яко не оскудеет глагол сей и во иконе Твоей “Порт-Артурской”, на всяцем месте и zde с нами пребываеши, идеже верно поется Сыну Твоему и Богу хвалебная песнь: Аллилуиа!».

Фото С. Кочетова, Д. Тростникова, сайта port-artur-hram.ru и автора

Анна МИНАКОВА

Харьков

ЛУЧЕЗАРНАЯ РУССКАЯ ДУША

На пятилетие кончины Виктора Попова

5 лет назад, 28 июля 2008 г., ушел из жизни Виктор Попов, выдающийся хормейстер, основатель и художественный руководитель Большого детского хора Всесоюзного телевидения и радио, народный артист СССР, профессор, художественный руководитель Академии хорового искусства.

«Голос в России — это основной музыкальный инструмент. Поэтому все музыкальное воспитание связано именно с этим инструментом, доступным всем, каждому. И всегда в России понимали, что именно через голос идет все воспитание», — говорил выдающийся хормейстер.

Мое поколение выросло на песнях Большого детского хора. На наших школьных праздниках звучали песни в исполнении БДХ. Продолжают звучать они на просторах бывшего Советского Союза и сегодня. Никто не может предложить для наших детей ничего лучшего.

И снова приходится говорить о роли личности в любом заметном деле. Виктор Попов руководил

Большим детским хором почти четыре десятка лет, до самой своей кончины. Фактически он явился создателем этого замечательного коллектива.

За эти годы дети-хористы исполнили невероятное количество произведений, среди которых и классика, и народные песни, но прославился коллектив благодаря исполнению детских советских песен. В репертуаре БДХ — песни лучших композиторов, писавших для детей: Пахмутовой, Шаинского, Чичкова, Крылатова и многих других. Нередко композиторы сочиняли специально для Большого детского хора, зная, что их музыка будет исполнена высококлассно.

Зачастую В. Попов приглашал композиторов на репетиции: они «показывали» детям песню, т.е. напевали и наигрывали. На следующее занятие уже приносили ноты, нередко под редакцией Виктора Сергеевича — опытный хормейстер лучше знал, какими средствами добиться наилучшего звучания своего коллектива.

Самые известные детские песенки помнятся нам именно в исполнении БДХ; голоса солистов, среди которых Сережа Парамонов, Дима Голов, Виталик Николаев, Оля Королькова, Марина Самышкина, Рита Суханкина, узнаваемы и любимы. «Прекрасное далеко», «Крылатые качели», «Вместе весело шагать», «Чему учат в школе»...

Эти песни стали, без преувеличения, национальным достоянием, которое необходимо сохранять и передавать из поколения в поколение.

В. Попов

Часто звучание детских хоров сравнивают с ангельским пением. Мне же слышится, что БДХ звучит тепло по-человечески, в этих голосах, словно в матрице, запечатлена информация о красоте мира, дружбе, родине, неповторимом счастье детства.

Большой детский хор сыграл огромную роль в душевном и духовном, в интеллектуальном взрослении сотен детей, которые прошли в нем «школу хора». Здесь они учились не только вокальной технике, особенностям совместного звучания, но и взаимовыручке, ощущению «братского плеча». Ведь хоровое пение в основе своей — это общее дело, когда от усилий каждого зависит результат, и малейшая фальшь может нарушить чистый строй. Хоровая специфика по-своему была созвучна и советской коллективистской идее, в ее идеальном воплощении. Возможно, и поэтому детские и взрослые хоры получали в СССР немалую поддержку. Следует помнить также, что хор, уводя личность от эгоцентризма, учит понимать себя частью большего целого, коллективного, а если угодно, даже соборного.

Воспитанник хора В. Николаев, запомнившийся нам проникновенным исполнением «Беловежской пуши», вспоминал: «Многие меня спрашивают: был ли ты доволен своим детством? И я без промедления всегда отвечаю: да, потому что я был одним из счастливейших детей того времени! Я видел то, что другим только снилось. Встречался с такими людьми, с которыми другие

«общались» лишь глядя в телевизор...» Многие выпускники БДХ пошли по хоровому пути вслед за своим учителем, среди них есть даже солисты Большого театра и «Новой оперы», многие сделали музыкальную карьеру за рубежом.

Немалую роль сыграл БДХ и в жизни его слушателей. Его прекрасные песни, несомненно, воспитывали вкус и создавали гармоничный и позитивный эмоциональный фон.

В. Попов был из тех, о ком говорят «настоящий учитель». Он был человеком удивительной доброты, чуткости, воображения. О нетривиальности его педагогического дара говорят горячие, восторженные высказывания выпускников хора, наполненные необыденной благодарностью и любовью: «Даже в моих сомнениях в выборе профессии музыканта он всегда играл решающую роль. Приду на репетицию — взмах руки, взгляд, слово... и думаю, что это мое. Он был больше для нас, чем просто учитель. Он был примером бескорыстного служения музыке и близкого, доброго, отзывчивого отношения к людям! Постараюсь передать это своим ученикам, которым всегда его привожу в пример!»

В. Попов

Одна из участниц хора вспоминает на форуме, посвященном БДХ: «С того дня, когда впервые увидела его (а мне тогда было 7 лет) Попов всегда

был чем-то недостижимым, огромным и неуязвимым. Он был всегда прав, неоспорим. Его любили и боялись абсолютно все. Именно в таком порядке — сначала любили, а потом боялись. Вечный восторженный шепот за спиной: «Это сам Попов», а хормейстеры всегда угрожали: «Вот придет Попов — вам задаст». Малыши с огромными глазами слушали, как он поет фальцетом, в высокой, более понятной нам тесситуре. Он мог отругать и хормейстера, и концертмейстера, и любого человека из хора — и тут же похвалить, если понадобится. Никаких любимчиков, никакой предвзятости, никакой злопамятности. Он просто работал. Это и была настоящая работа, работа Мастера, такая работа, какая должна быть. На износ, над каждой фразой, над каждой нотой. И еще: казалось, что он — вечен».

Оля Королькова и БДХ исполняют
«Прекрасное далёко». 1986 г.

А вот живые впечатления Р. Рязанцева: «Сегодня смотрел телик и снова увидел Вас таким, каким помню Вас всю жизнь, с детства! Вы и тогда в 70-80-е были таким же седым, озорным, весёлым, строгим, всё понимающим и справедливо требовательным не по-детски! Я просто горжусь тем, что моё счастливое детство было счастливым благодаря БДХ и лично Вам!!!! Как жаль, что нельзя всё вернуть обратно: и концерты и гастроли, и «Орлёнок» с «Артеком», те занятия-репетиции, те ошибки на концертах, из-за которых готов был провалиться сквозь землю, зная Ваш «гнев»... Помню, как меня били одноклассники портфелями после очередного «Будильника»... А я и тогда гордился, что пою в БолДетХоре ЦТ и ВР».

* * *

Виктор Попов родился 10 декабря 1934 г. в Бежецке, маленьком городке в Тверской губернии, основанном, согласно преданию, новгородцами, некогда бежавшими в здешние леса от гонений. Детство В. Попова было полно лишений. Его отец умер, когда будущему хормейстеру было

всего десять дней. Мальчика воспитывали мать и отчим, впоследствии пропавший без вести на войне. Попов вспоминал: «В войну дети становятся много старше, и очень быстро. В семь-восемь лет я уже один ходил пешком за восемь километров в деревню Малышево. Я на прокорм уходил к дедушке Ивану. Работал на взрослых работах по фруктовым питомникам, тогда вокруг Бежецка их много было. Ходил поводырем со слепыми, это тоже был приработок».

ЧССР, Прага. Общение В. Попова с хором во время
сеанса звукозаписи. Апрель 1978 г.

Мать В. Попова, Александра Михайловна, была плакальщицей, причем весьма востребованной. Поразительно, в провинциальном Бежецке старые русские традиции на тот момент были еще живы — хотя XX век близился к середине. Способности, заложенные в генах, уходящие ментальными корнями к предкам, выкристаллизовались и проявились с удивительной яркостью в ее сыне Викторе. Кажется совершенно естественным, что спустя много лет он написал книгу «Русская народная песня в детском хоре».

С раннего детства его тянуло петь и танцевать. «Я и перед взрослыми исполнял всякие взрослые песни, пел им частушки, нередко тоже слишком «взрослые». Однажды ребята постарше подвели меня к часовым у склада, и я с удовольствием пел для них, плясал русского и цыганочку. А ребята, пока красноармейцы слушали и смотрели на меня, обчистили склад. Потом они обчистили и наш дом, забрали все хлебные карточки. Мать в это время лежала в больнице. Пришлось идти в деревню, просить чего-нибудь у деда», — вспоминал Виктор Сергеевич.

В детском саду на поющего мальчика обратила внимание музработник «тетя Маша» Лобанова. Она настойчиво уверяла его мать, что прекрасные способности сына надо развивать. Так сложилось, что именно М. Лобанова определила судьбу будущего выдающегося хормейстера. Услышав о том, что в Москве открылось хоровое училище для мальчиков, она пришла к Поповым

домой (Витя уже ходил в школу) и настоятельно порекомендовала матери отправить мальчика на учебу.

Московское хоровое училище было создано в 1944 г. знаменитым А. В. Свешниковым, по аналогии с Суворовскими и Нахимовскими училищами. В большой мере эти заведения были направлены на то, чтобы обустроить детей-сирот, которых, к несчастью, во время войны появилось великое множество.

И вот, в 1945 г. мать привезла Витю в Москву. Набор в училище вел сам Свешников. На прослушивании мальчик пел жалобную «Девичью песню» В. Соловьева-Седого на слова М. Исаковского, выводя чистым голосом «Я на свадьбу тебя приглашу, а на большее ты не рассчитывай...», чем немало позабавил приемную комиссию. Впрочем, репертуар не помешал оценить способности абитуриента: Попов был принят. На следующий день мама привезла все необходимые документы, оставила сына в интернате и больше не появлялась...

Заслуженный деятель искусств Российской Федерации, профессор кафедры истории и теории музыки Н. Сербул написала о В. Попове книгу под названием «Хор как жизнь». И впрямь, с момента поступления в училище Свешникова жизненный путь Виктора Сергеевича оказался неразрывно связанным с хором, и хормейстер уверенно следовал по нему, никуда не сворачивая. Фактически, он стал «сыном хора» — как другие становились «сыновьями полка».

Берлин. Сережа Парамонов и Виктор Попов на сцене. 1975 г.

Будучи прилежным, внимательным и, что главное, талантливым учеником, В. Попов сумел многое почерпнуть у своего учителя А. Свешникова и явился продолжателем лучших традиций отечественной хоровой школы. Сам Попов не раз признавался, что ему несказанно повезло с учителями: кроме А. В. Свешникова ему довелось — уже в консерваторские годы — работать

и теснейшим образом общаться с В. Г. Соколовым и В. С. Локтевым, выдающимися мастерами хорового дирижирования.

Дирижирует В. Попов

В 1953 г. В. Попов поступил в МГК им. П. И. Чайковского в класс А. Б. Хазанова. И уже на третьем курсе началась его педагогическая деятельность: В. Соколов попросил одаренного студента поработать со своим детским хором (имеется в виду Детский хор НИИ художественного воспитания Академии педагогических наук). С этим коллективом Попов проработал до 1964 г. В том же году молодой специалист попал в Ансамбль песни и пляски В. Локтева: «В тот момент Владимир Сергеевич Локтев себя очень плохо чувствовал и попросил меня помочь ему немножко во Дворце пионеров. Отказать ему мне было трудно, и я пошел. В шестьдесят седьмом году возил весь ансамбль во Францию. Это было 50-летие Октябрьской революции. Выступали семь дней во дворце Шайо, потом были в Марселе и Лионе. А через некоторое время Локтев, к сожалению, умер. Я, естественно, ушел из этого коллектива. И вообще, это было совсем не мое дело. Я занимался хоровой музыкой, а там — все вместе: и балет, и оркестр народных инструментов...»

В. Попову довелось поработать с немалым количеством коллективов, и с каждым из них он быстро добивался высоких творческих результатов.

С 1960 по 1975 г. В. Попов работал в Музыкально-педагогическом институте им. Гнесиных, где был деканом трех факультетов и заведующим кафедрой хорового дирижирования. Также он явился одним из организаторов музыкально-педагогического факультета Московского городского педагогического института им. В. П. Потемкина.

В 1970 г. — возглавил только что созданный по указанию «верхушки» Большой детский хор Центрального телевидения и Всесоюзного радио.

Коллектив очень быстро достиг небывалых профессиональных успехов и приобрел огромную, всенародную любовь. Кроме того, БДХ постоянно ездил с гастрольями по стране, а также становился победителем международных конкурсов — в Италии, Бельгии, Голландии, Венгрии, Польше.

Дирижирует В. Попов

В. Попов делился воспоминаниями: «Хор был настолько популярен в стране! Помню, в Комсомольске-на-Амуре концерт был запланирован на раннее утро. Думали, никто не придет в такое время, и объявили, что вход будет свободный. Так народу пришло столько, что двери выламывали. А какие фестивали мы проводили в «Артеке»! Одновременно в этом знаменитом лагере отдыхали 5000 человек. И все они становились не только зрителями, но участниками фестиваля хорового искусства».

В то же время В. Попов стал главой Хора мальчиков Московского хорового училища им. А.В. Свешникова. С 1980 по 1993 гг. неутомимый хоровик преподавал дирижирование в Московской государственной консерватории, где в 1990 г. получил звание профессора.

Дирижирует В. Попов

В 1991 г. на базе своего родного «свешниковского» училища Виктор Сергеевич создал Академию хорового искусства и стал ее ректором

(до 1997 г.), а также главным дирижером и художественным руководителем хоровых коллективов Академии, среди которых и мужской хор, созданный Поповым в 1989 г. В 1992 г. этот хор (совместно с хором мальчиков) завоевал две первые премии на международном конкурсе в Карлштайне. В немецкой прессе В. Попова назвали «лучезарной русской душой». После того успеха хор начал активно гастролить, выступать на крупных международных фестивалях — как на родине, так и за рубежом, исполняя «вечную классику» — Мессу h-moll Баха, Девятую симфонию Бетховена, Реквием Моцарта, «Глорию» Вивальди и современные произведения. К примеру, хоры Академии хорового искусства участвовали в мировой премьере оратории Э. Денисова «История жизни и смерти Господа нашего Иисуса Христа». При участии единого хорового коллектива Академии впервые в истории в 1997 г. в Москве была исполнена Восьмая симфония Малера с Большим симфоническим оркестром под управлением Е. Светланова.

Отчетный концерт БДХ в Колонном зале

Выдающийся дирижер Светланов высоко ценил талант Попова. Сохранилось его письмо от 23 апреля 2000 г.: «Многочтимый, дорогой, уникальный Виктор Сергеевич! Говорить о достоинствах Вашего хора — это пустая затея. Все об этом знают. Спасибо Вам и Вашим помощникам за титанический труд. Он по достоинству был всеми оценен на концерте. А в моих руках был совершеннейший из совершенных, чудесный, божественный сбор! Да хранит Вас Господь. Да продлит он Ваши дни на радость всем».

В творческий актив хора следует также занести концертный тур с программой «Песни военных лет» — совместно с Дмитрием Хворостовским.

В 2000—2006 гг. Академия хорового искусства под руководством В. С. Попова приняла участие в многочисленных концертах и фестивалях, посвященных русской духовной музыке. В. Попов говорил: «Приходит понимание, что

православная церковь — это фундамент нашей русской культуры. В храме — пение, там человек чувствует, что он окружен чем-то особым. Через духовную музыку идет возвращение к нормальному, настоящему искусству. Уничтожить его невозможно».

На репетиции. ФРГ. 1985 г.

Если хоры академии в постсоветское время процветали, то для Большого детского хора, напротив, наступили трудные времена. Государство потеряло интерес к коллективу и прекратило его поддерживать. Основатель хора с болью признавался: «БДХ много лет работает вхолостую. Российское радио еще как-то пользуется нашими записями, программы делают, кто-то приходит из корреспондентов, возьмут интервью... Но телевидение... Поверьте мне, ни разу нас никто не пригласил. Я говорил, давайте сделаем так: раз в месяц пусть выйдут дети и одну песню споют — и ребята послушают. Нет, не откликаются. Потому что эти минуты... я представляю себе, сколько «рекламных миллионов» содрать можно. Все забывают, что это не «пионерская песня», не «советская песня», а история развития детской песни. Это такая же история, как история жизни страны. Через песню можно все увидеть: что было, что создавали, что строили, к чему стремились. Вот и все. Это, к сожалению, катастрофа нашего общества. У нас государства нет. У нас сейчас полный развал во всем. И тут я могу перед кем угодно встать и сказать: нет государства. Потому что не выполняет главные функции».

Оля Тихомирова, Дима Машнин, Юрий Чичков, Виктор Попов, Сережа Комиссаров, Оля Королькова, Саша Мавроди. 1985 г.

Нашим нынешним руководителям, на чьих плечах лежит ответственность за судьбу страны и народа, страны стоило бы прислушаться к словам В. Попова: «Дети должны петь. У детей должны быть свои — детские — песни. А что сейчас поют: английские и американские песни? Поют такое, где ни голова не работает, ни сердце. Я думаю, сейчас идет целенаправленное разрушение культуры... Но все равно кто-то наши песни достает, и все равно они звучат. И, слава Богу, что нашлись люди, которые стали это поддерживать. Понимают, что без этого жить нельзя. Все равно наша детская песня, нормальная детская песня, должна найти выход и должна снова выйти на свои рубежи, которые ее достойны, ей принадлежат».

Сегодня БДХ «прикреплен» к Российской государственной радиоконпании «Голос России» и носит имя своего основателя. Хочется надеяться, что песни, записанные хором еще в прошлом столетии, будут продолжать звучать, а также получать новое достойное звучание и нести светлую энергию — в том числе и в память о выдающемся руководителе этого замечательного коллектива.

Матвей СЛАВКО

Харьков

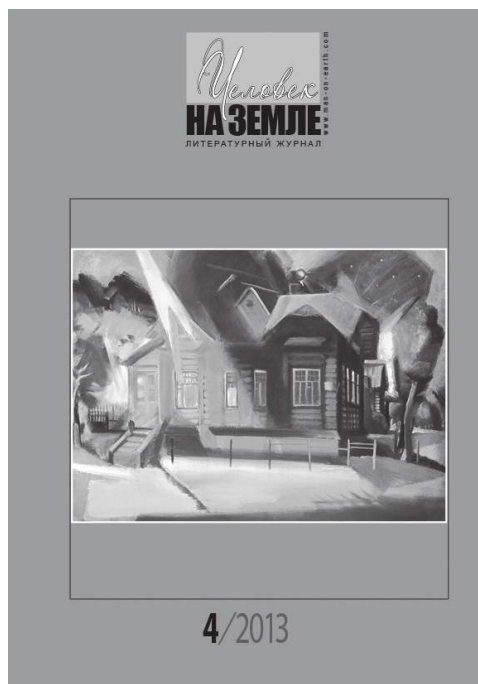

«ЧЕЛОВЕК НА ЗЕМЛЕ»: ПРОТИВОВЕС НАНОСИМОМУ ЗЛУ

Сейчас мало кого удивишь новым изданием, время нынче хоть и антикультурное, пространство культуры стягивается подобно шагреновой коже, но то там, то сям пробиваются подобно траве сквозь бетон и асфальт новые альманахи, сборники, антологии. Казалось бы, такая общественная институция, как русский толстый литературный журнал, потихоньку отмирает, бумажные тиражи «толстяков» катастрофически упали, их читают преимущественно в Интернете.

Есть люди, полагающие, что «отечественная литературно-художественная периодика сегодня являет собой собрание плодов разнообразных, подчас диковинных вкусом и цветом, разновеликих по уровню и направлениям и ... в количестве совершенно недостаточном на душу населения».

В последнее воскресенье сентября в Харьковской библиотеке им. Маяковского состоялась презентация нового московского литературного

журнала «Человек на земле». Журнал фактически ежеквартальный, в течение года вышли в свет четыре номера.

Надо ли говорить, что лицо издания всегда определяет главный редактор. В данном случае это Татьяна Сурганова — литературовед, лингвист, переводчик, кандидат филологических наук, преподаватель МГУ. Поясняя в своем харьковском выступлении посыл явления нового издания, Татьяна Всеволодовна рассказала, что вдруг ощутила как личный вызов пространства и времени необходимость собрать такой журнал, такой круг авторов, который бы ее устроил и очертил вовне некую ее внутреннюю, отчасти интуитивную парадигму. «Скрытый потенциал российской литературной современности огромен, — говорит Т. Сурганова, — и поскольку читатель и тексты, так же, как человек и Земля, — сосуды сообщающиеся, друг друга взаимно наполняющие, мое твердое убеждение состоит в том, что воспитание если не в избытке, то в достаточном количестве понимающих, умных и тонких читателей предполагает в доступном избытке наличие умной, тонкой, прекрасной литературы. Таким образом, основная миссия журнала проста и очевидна — поиск и предъявление читателям талантливых авторов. Освещая и обсуждая имена, достижения, тенденции, возникающие в современной отечественной литературе, мы надеемся тем самым внести свою посильную лепту в текущий литературный процесс».

Т. Сурганова в Харькове

«Человек на земле» — так называлась известная книга 1975-го года филолога Всеволода Алексеевича Сурганова, написавшего исследование о писателях-«деревенщиках». «Русская деревня нынче стареет, спивается, уходит, переселяется в города, приспособляется к фермерскому хозяйству, обустраивается дачниками, приезжими издалека, — говорит дочь исследователя русского советского почвенничества. — Да и городская улица моего детства со скрипучим под бабушкиными валенками снегом, с травой и деревянными домами, с лужайкой, на которой отец учил не падать с велосипеда, — исчезла с лица земли, подобно сотням затопленных деревень. Живя на той улице, я твердо знала, что самое лучшее на Земле — люди, а самое дорогое для них — другие люди и Земля. Жаль, что улицы больше нет: как было бы радостно не слышать о ядерных взрывах, о войнах, о таежных пожарах, о разливах нефти, о мусорных свалках, заметных из космоса, о неисчислимых мучениях людей и Земли. Узнал бы о том Федор Иванович Тютчев, называвший почву всепоглощающей и миротворной бездной, что б сказал?»

Ныне московский городской житель, Т. Сурганова сегодня это название, «Человек на Земле», трактует расширительно-космически; достаточно было строчную букву в названии издания сделать заглавной, и сразу у русского почвеннического послания появился характер всемирной отзывчивости. Главный редактор говорит: «География журнала охватывает пространство русскоязычной словесности, давно уже не совпадающее с политическими границами любезного Отечества: мы привлекаем литераторов

от Владивостока и Норильска до Лос-Анджелеса. Журнал в особенности старается представлять разнообразную палитру современной поэзии: и почвенническое направление, и религиозно-философские изыскания, и авангардистские поиски новых форм и языковых возможностей. Прозу стараемся печатать во всех ее проявлениях, поскольку по-настоящему хорошая проза — всегда несравненная удача, *garra avis*, поди поймай ее».

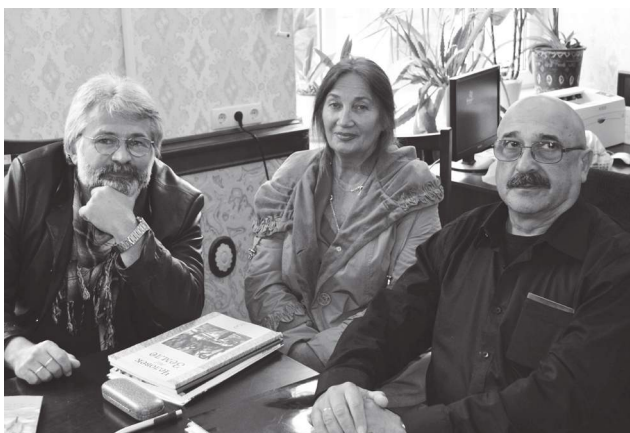
Всё подтверждается содержанием журнала, публикующем сочинения не только отечественных, ныне здравствующих авторов, но и, скажем, Редьярда Киплинга, Джорджа Уильяма Рассела и др. В поле пристального зрения главного редактора Сургановой и редакционного коллектива (это Сергей Гонцов, Максим Крайнов и другие доброхоты) находятся авторы не только московские (Борис Евсеев, Алексей Ивантер, Ганна Шевченко), но и Юрий Милославский (Нью-Йорк), Раиса Беляева (Гурина) из Киева, минчанин Михаил Шелехов, Ната Сучкова из Вологды. И многие другие.

Кроме Москвы презентации прежде в других городах не проводились, и глубоко символично, что первое же выездное представление публике журнала состоялось именно в Харькове, городе, делегировавшем на страницы «Человека на Земле» целую плеяду сочинителей. Т. Сурганова называет это «высадкой харьковского десанта во всех выпусках, начиная с самого первого». Это поэты Ирина Евса, Станислав Минаков, Герман Титов, Ирина Легонькова, а также же вышеупомянутые Ю. Милославский (опубликовавший во 2-м номере фрагмент новой повести, связанной с тайной гибели Царственных Страстотерпцев, «Сведения, исходящие от Полковника П. Ю. Лутохина», а в 3-м — главой из книги о двенадцатых православных праздниках «Просветимся торжеством: от Пасхи Христовой до Вознесения») и Р. Гурина, оба — слушатели знаменитой харьковской литературной студии середины 1960-х, которой руководил Борис Чичибабин.

На презентации в Харькове 141

Каждый номер журнала снабжен цветной вклейкой с русскими пейзажными работами современных художников, в частности, в 3-м номере поэт Г. Титов представил свои цифровые офорты храмов Харькова. В этом же номере юмористическому трактату Ивана Милых (Джанкой—Керчь) предпослана графическая работа известного харьковского карикатуриста Александра Сидоренко. Найдем мы здесь и замечательный фотопортрет Т. Сургановой работы известного кинооператора Анатолия Заболоцкого. Оформление журнала совершенствуется от номера к номеру. В частности, 4-й номер по-дизайнерски изысканно оформил Владимир Галатенко, заслуженный художник России, членкор Российской Академии художеств.

С. Минаков, Р. Гурина, Ю. Милославский

Корреспондент харьковской газеты «Время» С. Чепижный в статье «“Человек на земле”: поэты у себя дома» отметил: «Встреча поэтов и любителей поэзии была заявлена как открытое расширенное заседание редакторского совета и авторского актива. А «десант» состоял из поэтов и писателей — как постоянно проживающих в «первой столице» Украины, так и тех, кто ныне живет вдалеке от своей малой родины...» Жестко высказался о нашем времени харьковчанин по рождению и американец по месту жительства поэт и прозаик Милославский. Он назвал его «эпохой злокачественного культурного неразличения и разрыва иерархических связей», то есть размыва критериев. Расцвету «культурных сорняков и пенопластовых обманок», по его мнению, должен себя противопоставить новый «здоровый журнал». Да, сейчас это сделать сложнее, чем в любую предшествующую историческую эпоху. Но — важно и своевременно. «Старые толстые журналы мертвы: то, что мы видим сегодня — это «зомби». Появление нового журнала среди «мертвецов» требует от него серьезного удерживания планки и сохранения изящной легкости».

К слову, об «изящной легкости». Выступления харьковцев на презентации вполне соотносились с афористичными и концептуальными цитатами из классиков, которые использовала главный редактор Сурганова в оформлении журнальных книжек. В частности, 3-му номеру предпослан эпиграф из Фридриха Гёльдерлина: «Много заслуг у человека земного, / Но жив он только в поэзии». Цитата приведена и на немецком языке, «Voll Verdienst, doch dichterisch wohnt / Der Mensch auf dieser Erde», что также выдает в концепции журнала желание соединить космос русского почвенничества с мировой цивилизацией.

Р. Беляева (Гурина) вспомнила, что когда-то на всех заседаниях литературной студии под руководством Б. Чичибабина ее участники стремились непременно слушать и слышать друг друга. И сегодня эта традиция должна продолжаться, хотя ныне — похоже, время эгоцентрических монологов. Благодаря новому журналу сегодня «мы читаем друг друга, узнаем друг друга», как это было всегда между литераторами. Тезис любимой чичибабинской студийки прямо соотносится с фразой Т. Элиота, 1939-го года, вынесенной на четвертую страницу обложки 2-й книжки журнала: «Журнал подарил мне встречи, дружеские связи и знакомства не-оценимого свойства; мне приятно также думать, что он послужил сотрудникам, положив начало дружескому общению между людьми, которые, возможно, иначе не встретились бы, или не узнали о работе друг друга».

С. Минаков выразил наблюдение, что культурная среда вообще и, в частности, Харькова сжимается подобно шагреновой коже. Скоро, по его мнению, вся местная русская литературная общественность сможет уместиться в одном небольшом зале. Журнал «Человек на Земле» он назвал «примером поразительного порыва», призывом к расширению общения тех, кто пишет и кто читает. Он счел символическим внятное присутствие на страницах московского журнала литераторов Харькова, который в данном случае стал, наряду с Москвой, второй литературной, культурной столицей Русского Мира.

Глава популярного харьковского телеканала «Первая столица», литератор, депутат горсовета Константин Кеворкян высказал соображение, что культурная жизнь не может исчезнуть никогда, уже хотя бы потому, что из полутора миллиона жителей города семьсот тысяч человек, по статистике, имеют высшее образование. Такой образовательный ценз уникален для городов Украины (да и для многих мегаполисов вообще). Другой вопрос — развитие и продвижение культурной русской жизни, широкое информирование и социально-культурная реклама, столь

необходимые сегодня Харькову. К. Кеворкян проинформировал, что с февраля 2014 г. в Харькове начнет работу представительство Россотрудничества и это, по его мнению, должно помочь в общем деле.

На харьковской встрече авторы — как было подмечено, представители пяти литературных поколений — исполнили свои произведения. Раиса Гурина прочла три прозаических миниатюры, стихи читали Юрий Милославский, Аркадий Филатов, Станислав Минаков, Герман Титов, Андрей Костинский, Анатолий Кутник, Вениамин Ленский.

День презентации закончился тем, что группа литераторов из разных городов совершила продолжительную прогулку по Харькову, побывав у горельефа Б. Чичибабина и завершив общение поздним вечером на террасе дома, где некогда жил поэт Владимир Мотрич, тоже легендарный чичибабинский студиец. Там была оставлена для него бутылка коньяка, поскольку, по словам его друга Ю. Милославского, «тень Мотрича по ночам ходит по улицам и переулкам родного города и непременно заходит на свою старую терраску». Именно там, на доме номер 6, по пер. Саммеровскому, и следовало бы поставить памятную доску поэту Мотричу, одному из харьковских «человеков на Земле».

Длятся послания ушедших с Земли человек, длится и журнал «Человек на Земле», возникший вопреки абсурду современного распадающегося мира, пытающийся собирать и удерживать ценности добра и жизни. Послание журнала кумулятивно сжато в строках автора жившего давно, в XVIII в., — философа, священника, естествоиспытателя Джозефа Пристли,

вполне адекватно характеризующих и современную парадигму человеческого существования: «Эти доказательства частичного восстановления воздуха растениями в состоянии вегетации, хотя в условиях стесненных и искусственных, с высокой вероятностью свидетельствуют, что рана, постоянно наносимая атмосфере дыханием стольких животных и гниением столь огромных масс растительного и животного вещества, хотя бы отчасти заживляется повсеместным порождением зелени, невзирая на чудовищную массу воздуха, которая ежедневно портится вследствие вышеупомянутых причин; однако, если принять в рассуждение, что растения изобилуют на поверхности земли, произрастая в местах, благоволящих их природе, а значит, вполне проявляют все свои свойства, мощно вдыхая и выдыхая, едва ли возможно не думать о том, что это достаточный противовес наносимому злу и что лекарство сообразно болезни».

Может быть, Земля была бы рада от нас освободиться, — восклицают создатели нового журнала. — Может быть, она терпит нас только потому, что время от времени, не очень часто, сквозь омерзительную и по видимости несдираемую коросту хамства, глупости, ненависти, грамотного и неграмотного потребительства, бытового мата, убийств и самоубийств, лжи, лизоблюдства и лицемерия пробивается неожиданное, драгоценное, спасительное.

Именно так: противовес наносимому злу.

Г. Титов, Ю. Милославский, А. Филатов на ул. Чичибабина. 29 сентября 2013 г.

Вячеслав ФРЕКЕН

Харьков

МИСТИКА, ТАЙНА И МУКИ РОЖДЕНИЯ ВЕЛИКОГО

*Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда...*

Анна Ахматова

У нас театры вырастали обыкновенно из крепостных трупп. Вначале помещик создавал домашний театр для своего увеселения, где играл в основном крепостной люд и домочадцы. Именно так начиналась Харьковская Опера, с крепостной труппы Григория Фёдоровича Квитки-Основьяненко! Самые талантливые и выдающиеся из артистов блистали впоследствии на сценах больших городов и столиц, оставаясь зачастую крепостными. Так закладывался фундамент будущих прославленных коллективов, театральных традиций и стационарных театров, в отличие от бродячих антреприз, создаваемых на один сезон. Именно эти традиции и культурная среда вызвали к себе неизменный интерес и выдвинули знаменитых меценатов (Н. Демидов, Н. Шереметьев, С. Морозов и С. Мамонтов), породили выдающиеся сценические имена Прасковьи Жемчуговой, Степана Мочалова, Михаила Щепкина — основоположника отечественной актёрской школы. Театральные подмостки Российской империи в XIX веке, как магнитом притягивали к себе мировые звёзды (с одной стороны огромными гонорарами, а с другой — строгой и взыскательной, но в то же

время восприимчивой к высокому искусству и благодарной публикой), начинавшими своё триумфальное шествие с Одессы и Харькова, а в случае удачного приёма завершавшими гастроль в Москве и Петербурге. Ко времени описываемых событий Харьков занимал прочное 3-е место театральной «столицы». К началу XX столетия здесь действовало четыре музыкальных театра, включая оперетту и множество драматических коллективов, имевших стационарное помещение. Некоторые театры могли похвастать богатой историей и сложившимися традициями и смело соперничать с центральными столичными сценами. В те времена гастролёры большей частью приезжали к нам, чем выезжали. Моя бабушка помнила выступление в одном спектакле, сыгранном в Харькове («Демоне» Антона Рубинштейна), звезд первой величины — Фёдора Шаляпина, Титто Руффо и Энрико Карузо! С тех пор минуло сто лет.

Это были незабываемые театральные вечера начала XX века! Очередь за билетами простиралась от «Большой оперы» на улице Рымарской вниз до Бурсацкого спуска в центре и не расходилась дотемна! Чтобы попасть на знаменательный спектакль очередь занимали с вечера и дежурили всю ночь. Помимо «Большой оперы» в то время также функционировали такие театры, как «Музыкальная драма» в самом центре на Николаевской площади и «Итальянская опера» — угол Лопанской набережной и Екатеринославской улицы. Бабушка,

которой в ту пору еще не исполнилось 16 лет, попала на упомянутое представление лишь благодаря тому, что ее будущий супруг, мой дед, тогда еще студент, подрабатывал в опере статистом. Раиса уже бывала в этом театре и признавалась, что он буквально потряс её в первое посещение — скромный снаружи, но наполненный феерическим блеском хрусталя в интерьере с античной величавостью происходящего на сцене музыкального действия. Крепко держась за руки, Раиса с племянником Иосифом, сыном старшей сестры, умолившим взять его с собой, протиснулись сквозь толпу ко входу, где их ждал Анатолий.

Партер, амфитеатр, ложа бенуар, дорогие балконы были заполнены фрачными меломанами и съехавшейся со всей прилежащей к городу ойкумены аристократией. Верхние ярусы буквально кишели разношерстной публикой: казённые мундиры мешались с торговыми и ремесленными камзолами и более модными щёгольскими сюртуками. Обычно шумная галёрка, набитая студентами и простолюдинами, почти не шевелилась от тесноты и в предвкушении предстоящего зрелища, лишь время от времени охала... Театр ошеломил шестилетнего мальчика: кариатиды, подпирающие балконы, барельефы греческих масок, сирены с золотым оперением на сценическом занавесе... Под плоским, сходящимся к краям куполообразными падуками потолком, обеспечивающим чудесную акустику, на зеркальной поверхности свода выше колонн величественно взирали с портретов корифеи отечественной музыки с одной стороны зала и выдающиеся композиторы зарубежья — с противоположной. Прозвучал третий звонок. Взглянув на Анатолия, находившегося справа в недавно встроенной между ложей бенуар и верх-

ними ярусами ложе бельэтаж, Иосиф заметил, что тот делает ему знак посмотреть вверх. Подняв голову, мальчишка замер от восторга: свисавшая гигантскими сосульками люстра начала медленно гаснуть по периметру — от самого большого огненного ожерелья до пирамидального плафона в центре. От быстрой смены обстановки, запаха свежей краски, смешанного с разнородной парфюмерией гостей, у ребёнка закружилась голова. В одно мгновение ему почудилось, что люстра, покачнувшись, начала падать. Зал погрузился в кромешную тьму. Только оркестровая яма от фонариков пюпитров была окутана, как ему показалось, спасительным розовым туманом. Над ней единым белым пятном от освещённой партитуры магически парил дирижёрский пульт. Когда его затмил чёрный силуэт дирижёра и занавес подался в стороны, с первыми звуками музыки во мраке вырисовался горный ландшафт, озаряемый вспышками молнии. Восхищённый Иосиф всем своим естеством перенёсся на сцену. Внезапно в ярких лучах прожекторов возникла фигура Демона, облачённого в белые одеяния, с широко раскрытыми искрящимися глазами и ниспадающими змеевидными локонами. Захваченная происходящим действием Раиса не почувствовала, как малыш крепко прижался к её плечу. Но когда зазвучал голос певца, проникающий в глубины сознания, он от страха залез под сиденье и укрылся оборками тёткиного нового вечернего платья. Девушка попыталась успокоить племянника, но тщетно. Рядом сидевшие степенные зрители тут же выразили ей своё недовольство. С беспокойством думала Раиса, как в антракте публика, а главное Анатолий, станут со смехом обсуждать этот курьёз. Уже засветилась люстра, а Иосиф под впечатлением внушающего ужас Демона продолжал сидеть под креслом, укутавшись подолом платья Раисы, и вытащить

его оттуда было просто невозможно. Маленький инцидент, как она и предполагала, вызвал насмешки и колкие замечания меломанов. Наконец, услышав шум в зале и убедившись, что страшное зрелище осталось за кулисами, мальчик выбрался из своего убежища, путаясь в уже слегка помятом накрахмаленном кринолине под строгие нарекания юной тётки. Однако с появлением Демона во 2-м акте всё повторилось сначала.

Дома Раиса, сконфуженная поведением племянника, разразилась жалобами на него.

— Нет, ты только подумай, Анна, испугался Демона на сцене! Ничего не слышал и не видел, весь спектакль просидел под креслом, закрыв уши моими гипюрами!.. Позор! Не видеть такую игру, не слышать такие божественные голоса! Мы чудом достали билеты в партер, даже асесоры не гнушались галёрки! Нет, это в первый и последний раз я взяла его в театр, — возмущалась юная барышня, всерьёз рассерженная на съёжившегося в углу просторной гостиной племянника.

— Неправда! Я всё слышал, — твёрдо произнёс мальчик в свою защиту.

— Что ты мог слышать под скамейкой, дрожащий от страха, с закрытыми ушами?! — не унималась Раиса.

— Это ты ничего не слышала, — явно с обидой в голосе заявил малыш. Ведь всё происходящее на сцене он воспринял, как окно во вполне реальный, ещё неведомый ему мир, и не один звук не пролетел мимо его пытливого внимания.

— Ося, расскажи, пожалуйста, что происходило на сцене, если ты всё слышал, — вмешалась Анна, никак не ожидавшая от любознательного сына такого конфуза.

— Я всё помню, — уверенным голосом повторил он.

— Тогда спой нам, — настаивала мать.

И тут, неожиданно преобразившись, Иосиф запел «Монолог Демона», точно воспроизводя тему. А затем исполнил музыку почти всей оперы, прекрасно интонируя трудные места со словами, которые ему запомнились. Взрослые поглядывали друг на друга в растерянном изумлении.... Так впервые талантливый ребёнок продемонстрировал незаурядные музыкальные способности. Анна, скептически относившаяся к профессии музыканта, тем не менее пригласила в дом учителя фортепиано. Через несколько дней в семью Шиллингер была откомендована одна из лучших пианисток Харькова, представительница музыкантской династии Горовиц.

Прошли годы, и подобно Иоганну Себастьяну Баху, выработавшему на базе старой полифонии систему (современная клавиатура) и законы гомофонической музыки, Иосиф Шиллингер, будучи запрещённым на Родине композитором вплоть до реформенного времени, создал и установил законы новейшей полифонии XXI столетия, «Систему музыкальных композиций Иосифа Шиллингера», таким образом осуществив очередной виток в спирали развития мировой музыкальной культуры. Подвести логическую черту в фундаментальной музыке за последние 300 лет выпало на долю этих двух личностей. Беспрецедентный подвиг в искусстве был совершен каждым из них сообразно с задачами и условиями своего времени. В этой связи надо заметить, что, как и в случае с Бахом, заслуги Шиллингера (1895–1943) только начинают осознаваться человечеством через сто лет после его смерти.

СОДЕРЖАНИЕ

СТУДИЯ ставшая ЛЕГЕНДОЙ

Юрий МИЛОСЛАВСКИЙ	6
Борис ЧИЧИБАБИН	13
Михаил КОПЕЛИОВИЧ	21
Юрий КОЗАРОВИЦКИЙ	23
Генрих ШМЕРКИН	28
Раиса ГУРИНА	30

ПОЭЗИЯ

Богдан АНТ	34
Галина БАБАК	35
Дмитрий БИЛЬКО	36
Зинаида ВАРЛЫГИНА	39
Иван ВОЛОСЮК	41
Вита ГУК	44
Марина ГУРТОВАЯ	48
Елена ДАНЧЕНКО	50
Екатерина ДЕРИШЕВА	53
Людмила ЕЛИСЕЕВА	55
Андрей КОСТИНСКИЙ	58
Михаил КРАСИКОВ	60
Виталий КУЗНЕЦОВ	62
Лариса ЛОСЬ	63
Алексей МАЛЕЕВ	65
Марина МАТВЕЕВА	67
Виктор МОСТОВОЙ	70
Сергей НИКОДА	72
Ольга ОЛГЕРТ	76
Виталий СВИРИДОВ	80
Илья СЕМЕНЕНКО-БАСИН	82
Николай ТИМОХИН	84
Снежана ТИМЧЕНКО	86
V. ZOLIN	88

ПРОЗА

Зульфия АЛЬКАЕВА	94
Марина ГУРТОВАЯ	98
Дмитрий ЖУКОВ	99
Александр ЗАРХИН	102
Александр КОНОПЛЯ	106
Мария МАМАЛУЙ	109

СТАТЬИ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Юрий ГЕРАЩЕНКО	114
Станислав МИНАКОВ	120
Анна МИНАКОВА	134
Матвей СЛАВКО	140
Вячеслав ФРЕКЕН	144

Литературно-художественное издание

ЛАВА

Проект клуба поэзии АВАЛ

Концепция номера,
вёрстка, дизайн – Герман Титов

Сдано в набор 12. 05. 2014.
Подписано в печать 13. 05. 2014.
Формат 170х297/16. Бумага офсетная.
Печать офсет. Тираж 500 экз.

Типография ЧИПП «Слово»
61024 г. Харьков ул. Лермонтовская, 27
тел./факс (057) 7192195
Свидетельство о внесении
в государственный реестр:
ХК № 214 от 21.11. 2007г.